

623
А. С. ПРУГАВИНЪ.

801-18

341

~~ХАСТ~~
М ⁸⁵ / 212

„БРАТЦЫ“ и ТРЕЗВЕННИКИ.

Изъ области религиозныхъ исканій.

Съ портретами и иллюстраціями.

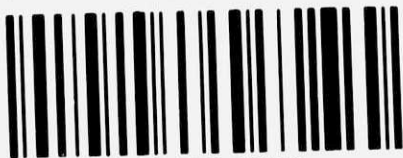
МОСКОВСКІЙ ПУБЛИЧНЫЙ
ХП-10206
и РУМАНЦОВСКІЙ МУЗЕЙ

Кн-во «ЗЛАТОЦВѢТЪ».

МОСКВА. — 1912.

*Они преступники! Они без позволенья
Ушли въ безвѣстный путь отъ приста-
ни земной...
Но обвинять-ли ихъ? Винить-ли жиз-
ни строй,
Безмысленный и злой, не знающій про-
щенья?...*
Апухтинъ.

2014334336

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
I. Православіе въ опасности.	1
II. На двѣ жизни.	9
III. „Братецъ Иванушка“.	14
IV. „Братецъ Іоаннъ“ и наша печать.	24
V. Прошлое „братца“.	34
VI. Въ сумасшедшемъ домѣ.	37
VII. Въ монастырской тюрьмѣ.	42
VIII. „Трезвенники“.	50
IX. Послѣдователи „братца“ изъ привилегированной среды.	58
X. Они идутъ за нимъ	61
XI. Чему учить и какъ живетъ братецъ Иванъ Чуриковъ	68
XII. Миссіонеры и „братецъ“	75
XIII. Анафема.	83
XIV. Торжество православія и результаты отлученія	90
XV. Разгромъ	97
XVI. „Изувѣрщія“ и „безиравственныя“ секты.	106

Православіе въ опасности.

Миссіонеры неустанно бьютъ тревогу. Шефъ ихъ, г. Скворцовъ, «чиновникъ особыхъ порученій Св. Синода», настроенъ крайне воинственно. Тѣмъ же «боевымъ» настроеніемъ охвачены господа и отцы миссіонеры,—синодальные, епархіальные, въ родѣ г. Айвазова или протоіерея Восторгова.

Отчаянный набатъ несется съ сѣрыхъ, грязноватыхъ страницъ скворцовскаго «Колокола». Православіе въ опасности! Страшная, неминуемая опасности со всѣхъ сторонъ грозятъ православной, господствующей церкви. Тутъ и сектантство—раціоналистическое и мистическое,—и старообрядчество, и католическая пропаганда, и атеизмъ, и либеральная печать, и интеллигенція, проникнутая духомъ масонства и т. д. и т. д.

Въ самомъ дѣлѣ, если послушать, если почитать нашихъ миссіонеровъ, то право можно подумать, что Россія находится наканунѣ реформаціи, что нашей церкви грозитъ неминуемая катастрофа, чуть ли не полный развалъ.

Съ разныхъ сторонъ, съ разныхъ концовъ Россіи несутся вопли миссіонеровъ о необыкновенно быстрыхъ успѣхахъ сектантскаго, антиправославнаго и даже антицерковнаго движенія, происходящаго у насъ въ народѣ и обществѣ.

Вотъ, на примѣръ, что пишетъ въ скворцовскомъ «Миссіонерскомъ Обозрѣніи» сибирскій миссіонеръ, іеромонахъ

Алексій: «Въ настоящее время *вся Сибирь охвачена сектантскимъ движеніемъ*. Баптизмъ и адвентизмъ *глубоко пускаютъ свои корни* и свиваютъ себѣ гнѣзда среди поселковыхъ жителей по всей линіи Сибирской желѣзной дороги. Главными центрами сектантства являются станціи: Омскъ, Новониколаевскъ, и Красноярскъ. Отсюда уже *сектантская ложь разносится во всѣ стороны Сибири*¹⁾, и т. д.

И подобныхъ сообщений, кричащихъ о необыкновенно быстрыхъ и поразительныхъ успѣхахъ сектантовъ и идущихъ изъ самыхъ различныхъ концовъ Россіи—я могъ бы привести здѣсь цѣлые десятки. Подобными сообщениями прямо переполнены наши миссіонерскія, синодальныя и епархіальныя изданія.

Если вы подумаете, что въ центрахъ Россіи дѣло обстоитъ лучше, чѣмъ въ глуши провинціи и на окраинахъ, то вы жестоко ошибетесь въ этомъ. Такъ по крайней мѣрѣ изъ всѣхъ силъ стараются увѣрить насъ миссіонеры въ своихъ органахъ. Даже въ столицахъ положеніе дѣла рисуется обыкновенно въ очень мрачныхъ краскахъ.

По увѣренію миссіонеровъ и Петербургъ и Москва кишатъ всевозможными сектами: тутъ и баптисты, и евангельскіе христіане, и пашковцы, и адвентисты, и іоанниты, и толстовцы, и свободные христіане и «трезвенники», руководимые разными «братцами», которыхъ духовныя власти считаютъ «тайными хлыстами.»—хитрыми и опасными. Недавно одинъ петербургскій священникъ публично заявилъ, что за послѣднее время православныя церкви на половину опустѣли.

Если мы примемъ за чистую монету все то, что пишется теперь въ миссіонерскихъ органахъ о развитіи сектантства, то мы несомнѣнно должны будемъ придти къ заключенію что сейчасъ вся Россія, какъ пожаромъ, охвачена религиознымъ движеніемъ, идущимъ въ разрѣзъ съ господствующимъ

шимъ вѣроисповѣданіемъ и что движеніе это чуть не повсюду одерживаетъ явную побѣду надъ православіемъ, которое оказывается совершенно безсильнымъ предъ натискомъ разныхъ еретическихъ теченій и не въ состояніи дать имъ отпора.

Но такъ ли обстоитъ дѣло въ дѣйствительности? Нѣтъ ли тутъ, въ этихъ вопляхъ миссіонеровъ о побѣдоносномъ и грозномъ движеніи сектантства явнаго преувеличенія? Не слишкомъ ли они сгущаютъ краски, рисуя съ одной стороны огромные успѣхи сектантства, а съ другой—совершенно безпомощное положеніе «господствующей» церкви?

Было время, когда всѣ подобнаго рода вопли и увѣренія миссіонеровъ принимались обществомъ съ полнымъ довѣріемъ.

Но затѣмъ съ теченіемъ времени эти запугиванія сдѣлались самымъ обычнымъ приемомъ миссіонеровъ, вошли такъ сказать въ ихъ ежедневный обиходъ. И вотъ, по мѣрѣ того, какъ эти запугиванія продолжались непрерывно, все возрастая и увеличиваясь, они мало-по-малу теряли свое значеніе и переставали производить впечатлѣніе.

Набатъ гудѣлъ слишкомъ продолжительное время, ни на минуту не прерываясь, гудѣлъ такъ долго, что наконецъ къ нему всѣ привыкли и онъ уже пересталъ кого-нибудь пугать и тревожить. Тѣмъ не менѣе миссіонеры и сейчасъ не перестаютъ звонить о страшной и неминуемой опасности, которая якобы угрожаетъ православной церкви со стороны сектантства, очевидно забывая извѣстное евангельское изрѣченіе о несокрушимости истинной церкви, которую никакія силы ада одолѣть не могутъ.

Съ какими цѣлями поднимается эта тревога, производятся эти запугиванія—догадаться, конечно, не трудно, тѣмъ болѣе, что вслѣдъ за описаніемъ необычайно быстрого развитія сектантскаго движенія, всегда и неизмѣнно слѣдуютъ настойчивыя заявленія о необходимости новыхъ ограниченій,

¹⁾ „Миссіонерское Обзорѣніе“, 1910 г., іюнь мѣсяцъ.

новыхъ репрессій, новыхъ скорпіоновъ противъ «сектантской пропаганды».

Не задумываясь о причинахъ, которыми вызывается сильное развитіе у насъ антиправославныхъ теченій въ народѣ и въ обществѣ, миссіонерскіе органы и правыя газеты, издающіеся на темныя деньги, все дѣло объясняютъ исключительно «сектантской пропагандой», которая якобы не встрѣчаетъ должнаго отпора и преслѣдованія со стороны предержавшихъ властей. Главную же причину всѣхъ этихъ золъ миссіонеры и черносотенцы—тѣ и другіе давно идутъ рука объ руку—видятъ теперь ни въ чемъ иномъ, какъ въ законоположеніяхъ 17 апрѣля и 17 октября 1905 г., провозгласившихъ у насъ свободу вѣроисповѣданія.

Да, наши миссіонеры до сихъ поръ не могутъ примириться съ раскрѣпощеніемъ совѣсти русскихъ людей. Они не хотятъ признать, что въ интимной области религіозныхъ вѣрованій и убѣжденій не допустимы никакіе тиски и путы, никакое давленіе.

Со своей стороны мы категорически утверждаемъ, что, рисуя успѣхи сектантскаго движенія, миссіонеры черезчуръ сгущаютъ краски, черезчуръ преувеличиваютъ значеніе, размѣры и силу современнаго сектантскаго движенія.

Въ доказательство этого мы можемъ, между прочимъ, сослаться на *официальныя* свѣдѣнія о числѣ лицъ, перешедшихъ за послѣднее время изъ православія въ сектантство и старообрядчество. По этимъ свѣдѣніямъ оказывается, что съ 17 апрѣля 1905 г. по 1-е января 1909 г. изъ православія отпало: въ старообрядчество 4,240 человекъ, а въ сектантство 3,039 человекъ. Затѣмъ по 1-е января 1910 года отпало отъ православія: въ старообрядчество 1,013 человекъ и въ сектантство 360. Какъ видитъ читатель, цифры эти настолько незначительны, что не даютъ, разумѣется, ни малѣйшаго основанія говорить о якобы грозномъ развитіи у насъ сектантскаго движенія.

Если-же крупныя, массовыя отпаденія отъ православія

дѣйствительно имѣли мѣсто въ послѣдніе годы, то они происходили не въ сторону сектантства или старообрядчества, а въ другія вѣроисповѣданія: въ католичество, лютеранство и магометанство. При этомъ необходимо имѣть въ виду, что по объясненію самаго оберъ-прокурора Св. Синода С. М. Лукьянова, «главная и общая причина массовыхъ отпаденій во всѣ три указанныя вѣроисповѣданія заключается въ томъ, что большинство отпавшихъ и до указа 17 апрѣля 1905 года въ дѣйствительности не принадлежали къ православной церкви, лишь формально числились въ ней и втайнѣ, а иногда и явно слѣдовали прежней вѣрѣ или вѣрѣ отцовъ своихъ».

Тѣмъ не менѣе однако, мы отнюдь не намѣрены отрицать, что положеніе вещей въ нашей церкви представляется весьма серьезнымъ. Наоборотъ, мы всецѣло готовы признать, что въ настоящее время господствующая церковью дѣйствительно переживаетъ очень важный, почти критическій моментъ. Опасность для православія, безъ сомнѣнія, существуетъ, но мы видимъ эту опасность совсѣмъ не тамъ, гдѣ видятъ ее миссіонеры и Святѣйшій Синодъ. И причины этой опасности по нашему убѣжденію лежатъ не *внѣ*, а внутри самой церкви.

Невозможно отрицать, что официальная церковью давно уже перестала удовлетворять наиболѣе сознательные круги народа и общества. Число недовольныхъ быстро растетъ все болѣе и болѣе. Народъ готовъ идти мимо церкви. Онъ начинаетъ искать себѣ руководителей помимо духовенства.

Печальное состояніе, которое переживается русской церковью, признается и духовными и свѣтскими писателями, и правыми и лѣвыми. Даже такой столпъ консерватизма, какъ редакторъ «Гражданина», князь Мещерскій и тотъ не разъ сочувственно цитировалъ извѣстныя крылатыя слова о томъ, что наша церковью въ параличѣ.

Причины столь безотраднаго положенія нашей церкви давно уже выяснены въ печати. Едва-ли не больше всего

въ этомъ отношеніи сдѣлано такими вѣрными сынами православной церкви, какъ И. С. Аксаковъ и Ю. Ф. Самаринъ. Рядомъ съ ними слѣдуетъ поставить нашего знаменитаго философа Вл. С. Соловьева, и наконецъ Л. Н. Толстого.

Аксаковъ особенно ярко освѣтилъ «плачевное состояніе религіи въ Россіи»; съ большой силой и пылкостью ¹⁾ представилъ онъ «недостойное, грустное, ужасное состояніе нашей церкви». Главная, коренная причина этого печальнаго явленія кроется въ тѣхъ отношеніяхъ, какія съ давнихъ временъ установились у насъ между церковью и свѣтской, государственной властью. Свою мысль Аксаковъ подкрѣпляетъ историческими примѣрами—очень яркими и красочными.

Императоръ Павелъ I, «въ знакъ отличія» пожаловалъ генералъ-адъютантскіе аксельбанты преосвященному Иринѣю, архіепископу псковскому и члену святѣйшаго синода. По мнѣнію И. С. Аксакова, фактъ этотъ «многозначительно иллюстрируетъ отношенія церкви и государства въ Россіи». По его словамъ, императоръ Павелъ «былъ лишь послѣдователенъ, награждая военнымъ знакомъ отличія высшаго чиновника церкви...»

Я не буду распространяться здѣсь на эту щекотливую тему, не буду излагать мнѣній и взглядовъ Аксакова на русскую церковь, такъ какъ не сомнѣваюсь въ томъ, что читатели знакомы съ произведеніями «послѣдняго выдающагося представителя старинной славянофильской школы».

Замѣчу только, что администрація долгое время преслѣдовала Аксакова «за откровенность его критики». Только въ послѣдніе годы жизни, благодаря особымъ связямъ, онъ «получилъ привилегію свободно высказывать свои мысли». Эта привилегія исключительно принадлежала ему одному и умерла съ нимъ ²⁾.

¹⁾ Выраженіе Вл. С. Соловьева.

²⁾ Владиміръ Соловьевъ: «Россія и вселенская церковь». Краковъ, 1904 г., стр. 50.

Со времени Аксакова, конечно, много воды утекло, но положеніе русской церкви и до сихъ поръ остается безъ измѣненія. Къ леченію «паралича» такъ до сихъ поръ и не приступали. Правда, во время недавняго общаго подъема русской жизни, загорѣлись мечты, возникли планы и надежды относительно обновленія церкви и религіозной жизни, но—увыл—всѣ эти надежды и мечты «не расцвѣли и отцвѣли въ утрѣ пасмурныхъ дней».

Обновленіе церкви, котораго такъ горячо, съ такимъ страстнымъ нетерпѣніемъ ожидали всѣ вѣрные православію люди, не состоялось,—къ великому огорченію этихъ людей. Тяжелая, удушливая церковная атмосфера ни мало не освѣжилась. И въ церкви, и въ церковно-приходской жизни и въ церковномъ управленіи все осталось по старому, по прежнему, какъ было сто, полтора ста лѣтъ тому назадъ.

По прежнему всякая критика ненормальныхъ отношеній, создавшихся между нашей церковью и государствомъ, сурово карается. До конституціи за такую критику лица духовнаго сана попадали въ Суздальскую крѣпость,—какъ на примѣръ, священникъ Г. И. Цвѣтковъ ¹⁾. Теперь, при обновленномъ строѣ, за то-же самое «преступленіе» священникъ Григорій Петровъ поплатился лишеніемъ сана.

По прежнему тѣ же ужасныя, совершенно архаическія духовныя консисторіи, отъ которыхъ такъ и вѣтъ XVII столѣтіемъ. Тотъ-же синодъ, который въ сущности является ничѣмъ инымъ, какъ главной, центральной консисторіей, дѣйствующей по указкѣ и командѣ г. оберъ-прокурора. Недаромъ князь Мещерскій называетъ этого сановника «папой во фракѣ».

Взаимное отчужденіе, издавна существующее между народомъ и духовенствомъ, за послѣднее время не только не сгладилось, а наоборотъ, еще болѣе увеличилось и обостри-

¹⁾ Поучительная исторія заточенія священника Цвѣткова въ Суздальскій монастырь подробно разсказана нами въ книгѣ «Монастырскія тюрьмы въ борьбѣ съ сектанствомъ». М., 1906 г.

лось, благодаря положенію, принятому значительной частью нашего клира.

Духовенство, особенно черное, все больше и больше втягивается въ политику. Священники, монахи, даже архіереи становятся дѣятельными членами и вдохновителями такихъ организацій, которыя не стѣсняются открыто проводить человѣко-ненавистническія идеи, не стѣняются громко высказывать кровожадные инстинкты, — которыя возбуждаютъ злобу и ненависть однихъ классовъ общества противъ другихъ.

И это нездоровое, въ высшей степени опасное, совершенно анти-общественное теченіе не встрѣчаетъ должнаго противодѣйствія со стороны подлежащей власти, благодаря чему становятся возможными такія печальныя явленія, какія еще недавно имѣли мѣсто на Волгѣ. «Народныя» сцены, которыя чуть не ежедневно разыгрываются теперь на площадяхъ и улицахъ Царицына, такія типы, какъ іеромонахъ Иліодоръ, призывающій къ истребленію жидовъ и интеллигенціи и его «тѣлохранитель» и «послушникъ» Савва, съ топоромъ и револьверомъ въ рукахъ, — были совершенно невыслышными даже въ далекое, дореформенное время.

Но объ этихъ сторонахъ церковно-религіозной жизни наши миссіонеры хранятъ упорное молчаніе.

II.

На днѣ жизни.

Въ Петербургѣ и Москвѣ, въ низахъ столичнаго населенія, происходитъ религіозно-этическое движеніе, которое постепенно, на глазахъ у всѣхъ, съ каждымъ годомъ разрастается все больше, все сильнѣе. По многимъ причинамъ движеніе это заслуживаетъ того, чтобы отнестись къ нему съ серьезнымъ вниманіемъ.

Давно уже столицы и крупные городскіе центры стонуть отъ тѣхъ «подонковъ общества», отъ тѣхъ «отбросовъ» городского населенія, которые состоятъ изъ хулигановъ, пропойць, босяковъ, опорошниковъ, падшихъ женщинъ и другихъ «бывшихъ людей». Эта жалкая армія людей, выбитыхъ изъ колеи, выброшенныхъ за бортъ, опустившихся на дно жизни, быстро растетъ, по мѣрѣ того, какъ растутъ и увеличиваются трудности повседневной борьбы за существованіе.

Обыкновенно эти люди всѣми считаются «пропавшими» безнадежно погибшими, для которыхъ нѣтъ спасенія, нѣтъ возврата къ той жизни, въ которой когда-то они занимали свое мѣсто. Ни государство, ни церковь, ни общество почти ничего не предпринимаютъ, ничего не дѣлаютъ для нихъ, если не считать разныхъ жалкихъ благотворительныхъ палліативовъ.

Но вотъ объ этихъ «падшихъ», «бывшихъ людяхъ», позаботились свои же братья, близкіе имъ не только по происхожденію и по крови, но и по жизни, по своему раз-

— 10 —

Въ августѣ 1901 года въ Петербургѣ
М. С. Савва, иеромонахъ

Въ августѣ 1901 года въ Петербургѣ
М. С. Савва, иеромонахъ

витію, люди, которые подошли къ нимъ съ сердечнымъ участіемъ, съ живымъ и горячимъ словомъ утѣшенія, съ Евангеліемъ въ рукахъ. За свое простое, любовное, чисто братское отношеніе къ падшимъ, эти люди получили названіе «братцевъ».

Въ печати не разъ высказывалось мнѣніе, что «братцы»—это будто бы совершенно *новое явленіе* народной жизни, что это *новый типъ* народныхъ проповѣдниковъ, которые, чутьемъ понявъ духовныя потребности и религіозныя нужды темнаго, сѣраго люда, пытаются за собственный страхъ, по мѣрѣ своихъ силъ, удовлетворить эти потребности.

По этому поводу нельзя не замѣтить, что указаніе на *новизну* этого явленія, этго типа совершенно невѣрно, такъ какъ проповѣдники въ духѣ и стилѣ «братцевъ» издавна знакомы русскому народу, издавна существовали въ народѣ, хотя въ разныхъ мѣстахъ и въ разное время они носили различныя названія и клички.

Духовная, религіозная неудовлетворенность народа существуетъ, конечно, не со вчерашняго дня. Она ощущалась давно, и тамъ, гдѣ она проявлялась острѣе, гдѣ разрывъ и отчужденіе между населеніемъ и духовенствомъ сказывался особенно рѣзко,—тамъ постоянно являлись изъ среды самого народа наставники и учителя, которые по своему толковали «Слово Божіе», по своему проповѣдывали, какъ «жить по Божьи», какъ устроить «царство Божіе на землѣ».

Но дѣло въ томъ, что общественныя условія прежняго времени не давали возможности сколько нибудь свободно развиваться дѣятельности такихъ народныхъ проповѣдниковъ. Чаще всего при первыхъ же проявленіяхъ этой дѣятельности, такіе проповѣдники подвергались административной карѣ, въ родѣ ссылки на какую нибудь далекую окраину или же попадали на долгіе годы въ монастырскую тюрьму—въ Соловки или Суздаль—«впредь до раскаянія».

Только послѣ 1905 года, благодаря измѣнившимся обще-

ственнымъ условіямъ, народные проповѣдники получили до нѣкоторой степени возможность дѣйствовать. Однако и сейчасъ имъ то и дѣло приходится испытывать на себѣ всевозможныя стѣсненія со стороны предсржающихъ властей, особенно духовныхъ. Въ борьбѣ съ «братцами» московскія духовныя власти, напримѣръ, прибѣгаютъ къ самымъ крайнимъ, къ самымъ суровымъ мѣрамъ.

Отлученіе отъ церкви московскихъ «братцевъ», имѣвшее мѣсто въ прошломъ 1910 году, какъ извѣстно, произвело не малую сенсацію среди широкихъ круговъ населенія. Въ началѣ XX вѣка эта запоздалая анафема прозвучала какимъ-то страннымъ диссонансомъ, вызвавъ въ обществѣ тяжелыя, горькія чувства.

Вскорѣ однако оказалось, что эта исключительная, чрезвычайная мѣра совсѣмъ не достигла своей цѣли. Отлученіе отъ церкви не только не остановило, не только не затормозило дѣятельности московскихъ «братцевъ», а наоборотъ—оно способствовало еще большому оживленію этой дѣятельности и вызвало въ народѣ и въ обществѣ еще большій интересъ къ этимъ сѣрымъ, полуграмотнымъ проповѣдникамъ трезвости, воздержанія и нравственнаго обновленія.

Съ этимъ повидимому не могли примириться лица, которые, считая дѣятельность «братцевъ» вредною для церкви и духовенства, поставили себѣ цѣлью во что бы то ни стало положить конецъ этой дѣятельности. И вотъ, спустя годъ послѣ отлученія московскихъ братцевъ, противъ нихъ предпринимается новая мѣра, еще болѣе суровая и грозная.

Въ ночь на воскресенье, 27 марта текущаго 1911 года, московскіе «братцы» Иванъ Колосковъ и Дмитрій Григорьевъ были арестованы и заключены въ тюрьму. Одновременно съ ними были арестованы нѣкоторые изъ ихъ ближайшихъ послѣдователей и послѣдовательницъ, которые затѣмъ подверглись той же самой участи, какъ и ихъ

наставники, т. е. точно также были посажены за желѣзныя рѣшетки.

Говорятъ, что какъ противъ «братцевъ», такъ и противъ ихъ послѣдователей возбуждено обвиненіе по 96 ст. Уголов. Улож., т. е. обвиненіе въ принадлежности къ изувѣрнымъ и безнравственнымъ сектамъ, къ числу которыхъ, какъ извѣстно, отнесены у насъ скопцы и хлысты.

Конечно, разные общественные слои отнеслись къ этимъ событіямъ совершенно различно, что между прочимъ можно прекрасно прослѣдить по органамъ печати. Въ то время, какъ г. Скворцовъ, отношенія котораго къ Св. Синоду и православной миссіи ни для кого, конечно, не составляютъ секрета, горячо привѣтствовалъ въ своемъ «Колоколѣ» преслѣдованія, возбужденныя противъ московскихъ «братцевъ», и ихъ послѣдователей,—всѣ органы прогрессивнаго направленія встрѣтили эти преслѣдованія съ явнымъ осужденіемъ.

Возгорѣвшаяся по этому поводу полемика еще болѣе способствовала возбужденію въ обществѣ живого интереса къ религіознымъ исканіямъ, которыя происходятъ въ нѣдрахъ трудового народа и которыя въ послѣднее время проявляются съ особенной интенсивностью.

И сейчасъ съ разныхъ сторонъ ставятся вопросы: кто такіе эти «братцы»? Какъ и откуда они появились? Въ чемъ состоитъ ихъ ученіе? Какое вліяніе оказываетъ ихъ дѣятельность въ той средѣ, гдѣ они дѣйствуютъ? Почему духовныя власти видятъ въ нихъ опасныхъ еретиковъ, съ которыми бороться можно только путемъ отлученія, анафемы и тюремъ?

При этомъ особенный интересъ и въ то же время особенное недоумѣніе вызываетъ въ обществѣ слѣдующее обстоятельство. Въ то время, когда въ Москвѣ дѣятельность «братцевъ» влечетъ за собою отлученіе отъ церкви и заключеніе въ тюрьму,—въ это самое время въ Петербургѣ «братецъ» Чуриковъ свободно и открыто устраиваетъ свои

«бесѣды», свои проповѣди, на которыя каждый разъ стекаются тысячи народа.

Удивленіе читателей возрастетъ, конечно, еще больше, когда мы сообщимъ, что московскіе «братцы» въ сущности являются только учениками и подражателями петербургскаго «братца» И. А. Чурикова, отъ котораго они заимствовали рѣшительно все, начиная отъ проповѣдей и кончая приемами, манерами, одеждой. Идя по слѣдамъ Чурикова, они стараются копировать его во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ.

Этого, повидимому, совсѣмъ не подозревали лица, писавшія въ газетахъ о московскихъ «братцахъ». Но еще удивительнѣе, что этого не подозревали и московскія духовныя власти, возбуждая преслѣдованія противъ «братцевъ».

III.

„Братецъ Иванушка“.

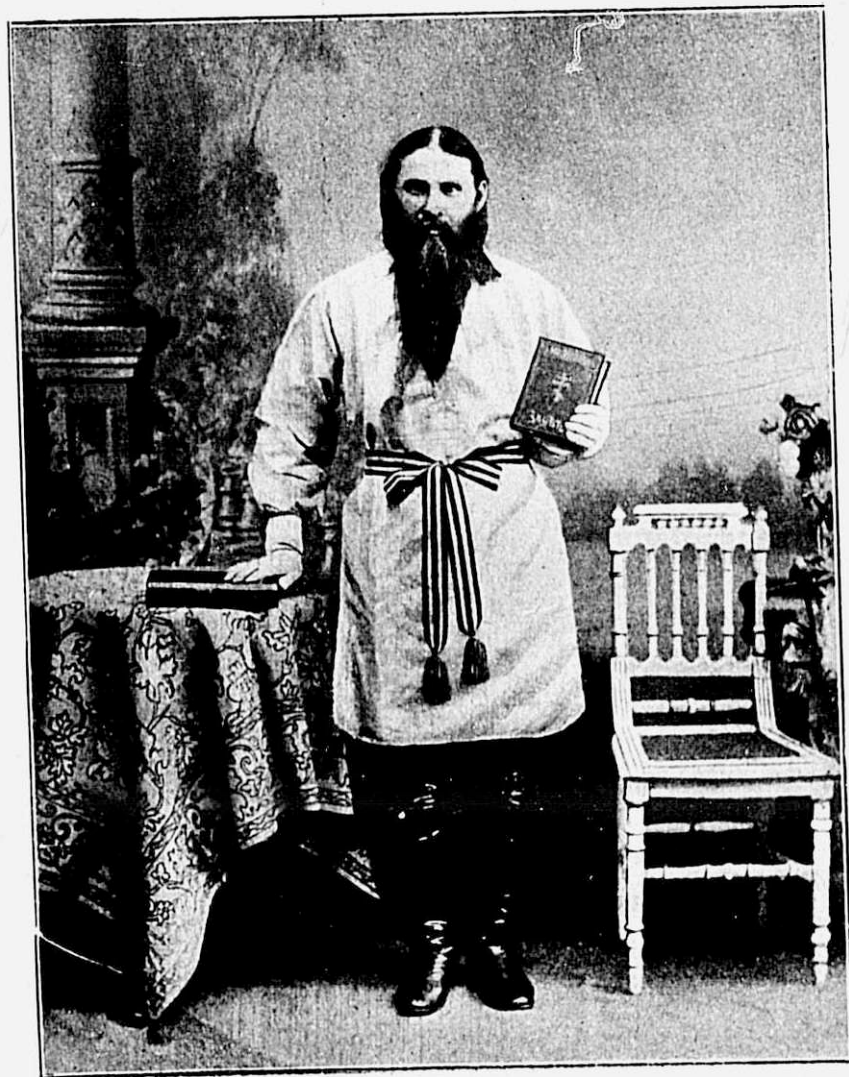
Въ низахъ петербургскаго населенія, среди ремесленниковъ, мастеровыхъ, рабочихъ и прислуги «Братецъ Иванушка» пользуется широкой, огромной популярностью. Можно сказать, что его знаетъ весь трудовой, рабочій Петербургъ—отъ мала и до велика.

Появившись здѣсь въ половинѣ 90-хъ годовъ, онъ съ тѣхъ поръ,—за очень небольшими перерывами, когда его высылали отсюда, — все время живетъ въ Петербургѣ или же въ ближайшихъ его окрестностяхъ.

Для людей, не знакомыхъ съ разнообразными проявленіями религіозной народной мысли, съ исторіей религіозныхъ исканій народа, братецъ Иванушка является чѣмъ-то совсѣмъ новымъ, неизвѣстнымъ, непонятнымъ и загадочнымъ. Кто онъ такой: пророкъ, ясновидящій, юродивый?—съ недоумѣніемъ спрашивали даже тѣ лица, которыя писали о немъ въ газетахъ на первыхъ порахъ появленія «братца» въ Петербургѣ.

Мы намѣрены рассказать здѣсь о Чуриковѣ на основаніи своего личнаго и долготѣняго зкомства съ нимъ, а также на основаніи различныхъ документовъ официальнаго характера, имѣющихся въ нашемъ распоряженіи и наконецъ его писемъ и рукописей.

Явившись въ Петербургъ, Чуриковъ прежде всего пошелъ къ тѣмъ людямъ, что томятся на самомъ днѣ жизни въ тискахъ тяжелой нужды, въ грязи, побѣжденные и обезсиленные неудачами, пьянствомъ, развратомъ. И этимъ людямъ—

Братецъ Іоаннъ Чуриковъ.

падшимъ въ жестокой борьбѣ за существованіе, придавленнымъ, потерявшимъ равновѣсіе — онъ началъ читать Евангеліе, началъ любовно толковать и разъяснять великіе завѣты Христа, началъ неустанно звать къ жизни трезвой, трудовой и чистой, доказывая, что «царство Божіе — здѣсь, на землѣ», и что мы сами, люди, должны создать его.

И эти люди, которыхъ всѣ уже считали погибшими, вдругъ пробуждались отъ его словъ. Подъ его вліяніемъ, они переживали восторженное настроеніе, вызываемое религиознымъ экстазомъ. Онъ сумѣлъ увлечь ихъ, сумѣлъ приподнять падшаго человѣка; онъ умѣлъ сдѣлать его лучше и чище, умѣлъ вызвать въ немъ желаніе возродиться къ новой, лучшей жизни.

Поэтому-то они считаютъ его своимъ вождемъ, своимъ спасителемъ, поэтому-то они чтутъ и любятъ его больше всего на свѣтѣ.

Наружность Чурикова располагаетъ въ его пользу. Средняго роста, худощавый, съ нервной порывистостью въ движеніяхъ, онъ входитъ быстрой, нервной походкой и мелкими шагами направляется на возвышеніе, откуда онъ проноситъ свои проповѣди. Блѣдное лицо, съ довольно тонкими чертами, окаймлено каштановой бородой и длинными темными волосами, расчесанными прямымъ проборомъ.

Въ красивыхъ и умныхъ (это признаютъ даже его враги) карихъ глазахъ горитъ огонекъ вдохновенія. На немъ длинная цвѣтная шелковая рубашка, подпоясанная поясомъ, высокіе лакированные сапоги. На груди виситъ серебряный крестъ, въ родѣ тѣхъ, какіе носятъ православные священники, «только не на цѣпочкѣ, а на шелковой лентѣ».

Голосъ у братца мягкій; въ немъ слышатся женственные ноты. «Во время рѣчи онъ дѣлаетъ руками, плечами мягкіе, тихіе жесты, жесты сдержаннаго волненія и напряженнаго чувства». Такъ описываетъ его манеру говорить одинъ изъ петербургскихъ литераторовъ*).

*) С. Кондурушкинъ, „Рѣчь“, 1910 г. № 290.

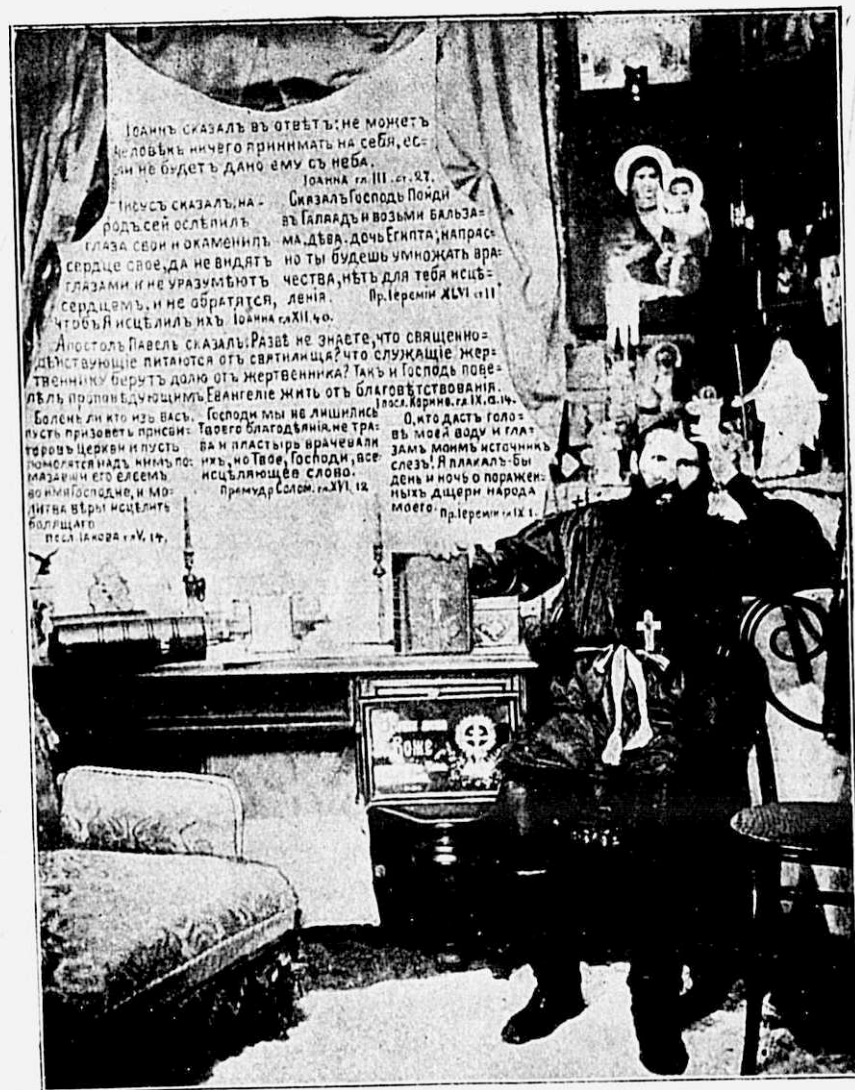

Рѣчи «братца» всегда простыя, задушевные, образныя, пересыпаемыя народными поговорками и пословицами, неизмѣнно вращаются въ сферѣ интересовъ особенно близкихъ, особенно дорогихъ, кровныхъ и понятныхъ рабочему, трудовому люду. Ничего казеннаго, сухого, схоластическаго въ, конечно, никогда не услышите въ проповѣдяхъ братца.

Каждую свою мысль онъ обыкновенно подкрѣпляетъ ссылками на Евангеліе и въ то же время всегда иллюстрируетъ ее примѣрами изъ повседневной, будничной жизни простыхъ, сѣрыхъ людей. Вѣдь онъ такъ прекрасно, до тонкости, до мельчайшихъ подробностей и деталей знаетъ и эту жизнь и этихъ людей. Недаромъ онъ плоть отъ плоти ихъ. Поэтому его рѣчи такъ внимательно и такъ жадно воспринимаются толпой, наполняющей его аудиторию.

Даже сотрудникъ «Колокола» іеромонахъ Веніаминъ принужденъ признать, что простыя бесѣды Чурикова народъ всегда слушаетъ «довольно внимательно». «Объясняется это просто, — пишетъ о. Веніаминъ, — Чуриковъ, во-первыхъ, говоритъ постоянно по поводу предметовъ, весьма близкихъ народу: о пьянствѣ, о трактирахъ, о развратѣ, о разложеніи семьи, о дракахъ супруговъ и т. д. Все это вещи — близкія сердцу простого народа. Затѣмъ, языкъ его совершенно простонародный. Не только слова и обороты, но и примѣры и сравненія, — все это берется изъ тѣхъ же трактировъ, семейной жизни народа и т. п.»*).

Чтобы оцѣнить степень вліянія, производимаго Чуриковымъ въ средѣ, въ которой онъ дѣйствуетъ, чтобы правильно учесть значеніе его дѣятельности, было бы весьма важно знать: Какъ велико число его послѣдователей? Насколько значителенъ контингентъ лицъ, захваченныхъ ре-

Братецъ Іоаннъ въ своемъ кабинетѣ.

*) Іеромонахъ Веніаминъ; „Подмѣна христіанства“. СПб., 1911 г., стр. 9.

лигіозно-этичскимъ движеніемъ, которое вызвано «братцемъ Иванушкой»?

На эти вопросы разныя лица даютъ различные отвѣты, различныя цифры. Іеромонахъ Веніаминъ пишетъ: «У Чурикова до 30 тысячъ послѣдователей» (стр. 7). Но тутъ же прибавляетъ: «Я склоненъ думать, что эта цифра весьма преувеличена и, вѣроятно, раздувается ретивыми учениками его».

Однако при этомъ о. Веніаминъ не представляетъ рѣшительно никакихъ доказательствъ того, что цифра въ 30 тысячъ «весьма преувеличена». Онъ только сообщаетъ, что на тѣхъ собраніяхъ трезвенниковъ, на которыхъ ему удалось присутствовать, «было тысячи 2—3» желавшихъ слушать «брата».

И. М. Трегубовъ пишетъ: «Число послѣдователей «брата Іоанна», по словамъ послѣдняго, простирается въ Петербургъ, до 50,000 человекъ» *). Но изъ его дальнѣйшихъ словъ («если это вѣрно» и т. д.) видно, что онъ самъ не увѣренъ въ точности этой цифры. Наконецъ въ газетахъ встрѣчались сообщенія, въ которыхъ число послѣдователей Чурикова опредѣлялось въ послѣднее время въ 60 и даже въ 70 тысячъ.

Кто же правъ? Какая изъ этихъ цифръ наиболѣе соответствуетъ дѣйствительности—сказать довольно трудно. Но какъ бы то ни было, не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что движеніе, вызванное Чуриковымъ, широко захватило низы петербургскаго населенія и увлекло за собою многія и многія тысячи изъ среды рабочаго люда, а также изъ среды такъ называемыхъ «бывшихъ людей».

Но движеніе это не ограничивается однимъ Петербургомъ, а постепенно переходитъ и въ другіе крупныя городскіе центры, проникаетъ въ провинцію, въ село и деревню. Послѣдователи «брата Іоанна» Чурикова, усвоивъ его идеи,

*) И. М. Трегубовъ: „Миръ съ животными, провозглашенный народными трезвенниками“. СПб., 1910 г., стр. 16.

его исходную точку зрѣнія, его взгляды на явленія современной дѣйствительности, его приемы проповѣди, его манеру воздѣйствія на людей — ѣдутъ въ Москву, и другіе крупные города, уѣзжаютъ на родину и тамъ начинаютъ ту же самую проповѣдь, какую ведетъ въ Петербургѣ «братецъ Іоаннъ».

Итакъ, что-же это за человекъ, который въ теченіе 15 лѣтъ своей проповѣди вызвалъ въ народѣ цѣлое движеніе, который за это время увлекъ за собою не одинъ десятокъ тысячъ послѣдователей, горячо и безпредѣльно ему преданныхъ?

Прежде всего несомнѣнно, что это мистикъ, но мистикъ чисто русскаго склада, т. е. отнюдь не порывающій своихъ связей съ землей, съ жизнью людей, съ ихъ горемъ и страданіями.

Нервный, впечатлительный, воспріимчивый и страстный — онъ обладаетъ способностью не только зажигаться самъ, но и зажигать другихъ.

Не этой ли способностью объясняется главнымъ образомъ тотъ гипнозъ, то вліяніе, которое онъ производитъ на людей? Не въ этой ли способности кроется та сила, которая покоряетъ людей его волѣ. А объ этой силѣ, объ этой способности Чурикова свидѣтельствуютъ даже врачи-спеціалисты, психіатры.

Врачъ психіатръ Д. М. Ліонъ, который наблюдалъ Чурикова еще въ самарской психіатрической больницѣ, отзываясь о немъ такъ: «Чуриковъ магически дѣйствуетъ на психику здоровыхъ людей, приходящихъ съ нимъ въ соприкосновеніе. И въ этомъ, мнѣ думается, кроется также и сила его вліянія на больныхъ» *).

Докторъ С. Л. Тривусъ говорилъ И. М. Трегубову: «Что касается брата Іоанна, то факты производимыхъ посред-

*) «Бесѣды брата Іоанна Чурикова». Съ предисловіемъ Ив. Трегубова. Спб., 1911 г., стр. 4.

ствомъ его внушеній исцѣленій, особенно отъ пьянства и разврата, я вполне признаю, и за это я отношусь къ нему съ глубокимъ уваженіемъ и благодарностью. Стыдно сказать, но я скажу вамъ, что, не имѣя возможности удѣлять достаточно времени алкоголикамъ, я посылалъ ихъ къ братцу Іоанну, и нѣкоторые изъ нихъ перестали пить, хотя далеко не всѣ. Онъ пользуется въ народѣ громаднымъ нравственнымъ авторитетомъ, и, благодаря этому, его внушеніе очень сильно. Это пушка противъ нашего врага — алкоголизма. Главное свое внушеніе братецъ Іоаннъ производитъ на людей во время своихъ воскресныхъ бесѣдъ. Здѣсь есть церковныя общества трезвости, но они не имѣютъ такого успѣха, какой имѣетъ братецъ Іоаннъ. Трезвенники послѣдняго, сравнительно съ церковными трезвенниками, отличаются большей сознательностью и устойчивостью».

IV.

„Братецъ Іоаннъ“ и наша печать.

Извѣстности Чурикова не мало содѣйствовала печать. Въ теченіе послѣднихъ 12 лѣтъ столичныя газеты постоянно удѣляли ему свое вниманіе. Цѣлыя статьи, обширные фельетоны посвящались ему писателями самыхъ различныхъ направленій и лагерей.

Еще въ 1900 году о «братцѣ Иванушкѣ» писалъ въ «Новомъ Времени» г. Юрій Бѣляевъ. Тогда же приблизительно писалось о немъ въ «Сѣверномъ Курьерѣ» князя Барятинскаго и въ газетѣ «Россія» г. Сазонова. Въ 1904 г. намъ пришлось писать въ газетѣ «Право» по поводу заключенія Чурикова въ Суздальскую крѣпость. И. М. Трегубовъ напечаталъ о немъ и о его проповѣдяхъ цѣлый рядъ статей въ газетѣ «Русь».

Но особенно много писалось о Чуриковѣ и его дѣятельности за послѣдніе два—три года. Такъ, въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» о «братцѣ Иванушкѣ» писалъ за это время М. М. Пришвинъ, въ газетѣ «Рѣчь» С. С. Кондурушкинъ, въ «Русскомъ Словѣ» Д. В. Философовъ и А. С. Панкратовъ и т. д.

Объ органахъ «мелкой прессы» и говорить нечего: въ нихъ какъ прежде, такъ и теперь, постоянно можно встрѣтить статьи и замѣтки, посвященныя братцу Иванушкѣ и описанію его дѣятельности.

О Чуриковѣ издаются теперь брошюры и даже цѣлыя книги. Недавно, на примѣръ, г. Скворцовъ издалъ брошюру

іеромонаха Веніамина, направленную противъ Чурикова, подъ заглавіемъ: «Подмѣна христіанства», Спб., 1911 г. И. М. Трегубовъ выпустилъ цѣлую книгу: «Бесѣды брата Іоанна Чурикова отъ 2 мая 1910 г. по 1 мая 1911 года». Затѣмъ ранѣе имъ же издана была брошюра, также посвященная дѣятельности Чурикова, подъ заглавіемъ: «Миръ съ животными, провозглашенный народными трезвенниками». Спб., 1910 г. и т. д.

Разныя лица, писавшія о Чуриковѣ, относились къ нему, конечно, очень различно. Были такія, которыя относились къ нему совершенно отрицательно, такъ какъ не усматривали въ его дѣятельности ничего, кромѣ невѣжества, ханжества, шарлатанства и стремленія поэксплуатировать народную темноту и суевѣріе. Въ этомъ смыслѣ, сколько помнится, писалъ о Чуриковѣ г. Дорошевичъ въ газетѣ «Россія» въ началѣ 900-хъ годовъ.

Но такихъ рѣзко отрицательныхъ отзывовъ о Чуриковѣ въ свѣтской печати сравнительно очень немного. Большинство же лицъ, писавшихъ о немъ, признаютъ его личность далеко не заурадной, считаютъ его человѣкомъ не совсѣмъ обыкновеннымъ, а нѣкоторые—даже очень выдающимся человѣкомъ, способнымъ сильно и благотворно вліять на людей.

Еще болѣе вниманія удѣляютъ «братцу Иванушкѣ» органы духовной печати, особенно же разныя миссіонерскія изданія, въ родѣ «Колокола» и «Миссіонерскаго Обозрѣнія». Руководимыя г. Скворцовымъ, послѣднія два изданія, не переставая, ведутъ походъ противъ Чурикова, обвиняя его въ отпаденіи отъ церкви, въ сектанствѣ, еретичествѣ, и употребляя со своей стороны всѣ усилія для того, чтобы дискредитировать Чурикова въ глазахъ населенія и особенно властей.

Въ этихъ видахъ г. Скворцовъ и К^о всячески стараются выставить Чурикова шарлатаномъ и обманщикомъ, дѣйствующимъ изъ корыстныхъ видовъ. Необходимо однако

замѣтить, что всѣ эти обвиненія являются совершенно голословными и не подкрѣпляются никакими фактами и доказательствами. Вообще, по поводу выпадовъ скворцовскихъ органовъ мы считаемъ возможнымъ ограничиться указаніемъ на то, что репутація г. Скворцова сложилась уже настолько прочно, что едва ли кому-нибудь придетъ въ голову требовать и ожидать отъ него безпристрастія и справедливости.

А въ послѣднее время въ духовной печати и въ миссіонерской средѣ на почвѣ отношеній къ «братцу» произошелъ великій скандалъ для г. Скворцова. Разнузданныя статьи этого сикофанта въ «Колоколѣ», направленныя противъ «братцевъ» и въ частности противъ Чурикова—статьи, полная лжи, клеветы и передержекъ, вызвали наконецъ протестъ и негодованіе даже среди его ближайшихъ соратниковъ. Особенно всѣхъ возмутили въ высшей степени рѣзкія и вызывающія статьи «Колокола», въ которыхъ требовалось немедленное отлученіе «братца Іоанна» отъ церкви, какъ вреднаго сектанта. Противъ дикихъ требованій г. Скворцова, противъ его совершенно беззастѣнчивыхъ инсинуацій выступилъ, между прочимъ, петербургскій миссіонеръ г. Боголюбовъ, помѣстившій по этому поводу рядъ спокойныхъ, обстоятельныхъ статей въ «Приходскомъ священникѣ» и въ «Церковномъ Вѣстникѣ».

Въ этихъ статьяхъ миссіонеръ г. Боголюбовъ доказалъ, что всѣ нападки и нареканія на «братца» со стороны «Колокола» совершенно несправедливы и что Чуриковъ «никакой секты не проповѣдуетъ» *). Необходимо отмѣтить, что эти взгляды г. Боголюбова вполне раздѣляются не только редакціей «Приходскаго Священника», но и редакціей официальнаго «Церковнаго Вѣстника».

*) «Братецъ Іоаннъ Чуриковъ, какъ религіозный проповѣдникъ среди петербургскаго простонародія». Д. Боголюбова. «Приходскій Священникъ», 1911 г., № 16.

Чтобы показать, какъ относятся теперь къ «братцу Іоанну Чурикову» болѣе беспристрастные изъ петербургскихъ миссіонеровъ, я приведу здѣсь отзывъ о немъ г. Боголюбова.

«Крестыанинъ Самарской губерніи Иванъ Алексѣевичъ Чуриковъ для петербургскаго простонародья—личность довольно примѣчательная. Съ его именемъ здѣсь соединяется большое движеніе въ сторону протрезвленія народа и упорядоченія его хозяйскаго обихода. И потому для простого народа Чуриковъ—не просто Иванъ Алексѣевичъ, а «дорогой братецъ Іоаннъ»,—молитвенникъ и печальникъ народный. Для него онъ подобенъ развернутому знамени: и все, что написано на этомъ знамени, священо, и для массы народной весьма дорого и убѣдительно. Поэтому въ одномъ письмѣ на мое имя какой-то почитатель Чурикова называетъ его «братомъ, показавшимъ народу живое Евангеліе и неисчерпаемое море чудесъ» *).

Такъ понимаетъ теперь «братца Иванушку» одинъ изъ наиболѣе видныхъ петербургскихъ миссіонеровъ, который еще недавно, года два-три тому назадъ, открыто нападалъ на него, участвуя въ общемъ миссіонерскомъ походѣ противъ Чурикова. Но затѣмъ, познакомившись поближе съ дѣятельностью братца, онъ перемѣнилъ о немъ свое мнѣніе, и теперь выступаетъ уже въ качествѣ горячаго защитника Чурикова.

Возвращаясь къ свѣтской печати, слѣдуетъ замѣтить, что за очень рѣдкими исключеніями, о которыхъ было упомянуто ранѣе, почти вся она цѣликомъ стоитъ на сторонѣ «братца». При этомъ обнаруживается полное, по истинѣ замѣчательное единодушіе во взглядахъ на дѣятельность Чурикова, въ оцѣнкѣ его проповѣдей правыхъ и лѣвыхъ органовъ печати, либеральныхъ и консервативныхъ. Для доказательства этого я сопоставлю здѣсь отзывы двухъ

*) «Приходскій Священникъ», 1911 г. № 14—15.

органовъ печати, діаметрально противоположныхъ по своему направленію: «Новаго Времени» и «Рѣчи». Вотъ, наприимѣръ, что писалъ о Чуриковѣ сотрудникъ «Новаго Времени», г. Ю. Бѣляевъ.

«Братецъ Иванушка извѣстенъ въ Петербургѣ издавна и неоднократно былъ высылаемъ полиціей изъ столицы, «дабы не смущать народъ». Но впослѣдствіи ему было дано право безпрепятственной проповѣди, такъ какъ никакихъ еретическихъ уклоненій отъ православной вѣры въ поученіи его не было».

Это пишетъ «Новое Время». Но слушайте дальше. «Нравственности онъ (т.-е. Чуриковъ) былъ самой безупречной, великій постникъ и молчальникъ, вокализующій только на проповѣди. Подлѣ «братца» собиралось много женщинъ, которыя ухаживали за нимъ, прислуживали на собраніяхъ и величали другъ друга «сестрицами». Всѣ онѣ вмѣстѣ съ «братцемъ» были извѣстны въ этой мѣстности, какъ люди безупречной честности, открыто совершавшіе свое служеніе Богу. По праздникамъ за ранней обѣдней ихъ можно видѣть въ ближайшей Спасской церкви, поющихъ вмѣстѣ съ пѣвчими и ничѣмъ не отличающихся отъ обыкновенныхъ молящихся» *).

О глубококомъ впечатлѣніи, которое производитъ проповѣдь «братца» на его слушателей, г. Ю. Бѣляевъ говоритъ: «И много больного и страждущаго люда подходило къ «братцу», и я видѣлъ, какъ сильна вѣра въ этихъ людяхъ и какъ велики духовныя потребности въ темной, сѣрой толпѣ. Въ этой комнатѣ, гдѣ не было никакихъ украшеній, гдѣ люди называли другъ друга «братцами» и «сестрицами», въ самомъ дѣлѣ царствовало хоть на короткое время какое-то слабое наивное подобіе христіанской общины. Ласковое обращеніе «сестрицъ», снисходительная участливость самого «братца» невольно сообщались каждому

молящемуся, повергая его въ какое-то размягченное, сладкое состояніе, разрѣшающееся тихими слезами».

Въ заключеніе сотрудникъ «Новаго Времени» высказываетъ свой взглядъ на «братца» и на тѣ причины, которыя, по его мнѣнію, вызываютъ появленіе въ народѣ людей, подобныхъ «братцу Іоанну».

«У меня бы языкъ не повернулся корить «братца» за его проповѣдь послѣ того, что я видѣлъ передъ собою. Мы ищемъ духовнаго совершенства, прислушиваясь къ словамъ Толстого, Нитцше, Соловьева; темный народъ идетъ къ своимъ философамъ, въ родѣ братца Иванушки. Онъ для него—идеаль самоотреченія, угодный Богу человекъ, для котораго раскрыта истина. И это не сектантъ, не шарлатанъ, а просто нервный человекъ, много чувствующій и еще болѣе вѣрующій».

Еще болѣе сочувственно и въ то же время болѣе вдумчиво отнесся къ «братцу Иванушкѣ» сотрудникъ либеральной «Рѣчи» г. С. Кондурушкинъ, недавно посвятившій «братцу» цѣлыхъ два очень большихъ фельетона, въ которыхъ ему удалось подмѣтить двѣ главныя идеи, составляющія основу, корень религіозныхъ вѣрованій Чурикова.

«Царство Божіе—на землѣ» — вотъ первая идея «братца». «Всѣ люди—богоподобны»—вторая философская идея, изъ которой выходитъ Чуриковъ. При этомъ всѣ евангельскіе понятія и термины онъ принимаетъ не въ прямомъ, а въ иносказательномъ смыслѣ и объясняетъ ихъ сообразно тѣмъ основнымъ своимъ идеямъ, которыя мы только что отмѣтили.

— «Я понимаю это такъ,—говорилъ братецъ — алъ—это бѣдность, лѣность. Рай — трудовая жизнь, трезвость. А безъ трезвости и трудъ-то во вредъ. Вотъ когда я скитался, жилъ у одного скорняка. Пьяница и сквернословъ. Сидитъ съ похмѣлья, шьетъ хомутъ. Вижу,—голова у него трещитъ. Спрашиваю: «Кому шьешь хомутъ-то?». Разсердился. «Знамо, говоритъ, дѣло — заказчику». А я, говорю,

*) „Новое Время“, 1900 г. № 8,858.

думалъ—ты себѣ это хомутъ-то шьешь!.. На землѣ рай-то». («Рѣчь», 1910 г. № 310).

Послѣдняя мысль особенно близка и дорога «братцу», онъ часто возвращается къ ней въ своихъ проповѣдяхъ, повторяетъ ее, подчеркиваетъ. Рядомъ съ этой мыслью стоитъ другая, столь же излюбленная имъ мысль о томъ, что всѣ люди—«богоподобны».

— «На землѣ рай-то,—говоритъ онъ.—На землѣ. Богоподобны вѣдь мы. «И сотвори человѣка по образу и подобию своему»... Коли человѣкъ богоподобіе свое потерялъ и въ богоподобіе вѣрить пересталъ—все потерялъ. Надо наукѣ Христовой учигься и въ богоподобіе свое вѣрить. Будемъ въ это вѣрить—отъ всѣхъ болѣзней вылечимся».

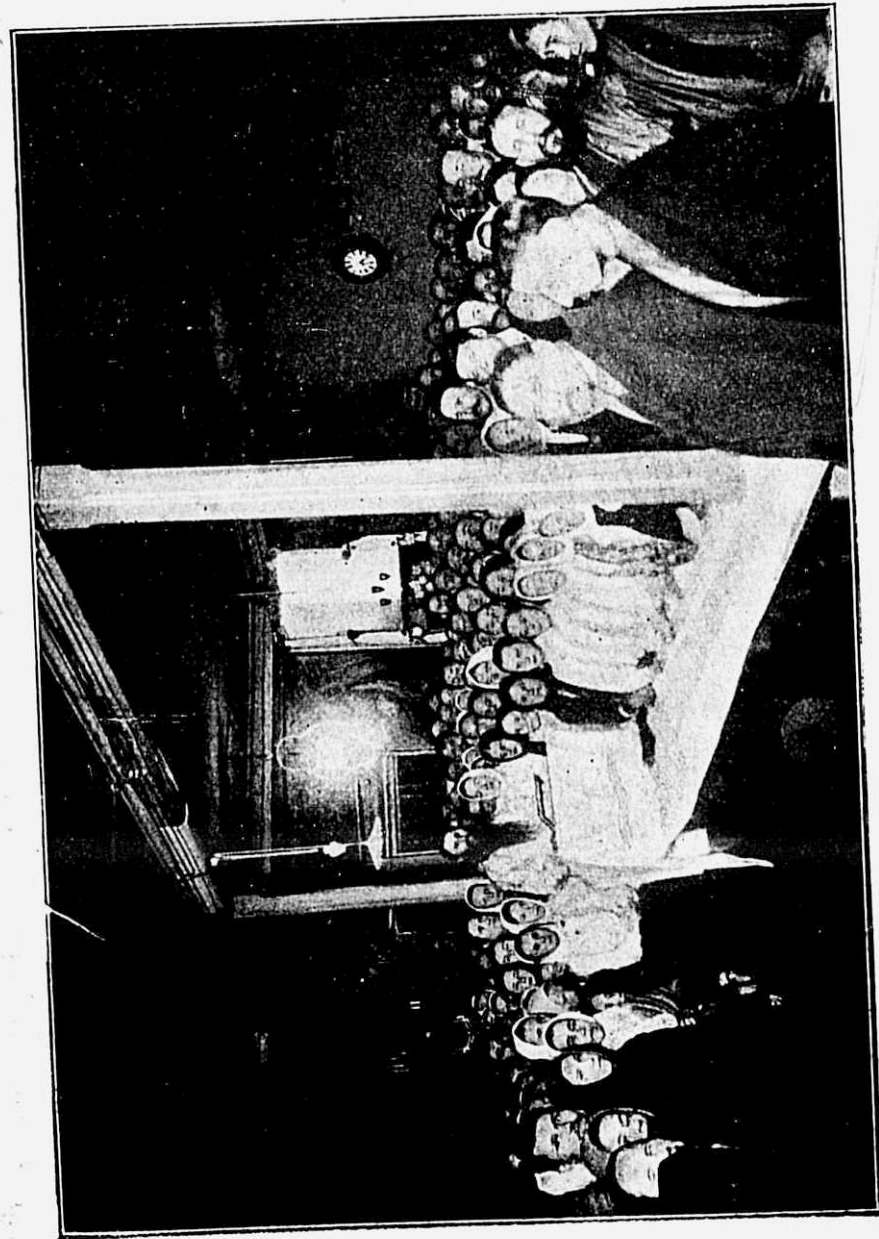
Въ отвѣтъ на это изъ толпы слушателей раздаются голоса:—«Это ты, дорогой братецъ, изъ ада вывелъ насъ. Въ раю теперь живемъ. У тебя подъ крылышкомъ». (Тамъ же).

О впечатлѣніи, которое производятъ проповѣди «братца» на его слушателей, г. Кондурушкинъ рассказываетъ такъ: «И весь залъ, всѣ эти двѣ тысячи человѣкъ, стоящихъ плечо къ плечу, тѣло къ тѣлу, плотной и чуткой, какъ вода, массой, доходятъ до самозабвенія, до единыхъ мыслей, чувствъ, одной радости, одновременной грусти и скорби. Физическая тѣснота претворилась въ тѣсноту духовную...

«А низкій человѣкъ, съ нѣжнымъ голосомъ, тихими жестами, длинными волосами говоритъ о Христовой наукѣ жизни, о горшкѣ съ кашей, о больной лошади, о рваной шубѣ. И простые грубые примѣры становятся символами жизни, символами паденія и страданій человѣка, символами спасенія и радости.

— Вѣрно, дорогой братецъ. Это ты насъ спасешь, дорогой братецъ!

«Расходились подъ звуки текучаго напѣва псалма: «Яко съ нами Богъ». Долго кружились по залу, подходили къ

На проповѣди брата Иоанна Чурикова.

братцу за благословеніемъ, цѣловали руку. *А лица были сіяющія и счастливыя* *)).

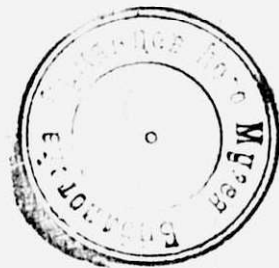
Возвращаясь домой съ проповѣди «братца», проходя «по пустому Петровскому парку», г. Кондурушкинъ находился всецѣло подъ впечатлѣніемъ всего видѣннаго имъ на собраніи и переживалъ сложное настроеніе. Я позволю себѣ привести здѣсь его заключительныя слова, которыми онъ пытается разгадать «тайну вліянія братца».

«Кругомъ грохоталъ каменный и желѣзный Петербургъ, стоналъ и плакалъ. И мнѣ на мгновеніе показалось, что весь Петербургъ, вся большая, ушибленная Россія, «народъ» и интеллигенція тоскуетъ, мучительно жаждетъ общаго «братца Иванушки». Не Іоанна, а Иванушки. Нѣжнаго, тихаго, ласковаго, съ нѣжнымъ женственнымъ голосомъ, который «осторожно открываетъ врата царства Божія на землѣ», не ставитъ къ дверямъ его грубыхъ швейцаровъ въ области научной, религіозной мысли, жизни политической и общественной.

«Въ новыя формы жизни и мысли, въ новое наше знаніе о жизни никто еще не вложилъ новой любви къ человеку».

«Въ чемъ тайна вліянія этого братца Иванушки,—спрашивалъ я самъ себя. И не находилъ иного отвѣта:

«Тайна успѣха его—вдумчивая къ людямъ нѣжность и вѣра въ «богоподобіе» человѣческое».

*) „Братецъ Иванушка“. С. Кондурушкина. Газета „Рѣчь“ 1910 г. № 290.

V.

Прошлое „братца“.

Крестьянинъ Самарской губерніи, Новоузенскаго уѣзда, Иванъ Алексѣевичъ Чуриковъ былъ вполне зажиточнымъ человѣкомъ, съ хорошимъ достаткомъ. Обучившись кое-какъ, съ грѣхомъ пополамъ, грамотѣ, онъ пристрастился къ чтенію Евангелія.

Подъ вліяніемъ этого чтенія онъ вскорѣ пришелъ къ мысли, что «богатство портитъ человѣка». Эта мысль настолько окрѣпла въ немъ, что онъ все свое имущество роздалъ бѣднымъ, а самъ пустился странствовать.

Попавши въ Петербургъ, онъ поселился на Васильевскомъ островѣ, среди рабочихъ и мастерового люда. Здѣсь онъ вскорѣ получилъ извѣстность тѣмъ, что читалъ и толковалъ Евангеліе всѣмъ, кто навѣщалъ его. Въ то же время онъ бесплатно раздавалъ Евангеліе всѣмъ желающимъ.

Его проповѣдь носила этической характеръ. Онъ доказывалъ необходимость вести трезвую и воздержную жизнь, горячо обличая пьянство, праздность, блудъ, развратъ и всякія излишества, призывалъ къ покаянію и духовному обновленію.

Его убѣжденные, страстные рѣчи находили живой откликъ въ душахъ простыхъ людей, глубоко западали въ ихъ сердца. Онъ обладалъ необыкновенной способностью волновать и трогать ихъ, умѣлъ поразить ихъ воображеніе. Подъ впечатленіемъ его проповѣдей многіе «падшіе люди», опустившіеся «на дно», рѣзко мѣняли свой образъ жизни, бро-

сали пьянство и разгулъ, становились воздержными людьми, дѣлались хорошими работниками.

И вотъ къ нему начинаютъ стекаться десятки, а затѣмъ и сотни простого люда, жаждавшаго послушать его объясненія «слова Божія», послушать его поученія о томъ, какъ надо жить, согласно Евангелія.

Эти собранія, конечно, немедленно же обратили на себя вниманіе полиціи и духовенства. Время тогда,—это происходило въ концѣ 90-хъ годовъ,—было тяжелое, такъ какъ политика К. П. Побѣдоносцева царила въ полной силѣ. Духовенство заподозрило въ Чуриковѣ сектанта, и только затруднялось, къ какой именно сектѣ его отнести.

— Не то пашковецъ, не то хлысть,—недоумѣвали православные священники и миссіонеры.

Эти недоумѣнія, однако, не помѣшали имъ возбудить противъ «братца Иванушки» цѣлый рядъ различныхъ преслѣдованій.

Дѣло началось съ того, что полиція, по требованію духовенства, обязала Чурикова отнюдь не устраивать собраній, не производить бесѣдъ и т. д. Но подобныя «обязательства» ровно ни къ чему не вели, такъ какъ народъ не переставалъ, что называется, «валить къ нему валомъ», и собранія устраивались сами собой, безъ всякой инициативы со стороны Чурикова.

Съ другой стороны необходимо отмѣтить, что и полиція не проявляла особенной энергіи по отношенію къ «братцу Иванушкѣ», такъ какъ въ его дѣятельности не видѣла ровно ничего вреднаго. Если, подъ вліяніемъ проповѣдей «братца», разные пропойцы, забулдыги и хулиганы становились «трезвенниками», то, понятно, что полиція едва ли могла что-либо имѣть противъ такихъ проповѣдей.

Самъ Чуриковъ въ своей частной, личной жизни служилъ для своихъ послѣдователей примѣромъ трезвости и воздержанія. Онъ часто и по долгу постился, цѣлыми днями ничего не ѣлъ, вообще, велъ аскетическій образъ жизни,

постоянно носилъ на тѣлѣ тяжелыя желѣзныя вериги, большую часть времени проводилъ въ молитвѣ и чтеніи Евангелія.

Когда, подѣ давленіемъ миссіонеровъ, его арестовывали и садили въ участокъ, онъ и тамъ продолжалъ вести тотъ же самый образъ жизни, т.-е. молился, постился, читалъ Евангеліе и, пользуясь всякимъ случаемъ, проповѣдывалъ трезвость, воздержаніе, трудъ и любовь.

Пробовали было высылать его изъ Петербурга, но и это не помогло, такъ какъ спустя нѣкоторое время послѣ высылки Чуриковъ обыкновенно снова появлялся въ Петербургѣ, гдѣ всегда находилъ радушный пріютъ среди своихъ многочисленныхъ поклонниковъ и поклонницъ.

Однако, господа и отцы-миссіонеры не могли примириться съ мыслью о безнаказанности религіозной проповѣди, не могли допустить, чтобы кто-нибудь осмѣлился толковать Евангеліе по собственному пониманію, ни мало не заботясь о томъ, сходится ли это толкованіе со взглядами гг. миссіонеровъ.

И вотъ, чтобы отдѣлаться отъ человѣка, который смущалъ ихъ покой, который казался имъ опаснымъ и вреднымъ, такъ какъ по ихъ мнѣнію—«отвращалъ народъ отъ духовенства», они рѣшили... запретить его въ сумасшедшій домъ. Въ этомъ стремленіи петербургскіе миссіонеры встрѣтили живой откликъ и полное содѣйствіе со стороны самарскихъ епархіальныхъ миссіонеровъ, которые знали Чурикова, какъ мѣстнаго крестьянина, «зараженнаго сектантствомъ» и давно уже желали такъ или иначе раздѣлаться съ нимъ ¹⁾.

¹⁾ О дѣятельности самарскихъ миссіонеровъ того времени мы имѣли случай писать довольно подробно въ своей статьѣ: „Расколъ и бюрократія“, напечатанной въ „Вѣстникѣ Европы“, за 1909 годъ, №№ 10 и 11.

VI.

Въ сумасшедшемъ домѣ.

Случаи, когда людей вполне здоровыхъ, но почему-нибудь неприятныхъ для властей, объявляли сумасшедшими и запирали въ «желтый домъ», — у насъ въ Россіи бывали въ прежнее время не рѣдко. Въ доказательство позволю себѣ напомнить здѣсь о двухъ-трехъ случаяхъ подобной расправы.

Императоръ Николай Павловичъ, какъ извѣстно, объявилъ сумасшедшимъ Чаадаева за его знаменитое «философическое письмо», напечатанное въ «Телескопѣ». Полицейскій врачъ обязанъ былъ ежедневно посѣщать «сумасшедшаго» писателя, къ уму и таланту котораго съ глубокимъ уваженіемъ относились самые выдающіеся его современники и котораго философъ Шелингъ считалъ «самымъ умнымъ человѣкомъ въ Россіи».

При императорѣ Александрѣ II-мъ, въ 1862 году, былъ посаженъ въ сумасшедшій домъ за письмо, обращенное къ предводителямъ дворянства по извѣстному дѣлу тверскихъ дворянъ, подвергшихся аресту, Василій Васильевичъ Берви, который вскорѣ послѣ этого подѣ псевдонимомъ Флеровскаго получилъ большую извѣстность, какъ авторъ многихъ литературныхъ трудовъ: «Положеніе рабочаго класса въ Россіи», «Азбука социальныхъ наукъ» и т. д.

Но особенно часто эта мѣра—заключеніе въ сумасшедшемъ домѣ—примѣнялась у насъ при старомъ режимѣ къ тѣмъ лицамъ, которыя возбуждали противъ себя подозрѣ-

нія въ принадлежности къ сектантству. Можно указать не мало случаевъ, когда эти лица, будучи заключены въ сумасшедшій домъ, томились тамъ долгіе годы. И подобные случаи имѣли мѣсто въ самое недавнее время, вплоть до 17 октября 1905 года.

Укажу хотя одинъ примѣръ. Извѣстный сектантъ Кондратій Малеванный, который считается основателемъ секты «малеванцевъ», въ 1893 году, волею начальства, былъ запертъ въ казанскій домъ умалишенныхъ, въ которомъ ему и пришлось просидѣть болѣе тринадцати лѣтъ. Можно думать, что ему пришлось бы и до самой смерти пребыть въ сумасшедшемъ домѣ, еслибы не событія 1905—1906 года, которыя раскрыли передъ нимъ двери его тюрьмы и избавили отъ тяжелой и страшной неволи.

Въ 1898 г. Чуриковъ былъ заключенъ въ самарскую земскую больницу для душевно-больныхъ, находящуюся въ Томашовомъ Колкѣ, близъ города Самары. Очень вѣроятно, что этимъ заключеніемъ онъ былъ обязанъ не только петербургскимъ миссіонерамъ, но и тогдашнему самарскому архіерею Гурію, который во время пребыванія своего въ Самарѣ, заявилъ себя какъ жестокой гонитель сектантовъ.

Какія именно основанія выставлены были духовными властями для того, чтобы запереть совершенно здороваго и нормальнаго человѣка въ сумасшедшій домъ — мы не знаемъ. Тѣмъ не менѣе, фактъ совершился, и Чуриковъ, не смотря на его протесты и увѣренія, что онъ вполне здоровъ, былъ посаженъ въ сумасшедшій домъ и подвергнутъ «испытанію».

Съ первыхъ же дней заключенія «братца» въ больницу, дѣло приняло для него очень серьезный оборотъ, такъ какъ директоръ больницы г. Бѣляковъ, отличавшійся необыкновенной угсдливостью передъ всякимъ начальствомъ, въ томъ числѣ и передъ архіереемъ, видимо старался третировать Чурикова, какъ сумасшедшаго и даже пытался обращаться съ нимъ, какъ съ арестантомъ.

Чтобы дать читателямъ наглядное представленіе о тѣхъ условіяхъ, среди которыхъ пришлось «сидѣть» «братцу» въ сумасшедшемъ домѣ, я приведу здѣсь подлинный документъ, а именно прошеніе его, поданное имъ въ самарскую губернскую земскую управу, по выходѣ изъ больницы.

«Во время пребыванія моего въ самарской земской больницѣ душевно-больныхъ, — пишетъ Чуриковъ, — директоръ больницы г. Бѣляковъ отобралъ отъ меня: 1) всѣ мои рукописи; 2) всѣ имѣвшіяся при мнѣ визитныя карточки, какъ мои, такъ и моихъ знакомыхъ; 3) всѣ письма, полученные на мое имя изъ Петербурга; 4) отобралъ отъ меня два цѣнные креста, изъ которыхъ одинъ перламутровый, а другой крестъ—костяной и 5) вериги съ мѣднымъ крестомъ, въ 22 фунта вѣсомъ, которыя я постоянно носилъ на себѣ.

«До сихъ поръ эти кресты и вериги я всегда носилъ на себѣ и никто никогда не запрещалъ мнѣ этого, никто не думалъ отнимать ихъ отъ меня, даже на этапахъ и въ пересыльныхъ тюрьмахъ,—нигдѣ не отбирали, только въ самарской земской больницѣ душевно-больныхъ г. директоръ Бѣляковъ почему-то нашелъ нужнымъ все это отобрать отъ меня, и до сихъ поръ ничего мнѣ не возвращаетъ, хотя все это составляетъ мою собственность».

«Независимо отъ этого, г. директоръ Бѣляковъ, во время пребыванія моего въ больницѣ, безъ всякаго рѣшительно съ моей стороны повода, лишилъ меня свободы, не позволялъ мнѣ вести переписки со знакомыми, перехватывалъ письма, получавшіяся на мое имя, отбиралъ отъ меня всякій клочекъ бумаги, запрещалъ мнѣ видѣться съ остальными докторами больницы и съ лицами, служащими въ конторѣ больницы, на примѣръ съ А. А. Вяловымъ и другими».

Далѣе Чуриковъ писалъ въ своемъ прошеніи: «Я не знаю, предоставлены-ли г. директору больницы права жандармскихъ и полицейскихъ чиновъ, но, во всякомъ случаѣ, г. Бѣля-

ковъ не имѣлъ никакого права тѣхъ больныхъ, которые поступаютъ къ нему на излеченіе или на испытаніе, обращать въ арестантовъ, между тѣмъ, онъ именно такъ поступилъ со мною, не смотря на то, что и болѣзнь-то моя не была установлена... Но онъ, съ своей стороны, сдѣлалъ все, чтобы обратить больницу въ арестантскую и лечебницу—въ тюремный казематъ».

Въ заключеніе Чуриковъ проситъ самарскую земскую управу предписать г. директору Бѣлякову немедленно же возвратитъ ему, просителю, всѣ перечисленные выше вещи, которыя онъ незаконно отнялъ отъ него. «Что же касается,—говоритъ Чуриковъ,—до упомянутыхъ выше злоупотребленій властью, которыя допустилъ г. директоръ Бѣляковъ по отношенію ко мнѣ, то, какъ христіанинъ, обязанный, по слову Евангелія, прощать всякія, даже самыя тяжкія обиды и насилія, я не желаю преслѣдовать за нихъ г. Бѣлякова, и если сообщаю о нихъ управѣ, то лишь съ единственною цѣлью, чтобы этимъ путемъ оградить другихъ, болѣе слабыхъ, отъ грубыхъ, произвольныхъ и незаконныхъ дѣйствій г. директора Бѣлякова» *).

Чурикову пришлось просидѣть въ самарской психіатрической больницѣ нѣсколько мѣсяцевъ. Однако, въ концѣ концовъ, преосвященный Гурій и его соратники принуждены были освободить Чурикова, такъ какъ установить и доказать его сумасшествіе не было рѣшительно никакой возможности, не смотря даже на проявленную г-номъ Бѣляковымъ полную готовность содѣйствовать этимъ замысламъ.

Ко времени пребыванія Чурикова въ самарской больницѣ душевно-больныхъ относится начало моего знакомства съ нимъ. Живя въ то время въ Самарѣ, я очень скоро узналъ о заключеніи Чурикова въ сумасшедшій домъ и о

*) Прошеніе Чурикова было цѣликомъ напечатано покойнымъ Александромъ Васильевичемъ Пановымъ въ „Сѣверномъ Курьерѣ“, въ 1900 году, № 302.

таинственныхъ проискахъ самарскихъ миссіонеровъ, которые ненавидѣли «братца», какъ «злого сектанта», имѣющаго огромный успѣхъ въ народѣ.

Первое впечатлѣніе, произведенное на меня Чуриковымъ, было вполне благопріятное. Искренность и убѣжденность его не возбуждали во мнѣ никакихъ сомнѣній. Но особенно сильно располагало въ его пользу то необыкновенно мягкое, любовное отношеніе къ человѣку и людямъ, которое сквозило въ его словахъ и дѣйствіяхъ и которое невольно подкупало васъ.

И въ Томашевомъ-Колкѣ, за исключеніемъ г. Бѣлякова, всѣ остальные врачи и служащіе больницы, а также ихъ жены, относились къ Чурикову съ полной симпатіей и всячески старались о томъ, чтобы по возможности облегчить его тяжелое положеніе. Всѣ эти лица облегченно вздохнули, когда особое присутствіе самарскаго губернскаго правленія, подвергнувъ Чурикова медицинскому освидѣтельству, признало его вполне здоровымъ и нормальнымъ человѣкомъ.

Къ этому-же времени относится мое знакомство съ одной изъ ближайшихъ послѣдовательницъ Чурикова и его постоянной спутницей—молодой дѣвушкой Груней, которая пріѣхала въ Самару вслѣдъ за Чуриковымъ, чтобы по возможности облегчить его пребываніе въ больницѣ и хлопотать объ его освобожденіи.

Выпущенный изъ «сумасшедшаго дома», Чуриковъ успѣшилъ покинуть Самару и вмѣстѣ съ Груней уѣхалъ въ Петербургъ. Коварные, тайные замыслы его враговъ, казалось, были разстроены. Но «враги», очевидно, не хотѣли мириться со своей неудачей и не переставали вести походъ противъ Чурикова. Дѣйствительно, вскорѣ надъ головой «братца» разразились новыя, еще болѣе грозныя тучи: въ 1900 году его заключаютъ въ Суздальскую крѣпость, находящуюся при Спасо-Ефиміевскомъ монастырѣ.

VII.

Въ монастырской тюрьмѣ.

Я имѣлъ возможность лично ознакомиться съ подлиннымъ секретнымъ дѣломъ о ссылкѣ Чурикова въ Суздальскій монастырь*). На обложкѣ этого дѣла значится, что Чуриковъ былъ заключенъ въ арестантское отдѣленіе Суздальскаго Спасо-Ефиміевскаго монастыря «за ученія, противныя православной церкви».

Въ «дѣлѣ» находится указъ Св. Синода, подробно объясняющій причины и мотивы, вызвавшіе ссылку Чурикова и заключеніе его въ монастырскую тюрьму. Въ виду несомнѣннаго интереса, который представляетъ этотъ указъ, мы позволимъ себѣ привести его здѣсь цѣликомъ.

«Преосвященный Самарскій (Гурій) доносилъ Св. Синоду, что крестьянинъ Новоузенскаго уѣзда, Самарской губерніи, Иванъ Алексѣевъ Чуриковъ съ 1894 года началъ распространять о себѣ въ народѣ молву, что онъ единственный обладатель Христовой истины, которую онъ самимъ Богомъ посланъ возвѣстить міру, и что ему данъ будто бы отъ Бога особый даръ исцѣленій и даръ пророчества. Приходящимъ къ нему простымъ людямъ онъ преподаетъ благословеніе, принимаетъ увѣровавшихъ въ его святость на исповѣдь и разрѣшаетъ отъ грѣховъ, не стѣсняется открыто и торжественно съ молитвою и колѣнопреклоненіемъ приступать къ исцѣленіямъ обращающихся къ нему больныхъ.

*) Дѣло Чурикова значится подъ № 384 секретнаго монастырскаго архива.

«Проповѣдь свою Чуриковъ ведетъ преимущественно въ невѣжественной средѣ зажиточныхъ пожилыхъ вдовъ, устраивая въ ихъ домахъ собранія съ богомоленіемъ, проповѣдью, пѣніемъ, благословеніемъ, исповѣдью и помазаніемъ елеемъ больныхъ. Для полученія дара пророчества и дара исцѣленія онъ приглашаетъ своихъ послѣдователей къ совершенному воздержанію отъ принятія пищи сначала въ теченіе трехъ дней, а потомъ и далѣе, даже до сорока дней.

«Вліяніе его личности простирается не только на простой народъ, но даже и на лицъ изъ среды образованнаго общества, и является крайне вреднымъ для православной церкви. Въ виду сего преосвященный Гурій полагалъ необходимымъ помѣстить Чурикова въ Суздальскій Спасо-Ефиміевъ монастырь, для покаянія и исправленія.

«Признавъ и съ своей стороны оставленіе Чурикова на свободѣ вреднымъ, въ виду его упорства въ своихъ заблужденіяхъ, Св. Синодъ по опредѣленію отъ 20-го декабря 1899 г. (2-го февраля 1900 г.), № 5,502, предоставилъ г. синодальному оберъ-прокурору ходатайствовать установленнымъ порядкомъ о разрѣшеніи, въ видахъ пресѣченія вреднаго вліянія Чурикова на окружающихъ его лицъ православныхъ, помѣстить его въ Суздальскій Спасо-Ефиміевъ монастырь, въ арестантское отдѣленіе послѣдняго, впредь до обнаруженія имъ раскаянія и исправленія».

Какъ видитъ читатель, этотъ интересный указъ состоялся какъ разъ на рубежѣ двухъ столѣтій: XIX и XX.

Весной 1900 года Чурикову было объявлено содержаніе синодскаго указа о заточеніи его въ Суздальскую крѣпость.

Не зная за собой никакой вины, Чуриковъ рѣшилъ тотчасъ же подать въ Св. Синодъ прошеніе объ отмѣнѣ этого распоряженія. Доказывая свою полную невиновность во взводимыхъ на него преступленіяхъ, онъ ходатайствовалъ въ прошеніи о провѣркѣ этихъ обвиненій и о производствѣ слѣдствія относительно его дѣятельности въ Петербургѣ.

Въ нашихъ матеріалахъ сохранился черновикъ этого прошенія, писанный рукою самого Чурикова. Полагаемъ, что читатели не посѣтуютъ на насъ за то, что мы приведемъ здѣсь это прошеніе цѣликомъ, безъ всякихъ измѣненій.

«Въ Святѣйшій Правительствующій Синодъ

Крестьянина Самарской губерніи,
Новоузенскаго уѣзда, Александрово-
Гайской волости, деревни Передового
Поселка, Іоанна Алексѣева Чурикова.

Нижеслѣдующее прошеніе:

«Нынѣ, 1900 г., 9-го апрѣля, въ первый день Пасхи, въ восемь часовъ утра, объявлено черезъ полицію мнѣ, Чурикову, отправляться въ Суздальскую крѣпость. Резолюція суда состоялась изъ Самарскихъ епархіальныхъ начальствъ, и осудили меня безъ допроса и заглазно и объявили мнѣ наказаніе—держать меня въ арестантскомъ помѣщеніи впредь до какого-то раскаянія.

«Преступленіе и обвиненіе мнѣ вычитано, якобы я, Чуриковъ, въ Самарской епархіи производилъ какое-то вредное вліяніе на народъ, но въ оправданіе такого печальнаго и скорбнаго заглазнаго приговора къ заточенію, объяснюсь на сей бумагѣ своеручно и подробно.

«Я, Чуриковъ, въ Самарской губ. не проживалъ десять лѣтъ и никакихъ вредныхъ вліяній не производилъ. А если я и былъ, то какъ въ гостяхъ у нихъ въ самарскомъ сумашедшемъ домѣ четыре мѣсяца проживалъ психически и физически здоровымъ и то по самарскому же желанію требовали черезъ полицію въ 1898 г. 5 февраля отбылъ такое тяжкое испытаніе хладнокровно и никому изъ начальства письменно не жаловался и послѣ онаго самарскаго испытанія всегда проживалъ въ С.-Петербургской епархіи по занятію ремесла плотника.

«И дѣяніе мое извѣстно: въ праздничные дни занимался

чтеніемъ святаго писанія религіозно и нравственно, отчего предалось народной гласности полезно для святой церкви. А посему и приходили ко мнѣ ближніе и знакомые, въ началѣ два или три человекъ; порочные люди и пьяницы просили совѣта и которыхъ я увѣщевалъ и уговаривалъ покаяться, по писанію, какъ говорится: если согрѣшитъ братъ твой, то пойди и уговори его, и если онъ послушаетъ тебя, то приобрѣлъ ты брата твоего (Матѣ., гл. 18, ст. 15). Вотъ такимъ совѣтомъ я, Чуриковъ, убѣждалъ пьяницъ и порочныхъ покаяться; и представлялъ оныхъ въ Спасо-Колтовскую церковь въ распоряженіе отцу Василию для принятія святыхъ тайнъ во оставленіе дурныхъ привычекъ, о чемъ могутъ свидѣтельствовать: голосъ петербургскаго народа, также можетъ свидѣтельствовать отецъ Василій, протоіерей Спасо-Колтовской церкви, гдѣ я, Чуриковъ, и проживалъ два года.

«И еще также могутъ дать голосъ обо мнѣ извѣстные священники въ Петербургѣ: отецъ Григорій Петровъ, артиллерійской академіи, и отецъ Іоаннъ Альбовъ въ церкви Іоанна Крестителя на Выборгской сторонѣ, съ которыми я и бесѣдовалъ, и они меня вразумляли закономъ Божиимъ. И всѣ мои дѣянія не въ углу происходили,—прошу спросить слышавшихъ обо мнѣ здѣсь въ Петербургѣ, гдѣ я всегда и проживалъ.

«А въ самарскомъ вѣдѣніи духовныхъ лицъ я, Чуриковъ, десять лѣтъ не проживалъ и никакихъ вредныхъ вліяній на самарскій народъ не производилъ.

«А посему и прошу милости Вашего Святѣйшаго Суда: не найдете ли возможнымъ пересмотрѣть самарскую духовную и заглазную резолюцію и вновь назначить произвести слѣдствіе и опросить свидѣтелей въ той мѣстности, гдѣ я проживалъ пять лѣтъ—въ С.-Петербургѣ—и я надѣюсь, всенародно не откажутся засвидѣтельствовать о моемъ христіанскомъ, православномъ поведеніи.

«Въ заключеніе всего прошу милостиваго Святѣйшаго

Синода, покройте меня милостию, въ слезахъ Іоаннъ Алексѣевъ Чуриковъ, христіанинъ. 1900 г., апрѣля.

«Адресъ: послѣ самарскаго заточенія два года проживаю на Петербургской сторонѣ, Средняя Колтовская улица, домъ № 13/14, сѣдельная мастерская.

«А другой адресъ нынѣ назначенъ по самарской духовной резолюціи и передано новоузенскому священнику о. Іоанну, который въ церкви вычитанъ всенародно 6-го апрѣля въ страстной великій четвергъ передъ Пасхою,—заклѣчить въ Суздальскую крѣпость».

Подавши это прошеніе, Чуриковъ успокоился: онъ былъ вполнѣ увѣренъ въ томъ, что Синодъ непремѣнно приметъ во вниманіе его доводы. Онъ полагалъ, что никто не можетъ «заглазно и заочно», безъ суда и слѣдствія, безъ опроса выставленныхъ имъ свидѣтелей запереть его въ крѣпость... И, тѣмъ не менѣе, это случилось.

Вотъ какъ рассказывалъ мнѣ въ послѣдствіи объ этомъ самъ Чуриковъ.

— Полиція не разъ выселяла меня изъ Петербурга, находя почему-то вреднымъ мое пребываніе въ столицѣ.

25-го апрѣля 1900 года полиція снова выслала меня изъ Петербурга, обязавъ ѣхать въ гор. Владиміръ на Клязьмѣ, гдѣ я долженъ былъ немедленно же по приѣздѣ явиться въ канцелярію губернатора.

— 27-го апрѣля я приѣхалъ во Владиміръ и отправился въ канцелярію губернатора. Здѣсь мнѣ объяснили, что я арестованъ. Я хотѣлъ знать: за что? за какую вину?—но мнѣ ничего не объяснили. Затѣмъ потребовали лошадей и отправили меня съ полицейскимъ въ гор. Суздаль. Дорогой полицейскій мнѣ сказалъ, что меня приказано доставить въ Спасо-Ефиміевскій монастырь.

Привезли меня въ монастырь ночью на 28-е апрѣля. Архимандритъ былъ въ отлучкѣ, поэтому меня принялъ казначей, исправлявшій должность настоятеля. Онъ объ-

явилъ, что долженъ посадить меня въ тюрьму и приказалъ отобрать отъ меня всѣ вещи, бывшія со мной: платье, бѣлье, книги, бумагу, карандашъ и т. д.

Видя, что у меня отбираютъ даже Евангеліе и псалтырь, я началъ просить, чтобы мнѣ позволили взять эти книги съ собой въ тюрьму... Не разрѣшили!..

— Вѣдь я молюсь Богу по этимъ книгамъ,—говорилъ я,—дозвольте мнѣ ихъ взять съ собой.

— Нельзя!.. Не разговаривай!—сказалъ казначей и приказалъ открыть ворота крѣпости и отвести меня въ тюрьму и запереть въ ней.

Въ тюрьмѣ меня посадили въ маленькую одиночную камеру, съ толстыми сырыми стѣнами, и заперли на замокъ. Въ камерѣ было одно окно, съ желѣзной рѣшеткой. Но видѣть въ это окно нельзя было ничего, такъ какъ оно упиралось въ крѣпостную стѣну, которая возвышалась предъ окнами на разстояніи 2—3 сажень. Стѣна эта окружала тюрьму съ трехъ сторонъ.

— Четыре дня и четыре ночи просидѣлъ я взаперти въ своей камерѣ. Наконецъ, приѣхалъ архимандритъ и потребовалъ меня къ себѣ. Я обратился къ нему съ просьбой возвратитъ мнѣ мое Евангеліе и псалтырь. Онъ разрѣшилъ, но при этомъ сказалъ:

— У тебя пашковское Евангеліе-то.

— Нѣтъ, у меня не пашковское, а свое собственное,—возразилъ я.

— Зачѣмъ же оно подчеркнуто у тебя?—спросилъ архимандритъ.

— А зачѣмъ вѣхи по дорогѣ ставятъ?—сказалъ я.

Архимандритъ молча глядѣлъ на меня.

— Вѣхи ставятъ, чтобы не заплутаться, не сбиться съ дороги,—говорю я.—Такъ и тутъ отмѣтки подѣланы, чтобы не растеряться, найти, что нужно...

— Запереть его въ тюрьму,—сказалъ архимандритъ.*)

Я началъ просить, чтобы мнѣ разрѣшено было имѣть при себѣ бумагу, чернила и карандашъ, но получилъ отказъ.

Тюрьма — одноэтажная, каменная, старинная, сырая и холодная. Она не прогрѣвалась даже лѣтомъ, вслѣдствіе чего арестантамъ приходилось постоянно просить караульныхъ солдатъ прогнать печь, чтобы хоть сколько-нибудь согрѣть сырой и холодный воздухъ тюрьмы.

— Всѣ арестанты сидятъ подъ замкомъ; нѣкоторые изъ нихъ выпускаются въ коридоръ для прогулки, а лѣтомъ — на тюремный дворъ. Но этой льготой пользуются не всѣ... Первое время меня никуда не выпускали изъ камеры. Только разъ въ день открывалась тюремная дверь для того, чтобы я могъ вынести парашу, стоящую въ камерѣ.

— А какъ насчетъ обѣда и вообще пищи?—спросилъ я.

— Пищу передаютъ солдаты черезъ особое отверстіе, находящееся въ двери. Тоже и кипятокъ.

Въ дверяхъ вырѣзано маленькое отверстіе, черезъ которое солдаты наблюдаютъ за арестантами. Какъ ни взглянешь на это отверстіе — постоянно видишь глазъ солдата... Конечно, это ихъ служба заставляетъ. Но когда становишься на молитву, то какъ-то неловко и неприятно молиться на виду у человѣка, который пялитъ на тебя глаза.

— Я, бывало, когда захочу помолиться, возьму кусочекъ бумажки и прикрою это отверстіе. Но только начинаешь молиться, сейчасъ же — стукъ въ дверь. Часовой кричитъ, чтобы открыть отверстіе. И сколько бывало ни

*) Въ то время настоятелемъ монастыря и „комендантомъ Суздальской крѣпости“ былъ архимандритъ Серафимъ Чичаговъ, бывшій артиллерійскій полковникъ, нынѣ — если не ошибаюсь — епископъ подольскій. Нѣкоторыя свѣдѣнія, характеризующія личность этого іерарха, читатель можетъ найти въ нашей книгѣ „Въ казематахъ“, въ статьѣ „Вопіющее дѣло.“

просишь о томъ, чтобы дали какъ слѣдуетъ Богу помолиться — все понапрасну. И слушать не хотятъ.

— Не знай ты молишься, не знай стѣну копаешь, — говорятъ солдаты.

По словамъ Чурикова, арестантскія камеры представляли изъ себя сырыя, маленькія клѣтки, съ однимъ окномъ, въ которое вставлена толстая желѣзная рѣшетка. Скрытая среди высокихъ крѣпостныхъ стѣнъ, не допускающихъ солнечныхъ лучей, монастырская тюрьма вѣчно остается сырой и холодной. Вслѣдствіе этого, помѣщеніе тюрьмы не прогрѣвается даже лѣтомъ.

Воздухъ въ тюрьмѣ тяжелый, такъ, что даже караульные солдаты «не выживаютъ» и нерѣдко болѣютъ. Солдаты смѣняются по часамъ, два раза въ сутки.

— Монахи допускаются въ тюрьму?—спросилъ я.

— Нѣтъ, нѣтъ, ни монахи, ни постороннія лица — никто не допускается.

На мой вопросъ, кто сидѣлъ при немъ въ крѣпости, Чуриковъ отвѣчалъ: — «сидѣлъ Федоръ Ковалевъ, тотъ самый, что двадцать человѣкъ въ землю замуровалъ... Потомъ Василій Карповичъ*)» — за устройство монастыря у себя на родинѣ. Жена и дочь его пріѣхали въ Суздаль и поселились около тюрьмы. Ихъ навѣщало много народа, съ разныхъ сторонъ пріѣзжали и приходили, чтобы какънибудь повидать Василя Карповича. Но вскорѣ начались гоненія. Полиція выслала изъ Суздаля жену и дочь Василя Карповича, а ему воспретили всякія свиданія.

— А Ермолай Федосѣевъ сидѣлъ при васъ въ крѣпости?—спросилъ я.

— Сидѣлъ, сидѣлъ, — вспомнилъ Чуриковъ. — Еще сидѣлъ тамъ старецъ одинъ, древній — говорятъ ему подъ сто лѣтъ... и сидитъ онъ въ этой тюрьмѣ давно — больше двадцати лѣтъ.

*) Подгорный.

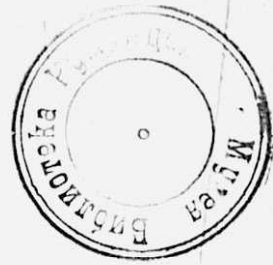
Очевидно это былъ Добролюбовъ, бывший діаконъ изъ Нижегородской губерніи. Обо всѣхъ этихъ узникахъ читатель можетъ найти свѣдѣнія въ нашей книгѣ: «Монастырскія тюрьмы въ борьбѣ съ сектантствомъ».

При тюрьмѣ имѣется маленькая церковь, спеціально для арестантовъ. Никого изъ постороннихъ, кромѣ заключенныхъ, въ эту церковь также не допускаютъ.

— Первую недѣлю меня держали взаперти, не выпуская даже въ коридоръ для прогулки—разсказывалъ Чуриковъ.

— Это было тяжело. Но еще тяжелѣе было то, что во все время содержанія въ тюрьмѣ мнѣ не позволяли ничего писать, не давали ни бумаги, ни чернилъ, ни карандаша.

Но Чурикову очень недолго пришлось сидѣть въ монастырской тюрьмѣ, такъ какъ на его счастье у него нашлись покровители изъ лицъ, имѣющихъ связи и вліяніе въ извѣстныхъ сферахъ. Благодаря этому вскорѣ же и при томъ совершенно неожиданно онъ былъ освобожденъ изъ Суздальской крѣпости.

VIII.

„Трезвенники“.

Вскорѣ послѣ этого онъ снова появляется въ Петербургѣ. Здѣсь его послѣдователи и послѣдовательницы устраиваютъ ему восторженный приѣмъ, какъ «пострадавшему за вѣру и правду», какъ мученику, несправедливо гонимому.

Если до ссылки его въ монастырь у него были сотни послѣдователей, то теперь они уже насчитывались тысячами.

Они сняли для него особый домъ на одной изъ далекихъ и глухихъ окраинъ столицы, на Колтовской набережной, на Петербургской сторонѣ, близъ Крестовскаго острова. Въ этомъ домѣ каждый праздникъ устраивались собранія «трезвенниковъ», т. е. тѣхъ изъ его послѣдователей, которые дали обѣтъ не пить вина, водки и пива.

Тутъ же поселился и самъ Чуриковъ, вмѣстѣ съ Груней и двумя другими дѣвушками, на обязанности которыхъ лежало завѣдывать домомъ, хозяйствомъ и собраніями «трезвенниковъ».

Слава о «братцѣ Иванушкѣ» росла все болѣе. Число людей, которые желали слушать его объясненія Евангелія и наставленія, быстро увеличивалось. Вскорѣ помѣщеніе на Колтовской набережной оказалось слишкомъ тѣснымъ, чтобы вмѣстить всѣхъ, желавшихъ слушать «братца».

Тогда его послѣдователи сняли для него большой домъ на Петровскомъ островѣ, напротивъ городка Санъ-Галли. Въ этомъ домѣ имѣется огромный залъ, вмѣщающій въ

себѣ около двухъ тысячъ человѣкъ. Залъ этотъ и теперь служить для собраній «трезвенниковъ».

Но чѣмъ же привлекаетъ къ себѣ этотъ странный человѣкъ, еле грамотный, вчерашній мужикъ?

— Онъ творитъ чудеса... онъ совершаетъ исцѣленія... онъ погубшаго человѣка ставитъ на правильный путь...

Такъ съ глубокимъ убѣжденіемъ говорятъ о немъ его послѣдователи. И въ доказательство рассказываютъ разные случаи исцѣленія «братцемъ» больныхъ и увѣчныхъ. Привожу одинъ изъ такихъ рассказовъ.

Къ «братцу» приходитъ больная женщина на костыляхъ; она не владѣетъ ногами уже нѣсколько лѣтъ. Умоляетъ «братца» исцѣлить ее.

— Не меня нужно просить объ этомъ,—говоритъ «братецъ»,—а Бога. Нужно горячо молиться, нужно твердо вѣрить... Помолимся же отъ всего сердца, отъ всей души!

И онъ начинаетъ вдохновенно, съ жаромъ молить Бога объ исцѣленіи. Женщина, въ состояніи религіознаго экстаза слѣдуетъ его примѣру.

Молитва окончена. «Братецъ» подходит къ больной и говоритъ ей: «Богъ исцѣлилъ тебя. Ты теперь здорова... Костыли тебѣ больше не нужны».

Онъ беретъ отъ нея костыли и бросаетъ ихъ въ уголъ комнаты.

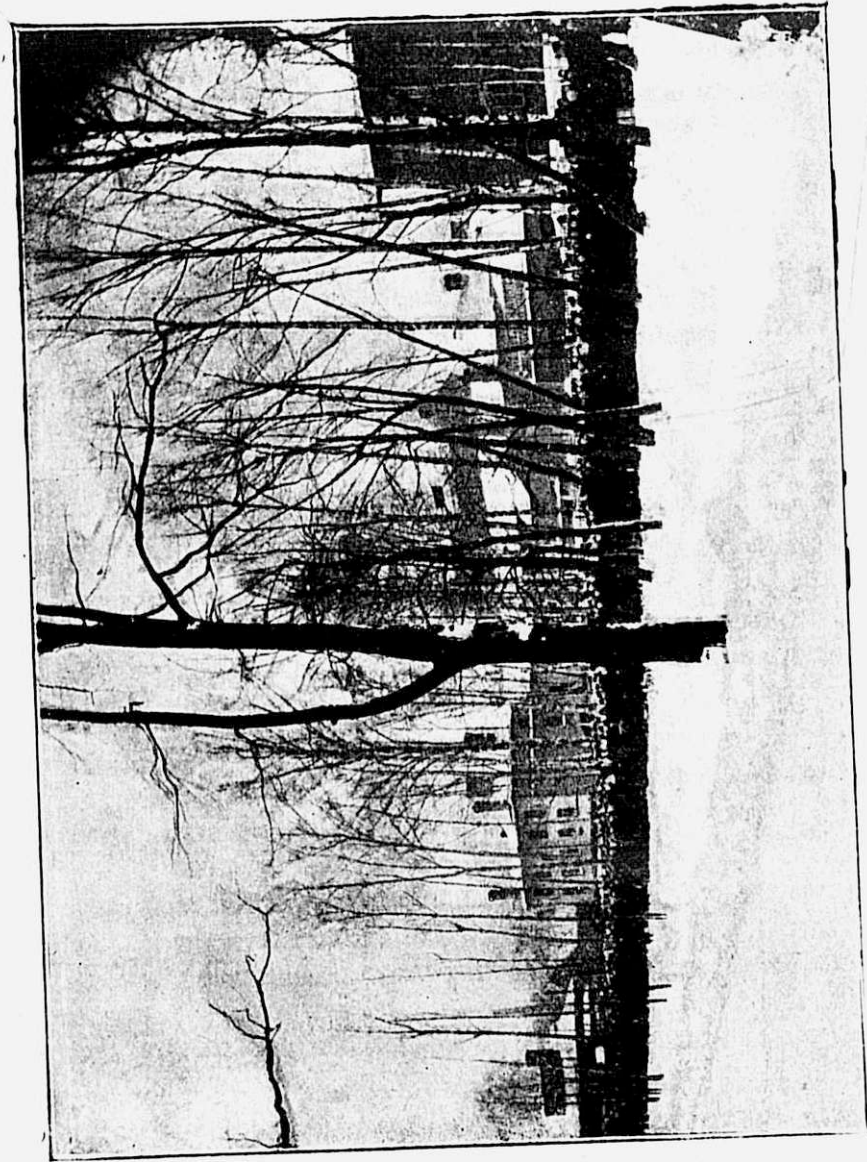
— Иди съ Богомъ!

И женщина пошла.

А костыли и сейчасъ остаются у «братца», гдѣ ихъ показываютъ всѣмъ желающимъ.

Но не въ этихъ «чудесахъ» главная заслуга «братца» въ глазахъ его послѣдователей. Больше всего они цѣнятъ то благотворное вліяніе, которое онъ оказываетъ на слабыхъ, неустойчивыхъ и опустившихся людей.

Подъ его вліяніемъ вчерашній горькій пьяница и лѣнтяй, сегодня вдругъ перерождается и становится трезвымъ, усерднымъ работникомъ. И такихъ случаевъ не десятки, не сотни

Трезвенники въ ожиданіи проповѣди братца.
(На Петровскомъ островѣ).

а цѣлыя тысячи. И они налицо, у всѣхъ на глазахъ, всѣмъ извѣстны.

Если вы сомнѣваетесь въ этомъ, я предлагаю вамъ провѣрить мои слова. Идите въ собраніе трезвенниковъ, что устраиваются каждое воскресенье въ Петровскомъ паркѣ и тамъ вы встрѣтите десятки лицъ, которыя охотно и откровенно расскажутъ вамъ о томъ, чѣмъ они были до знакомства съ «братцемъ» и чѣмъ они стали, благодаря его вліянію.

Одинъ изъ петербургскихъ литераторовъ, посѣтившій эти собранія, слѣдующимъ образомъ воспроизводитъ тѣ разговоры, которые ему удалось тамъ подслушать на эту тему.

«Всѣ они (посѣтители собраній), другъ къ другу приглядѣлись. Новаго человѣка сразу отмѣчаютъ.

— Впервые?

— Впервые.

— Дай Богъ! Я вотъ пьяницей былъ, опорочникъ. Теперь, слава Богу, по молитвамъ братца, человѣкомъ сталъ. Квартира своя, жену не бью, дѣти учатся, ѣсть-пить есть чего. Работаю. Слава Богу.

И всѣ они такъ. Говорятъ съ первыхъ-же словъ наперебой.

— Я былъ пьяница, воръ, обманщикъ, босякъ.

— Я тѣломъ своимъ торговала.

— Я въ публичномъ домѣ жила.

— Я былъ нахальникъ, развратникъ. Жену билъ, дѣтей со свѣту сживалъ.

— Я умиралъ отъ водки, отъ болѣзней.

— Я руки хотѣлъ на себя наложить.

— Я пришелъ на проповѣдь братца съ ножомъ. За голенище всунулъ. Хотѣлъ братца зарѣзать. Ужъ очень мнѣ обидно было, что товарищъ мой ходилъ къ нему и пить пересталъ. Да вышло по иному. Послушалъ я братца и

ножь-то самъ ему принесть, и прощенья просилъ. Съ тѣхъ поръ вотъ, Господи, слава Тебѣ...

— Я служанка. Воровка была. Отовсюду гнали.

— Меня мужъ билъ, и я со всѣми гуляла. Теперь семьей живемъ...

Говорятъ объ этомъ съ радостнымъ ужасомъ... Я не могу иначе назвать эти чувства, какъ радостнымъ ужасомъ, точно о страшномъ снѣ, о болѣзненномъ кошмарѣ. Но какъ будто и съ любованіемъ этими ужасами. Въ словахъ многихъ тайная надежда. Какъ будто имъ хочется, чтобы собесѣдникъ сказалъ: — Да, бѣда твоя прошла навсегда. Старое не вернется ¹⁾».

И вотъ «бывшіе люди», еще такъ недавно влачившіе жалкое, пьяное, грязное, голодное существованіе, — теперь, благодаря «братцу», они снова чувствуютъ себя настоящими людьми, обновленными, нравственно окрѣпшими, воскресшими къ новой жизни — трудовой, трезвой и счастливой.

Само собой понятно, что возвращенные къ трудовой, честной и трезвой жизни послѣдователи «братца» Иванушки питаютъ къ нему глубокую признательность и благодарность за это возрожденіе, они всячески стараются показать ему свое уваженіе, свою преданность, стараются окружить его вниманіемъ и заботливостью.

Благодаря этому, «братецъ» ни въ чемъ никогда не нуждается, такъ какъ трезвенники доставляютъ ему все нужное для его жизни и для жизни близкихъ ему людей. Они же оплачиваютъ всѣ расходы по найму помѣщенія, въ которомъ устраиваются «бесѣды братца», въ Петровскомъ паркѣ.

Трезвенники «братца Іоанна» Чурикова составляютъ довольно сплоченную общину. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ они приобрѣли большой участокъ земли, на станціи Вырица, въ дачной мѣстности, близъ города Павловска, Петербург-

ской губерніи. Вскорѣ здѣсь образовался цѣлый поселокъ трезвенниковъ.

Тутъ-же они выстроили и подарили «братцу» прекрасную дачу, въ которой онъ и живетъ теперь постоянно, вмѣстѣ со своими ближайшими послѣдовательницами, извѣстными подъ именемъ «сестрицъ». Отсюда онъ ѣздитъ въ Петербургъ лишь на два дня въ недѣлю: на воскресенье и понедѣльникъ.

Въ виду того, что деревянныя дачи зачастую страдаютъ отъ пожаровъ — «сгораютъ какъ костры», — трезвенники организовали въ Вырицѣ свою собственную вольную пожарную команду.

Вообще община трезвенниковъ постепенно крѣпнетъ и развивается все болѣе и болѣе. Число послѣдователей «братца» быстро растетъ. Залъ въ Петровскомъ паркѣ, рассчитанный на двѣ тысячи человекъ, становится уже тѣснѣе, такъ какъ далеко не можетъ вмѣстить всѣхъ желающихъ слушать проповѣди «братца».

Въ виду этого трезвенники только что выстроили на станціи Обухово, подъ Петербургомъ, новое каменное зданіе, специально приспособленное для собраній. Какъ говорятъ, зданіе это будетъ вмѣщать болѣе 4-хъ тысячъ человекъ.

¹⁾ «Братецъ Иванушка», С. Кондурушкина „Рѣчь“. 1910 г. № 290.

IX.

Послѣдователи братца изъ привилегированной среды.

Хотя главную массу послѣдователей братца, какъ мы видѣли, составляютъ ремесленники, мастеровые, рабочіе, прислуга, босяки и т. п. людъ, тѣмъ не менѣе однако слѣдуетъ замѣтить, что не одни только «низы» столичнаго населенія интересуются Чуриковымъ. Отнюдь нѣтъ.

Въ числѣ многочисленныхъ почитателей и почитательницъ «братца» можно нерѣдко встрѣтить отдѣльныхъ представителей и буржуазіи, и бюрократіи, и даже благороднаго дворянства. Такъ, напримѣръ, одно время всѣ собранія и бесѣды братца самымъ аккуратнымъ образомъ посѣщала какой-то полковникъ, съ женой—молодой, элегантной красавицей.

Конечно, эта чета обращала на себя общее вниманіе, такъ какъ рѣзко выдѣлялась на фонѣ сѣрой, рабочей, демократической массы, составляющей главный контингентъ посѣтителей «братца». По словамъ трезвенниковъ, полковникъ, страдая долгое время запоемъ, обратился къ «братцу» за помощью, за излеченіемъ. И «братецъ»,—какъ увѣряютъ,—дѣйствительно помогъ ему избавиться отъ тяжелаго недуга. Послѣ этого полковникъ и его жена «увѣрвали въ братца».

Затѣмъ одно время на собраніяхъ «братца» постоянно можно было встрѣчать одного актера съ женой артисткой, которые не скрывали своего увлеченія «братцемъ», его проповѣдями и дѣятельностью. Далѣе мнѣ передавали, что

въ числѣ поклонниковъ братца были: инженеръ, докторъ, владѣлецъ одного завода и т. д.

Этой весной я встрѣтилъ на собраніи «братца» молодого офицера, съ женой. Какъ меня увѣряли, офицеръ этотъ не пропускаетъ ни одной бесѣды «братца», ни одного собранія въ Петровскомъ паркѣ.

Одной изъ самыхъ горячихъ поклонницъ «братца Иванушки» была М. П. С—ва, богатая помѣщица одной изъ центральныхъ губерній Россіи, со связями въ высшемъ петербургскомъ обществѣ. Религіозная, мистически настроенная, несчастная въ семейной жизни, г-жа С—ва увлеклась страстными рѣчами проповѣдника изъ народа, его воодушевленіемъ и экстазомъ.

Желая показать свое расположеніе «братцу», она начала дѣлать ему различные подарки, съ каждымъ разомъ все болѣе и болѣе цѣнные. Сначала она послала ему прекрасные золотые часы-хронометръ.

«Братецъ Иванушка», получивъ дорогіе часы и повертѣвъ ихъ въ рукахъ, рѣшилъ, что они ему «ни къ чему», такъ какъ у него имѣлись простые металлическіе часы, хорошо исполнявшіе свое назначеніе. Онъ отослалъ золотые часы обратно г-жѣ С—вой.

Вѣроятно, свой отказъ «братецъ» не сумѣлъ облечь въ приличную и корректную форму, такъ какъ г-жа С—ва сначала очень обидѣлась на него.

Но это продолжалось недолго: вскорѣ она простила ему обиду и, спустя нѣкоторое время, сдѣлала ему новый подарокъ. На этотъ разъ она подарила ему кровнаго коня, съ полной упряжью и экипажемъ.

— Лошадка мнѣ на пользу: я буду на ней своихъ братчиковъ навѣщать,—рѣшилъ Чуриковъ и, поблагодаривъ г-жу С—ву за подарокъ, оставилъ лошадь у себя.

Съ тѣхъ поръ его нерѣдко можно было встрѣтить на окраинахъ Петербурга мчавшагося въ пролеткѣ на красивой вороной лошади, всегда въ сопровожденіи своей неиз-

мѣнной спутницы Груни, съ блѣднымъ лицомъ, съ чернымъ платочкомъ на головѣ.

Г-жа С—ва вскорѣ поселяется во флигелѣ того дома, въ которомъ живетъ Чуриковъ, на Петровскомъ островѣ. Увлеченіе ея «братцемъ» все растетъ, и вотъ она рѣшаетъ предоставить въ его распоряженіе одно изъ своихъ имѣній. Она даритъ ему 200 десятинъ глубокаго чернозема въ Тульской губерніи.

Знающіе люди оцѣнивали этотъ подарокъ въ 50.000 рублей. Но тутъ на сцену выступаетъ мужъ г-жи С—вой и дѣлаетъ заявленіе властямъ о томъ, что его жена, М. П. С—ва, страдающая душевной болѣзью, растрчиваетъ ихъ общее имущество.

Это вмѣшательство не дало состояться подарку. А вскорѣ затѣмъ М. С. С—ва попадаетъ въ психіатрическую лечебницу; здѣсь она и умерла года два тому назадъ.

Но—повторяемъ—всѣ эти помѣщицы, полковники, артисты и другія интеллигентныя лица составляютъ самый незначительный процентъ общаго числа послѣдователей Чурикова. Это только одиночки, довольно рѣдкія исключенія, главная же масса послѣдователей братца, какъ мы уже сказали, состоитъ изъ представителей плебса и вербуется изъ низовъ столичнаго населенія, изъ «бывшихъ людей», очутившихся на днѣ жизни.

Х.

Они идутъ за нимъ.

Для массы своихъ послѣдователей «братецъ Іоаннъ» Чуриковъ является и наставникомъ и учителемъ и врачомъ-цѣлителемъ и пророкомъ. Тысячи людей идутъ за нимъ, какъ за своимъ вождемъ, готовые въ точности исполнять всѣ его наставленія и совѣты. Они непоколебимо вѣрятъ въ него, въ его умъ и прозорливость, въ его необыкновенную духовную силу, дарованную ему свыше.

Насколько велико вліяніе Чурикова на этихъ людей, наглядно показываетъ уже одинъ тотъ же фактъ, что большинство его послѣдователей, благодаря нравственному воздѣйствію «братца», можно сказать, переродились морально, отрѣшившись отъ разныхъ пороковъ, во власти которыхъ они находились до своего сближенія съ Чуриковымъ.

Но этимъ не ограничивается вліяніе «братца». И послѣ такого обновленія онъ продолжаетъ оказывать свое вліяніе на этихъ людей, направляя ихъ на путь дальнѣйшаго нравственнаго совершенствованія, какъ онъ его понимаетъ. И эти люди охотно и радостно идутъ за нимъ, по его слѣдамъ. Въ доказательство я приведу, на примѣръ, слѣдующій случай.

Это было въ воскресенье, 3 января 1910 года, на бесѣдѣ «братца» въ Петровскомъ паркѣ. По обыкновенію, собралась масса народа; огромный залъ съ низкимъ потолкомъ былъ биткомъ набитъ трезвенниками. Всѣ стояли вплот

ную, прижавшись другъ къ другу, и съ напряженнымъ вниманіемъ прислушивались къ словамъ «братца».

На этотъ разъ онъ говорилъ проповѣдь на вегетаріанскую тему о вредѣ употребленія въ пищу мяса. Свою мысль, какъ всегда, «братецъ» подкрѣплялъ ссылками на Евангеліе, указывая на примѣры Іоанна Крестителя, Іисуса Христа и апостоловъ, которые не ѣли мяса и не пили вина. Ученики Христа призывали людей къ воздержанію отъ мяса; такъ апостолъ Павелъ говоритъ: „Лучше не ѣсть мяса и не пить вина во вѣкъ, дабы не соблазнить брата“, (Рим. 14, 21; 1 Коринф. 8, 13).

Выяснивъ подробно вредъ и грѣховность употребленія мяса, «братецъ» обратился къ собранію съ горячимъ призывомъ отказаться отъ мяса. Проповѣдь эта произвела сильнѣйшее впечатлѣніе на слушателей. Казалось, слова «братца» наэлектризовали все собраніе. Всѣ были потрясены. Поэтому страстный призывъ «братца» тотчасъ-же вызвалъ единодушный откликъ.

На вопросъ «братца»:—„Согласны ли вы на мой призывъ?“—со всѣхъ сторонъ раздались заявленія о твердой рѣшимости разъ навсегда отказаться отъ употребленія въ пищу мяса.

— Согласны, дорогой братецъ!—кричали трезвенники.—Отрекаемся отъ мяса, во вѣкъ не будемъ пить вина и ѣсть мяса!

По словамъ присутствовавшего при этой сценѣ И. М. Трегубова, „воодушевленіе, охватившее всѣхъ, было такъ велико, что многіе рыдали, не только женщины, но и мужчины“.

Вскорѣ выяснилось, что изъ двухъ тысячъ человѣкъ, которые находились въ залѣ, тутъ же дали обѣтъ «во вѣкъ» воздерживаться отъ мяса полторы тысячи трезвенниковъ. Остальные же обратились къ «братцу» съ просьбой разъяснить имъ ихъ сомнѣнія, которыя возникали у нихъ отно-

сительно тѣхъ послѣдствій, какія можетъ, по ихъ мнѣнію, вызвать замѣна мясной пищи растительною.

Изъ «бесѣды», которая завязалась по этому поводу, можно видѣть, насколько серьезно и обдуманно отнеслись трезвенники къ вопросу о вегетаріанствѣ. Въ то же время эта «бесѣда» знакомитъ насъ съ очень характерной манерой «братца» вести подобные диспуты, а потому мы считаемъ нелишнимъ привести здѣсь нѣсколько отрывковъ изъ этой своеобразной дискуссіи.

— Не отощаютъ ли солдаты, если не будутъ ѣсть мяса?—спрашиваетъ, нарпимѣръ, одинъ изъ трезвенниковъ.

— Японцы ѣли рисъ и сушеную рыбу, а нашихъ то мясоѣдовъ поколотили. Значитъ сила не въ мясѣ,—отвѣчаетъ «братецъ».—Это видно также изъ примѣра животныхъ. Тѣ животныя, которыя питаются растеніями,—волы, лошади, олени, верблюды—сильны и полезны человѣчеству. А кровожадные звѣри—волки, львы, медвѣди,—хотя и имѣютъ острые зубы и когти, но у нихъ нѣтъ такой силы. Это безработные. И характеръ у тѣхъ и другихъ разный: питающіяся растеніями—кротки, а кровожадные—свирѣпы и хищны. Также и птицы кровожадныя,—воронъ, ястребъ, орелъ—свирѣпы, а птицы, питающіяся растеніями,—голубь, соловей, канарейка и другія—кротки, онѣ не вредятъ никакой птицѣ. Хотя онѣ и питаются червячками и мушками, но это то же, что и мы питаемся рыбками.

— А не грѣхъ-ли и не вредно-ли ѣсть рыбу? — спрашиваютъ трезвенники.—Вѣдь это тоже живое существо.

— За рыбу совѣсть не судить меня: я ее не убиваю, она сама засыпаетъ. И Христось и апостолы ѣли рыбу. И питаться ею не вредно: у рыбы нѣтъ такихъ страстей, какія есть у животныхъ и у насъ. Страсть животныхъ къ взаимной враждѣ передается черезъ ихъ мясо и тому, кто его ѣсть; поэтому оно вредно и намъ.

— Но зачѣмъ-же Богъ сотворилъ животныхъ, если не для того, чтобы ихъ ѣсть?

— Волкъ тоже такъ думаетъ, что ему должно таскать овецъ и людей. И разбойникъ также думаетъ о томъ, чтобы ему купцовъ убивать, но приходится ему оставлять такое мастерство.

— Но что же дѣлать, когда народится слишкомъ много животныхъ? Куда ихъ дѣвать?—спрашивали трезвенника.

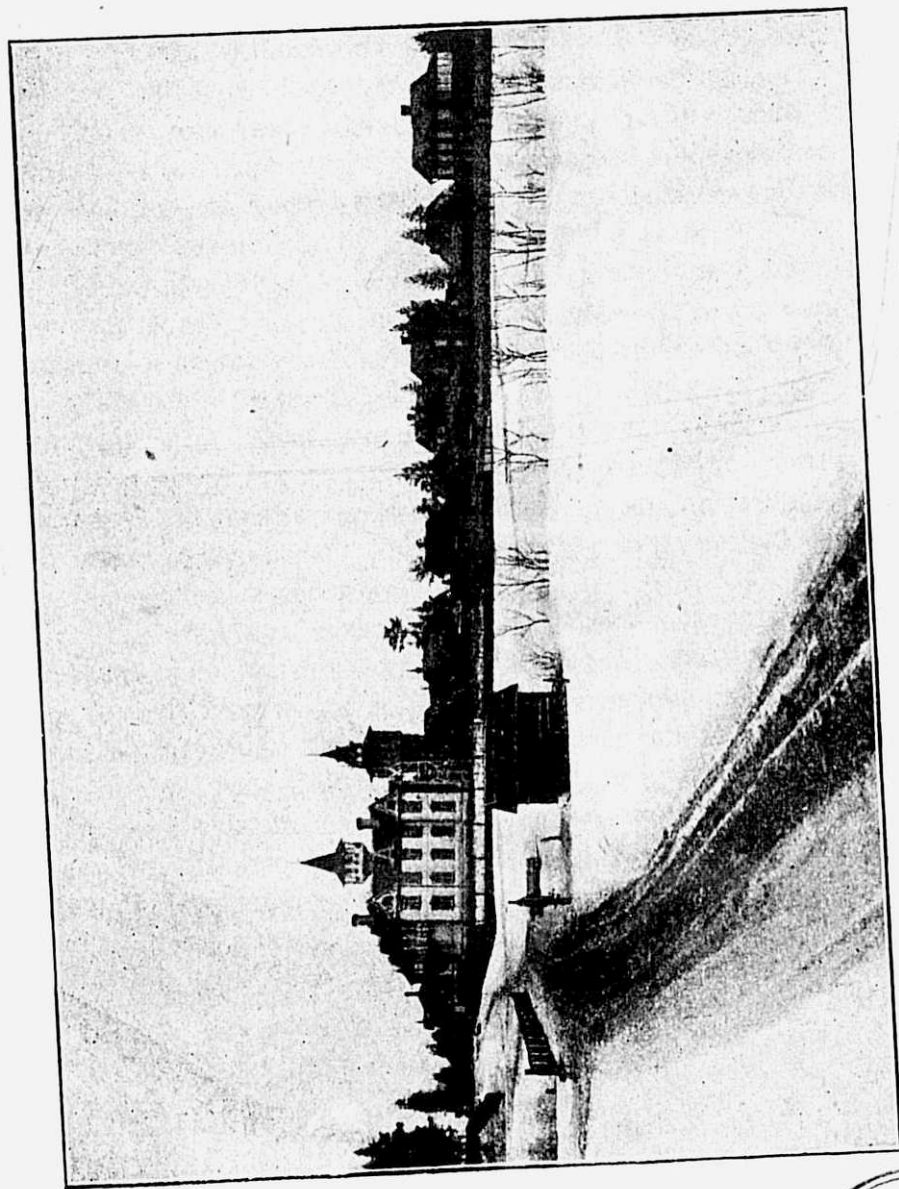
— Не родился еще Александръ Македонскій, а уже устрашились греки, — говоритъ «братецъ». — Не родились еще животныя, а уже устрашились ихъ. Боятся множества животныхъ, а не боятся ихъ уменьшенія. А лучше бойтесь того, что у насъ ихъ мало. Чѣмъ больше животныхъ, тѣмъ лучше, потому что тѣмъ больше навозу. А чѣмъ больше навозу, тѣмъ лучше удобреніе земли и тѣмъ больше хлѣба. Половина десятины, удобренная навозомъ, даетъ 200 пудовъ хлѣба, а безъ навозу и 50 не даетъ. Искусственное же удобреніе портитъ землю. Поэтому какъ 100,000 руб. не мѣшаютъ имѣющему ихъ, такъ и большее число животныхъ не будетъ намъ мѣшать. Напротивъ, когда ихъ будетъ много, тогда они будутъ дешевы, тогда и навозъ, и хлѣбъ, и молоко будутъ дешевы, и наша жизнь будетъ лучше.

— А откуда добывать кожу для сапогъ, если животныхъ не убивать?

— Послѣ смерти животнаго можно взять и его кожу. И когда будетъ много дешевыхъ животныхъ, тогда и кожа и обувь будутъ дешевыя.

— Какъ поступать въ тѣхъ случаяхъ, когда трезвенникъ самъ не ѣстъ мяса, а его жена, дѣти и рабочіе ѣдятъ? Можетъ ли онъ принудить ихъ не ѣсть мяса?»

Конечно, «братецъ» объясняетъ, что никакого принужденія въ такихъ случаяхъ допускать отнюдь нельзя. Даже укорять не слѣдуетъ, а нужно «какъ младенца вразумлять». Когда онъ пойметъ вредъ мяса, то самъ перестанетъ его ѣсть.

Общій видъ поселка трезвенниковъ въ Вырицѣ.

— А какъ поступать съ тѣмъ Звѣремъ, который нападаетъ на насъ? Можно ли его убить? *).

— Можно, — говоритъ «братецъ», — но убивать то животное, которое намъ служитъ, не хорошо и грѣшно.

Одинъ изъ трезвенниковъ задаетъ «братцу» такой вопросъ: — Вы говорите, что кто ѣстъ мясо, тотъ неразуменъ, а какъ же всѣ ученые и писатели ѣдятъ мясо, между тѣмъ они такіе мудрые?

«Братецъ» такъ отпарировалъ этотъ вопросъ: — «Однако Левъ Толстой, — сказалъ онъ, — также не ѣстъ мяса, а мудрѣе и долговѣчнѣе всѣхъ ученыхъ и писателей» **).

За этой «бесѣдой» послѣдовалъ цѣлый рядъ другихъ собраній, на которыхъ вопросъ объ употребленіи мяса вновь и вновь разсматривался и обсуждался съ разныхъ сторонъ. И послѣ каждой «бесѣды», число трезвенниковъ, которые отказывались «разъ навсегда» отъ мясной пищи, увеличивалось все болѣе.

Если «братцу» удалось въ одинъ день обратить въ вегетаріанство полторы тысячи человѣкъ, то, разумѣется, уже одинъ этотъ фактъ какъ нельзя лучше доказываетъ, какимъ огромнымъ влияніемъ пользуется онъ въ средѣ трезвенниковъ. Каждому, конечно, ясно, что такое радикальное измѣненіе пищевого режима, какъ отказъ отъ мяса, — является для рабочаго люда жизненнымъ дѣломъ первостепенной важности.

*) Многіе толстовцы, какъ извѣстно, категорически отрицаютъ право человѣка убивать даже хищныхъ животныхъ.

**) И. М. Трегубовъ: „Миръ съ животными, провозглашенный народными трезвенниками“. Спб., 1910 г., стр. 12—15.

XI.

Чему учитъ и какъ живетъ братецъ Иванъ Чуриковъ.

— Зачѣмъ это люди раздѣляются по разнымъ вѣрамъ? Кто—лютеране, кто—католики, кто—татары (т. е. магометане), кто—православные!.. Нужно бы одно дѣло дѣлать: вотъ народъ отъ разврата да пьянства отучать, — а они спорятъ между собой *).

Такъ говорилъ Чуриковъ сотруднику «Колокола» иеромонаху Веніамину, который явился къ нему въ качествѣ соглядатая. Сподвижникъ г. Скворцова, о. Веніаминъ возмущенъ этими рѣчами «братца» и усмотрѣлъ въ нихъ нѣчто явно еретическое. Конечно, это его дѣло, но только что приведенныя рѣчи «братца» выражаютъ главную сущность его религіозно-этического credo.

По убѣжденію Чурикова, дѣло не въ богословскихъ спорахъ о преимуществахъ одного вѣроученія передъ другимъ, а въ томъ, чтобы «отучать народъ отъ разврата и пьянства», чтобы сдѣлать жизнь народа болѣе чистой, болѣе нравственной, болѣе счастливой.

Особенно его ужасаютъ огромные размѣры, какіе приняло въ народѣ пьянство. Это, разумѣется, понятно, такъ какъ алкоголизмъ дѣйствительно является настоящимъ бичемъ въ русской жизни. Между тѣмъ борьба, которая ведется у насъ съ этимъ страшнымъ «соціальнымъ недугомъ»,

*) Иеромонахъ Веніаминъ: „Подмѣна христіанства“ Спб., 1911 г.

имѣетъ не только совершенно палліативный, но, можно прямо сказать, игрушечный характеръ.

Частныя общества трезвости у насъ не могли получить развитія вслѣдствіе общихъ, крайне стѣснительныхъ условій, которыми администрація постоянно обставляетъ у насъ всякія начинанія, возникающія по общественной инициативѣ.

Официальныя же «попечительства о народной трезвости», имѣющія характеръ чисто бюрократическихъ учреждений и всецѣло находящіяся въ рукахъ чиновниковъ, совершенно не достигаютъ своей цѣли и въ огромномъ большинствѣ случаевъ влечатъ жалкое существованіе, не смотря на довольно крупныя средства, которыя ассигнуются въ ихъ распоряженіе.

Земскія и городскія учрежденія совершенно безсильны бороться со зломъ алкоголизма, пока нашъ государственный бюджетъ базируется на доходахъ отъ винной монополіи.

Все это если не вполне сознается, то горячо чувствуется Чуриковымъ. И вотъ онъ предпринимаетъ походъ противъ пьянства со всѣмъ воодушевленіемъ, со всей энергіей, на какія только способна его дѣятельная и страстная натура.

Было бы, конечно, странно ожидать и требовать отъ «братца» болѣе или менѣе цѣльнаго и законченнаго ученія, вытекающаго изъ опредѣленнаго міропониманія. Такого ученія у Чурикова, разумѣется, нѣтъ. Но у него есть рядъ отдѣльныхъ мыслей, на которыхъ онъ останавливается съ особенной любовью и которыя особенно охотно развиваетъ въ своихъ бесѣдахъ.

Главныя изъ этихъ идей мы уже отмѣтили въ главѣ «Братецъ Іоаннъ и наша печать». «Царство Божіе — на землѣ» и «всѣ люди богоподобны» — вотъ основныя идеи Чурикова. Затѣмъ имъ чаще всего развивается мысль о необходимости мягкаго, любовнаго отношенія ко всѣмъ людямъ, независимо отъ ихъ національности и вѣроисповѣ-

данія. Всѣ люди—братья и сестры. Братство людей является однимъ изъ главныхъ принциповъ ученія Чурикова.

Изъ этихъ идей въ глазахъ миссіонеровъ особенно сомнительной и даже пожалуй еретической является мысль о «богоподобіи людей»,—впрочемъ не столько самая мысль, сколько то толкованіе и развитіе, которое дается этой идеѣ Чуриковымъ. Миссіонерамъ чудится здѣсь то «обожествленіе» людей, какое наблюдается въ сектахъ хлыстовскаго характера.

Что касается образа жизни «братца» за послѣднее время то на этотъ счетъ можно слышать разные толки. Говорятъ, напримѣръ, что теперь его домъ—«полная чаша», что теперь у него всего вдоволь, что жизнь его течетъ теперь среди комфорта и довольства.

Далѣе указывается, что «братецъ» теперь ходитъ въ шелковыхъ рубахахъ и лакированныхъ сапогахъ, что въ его распоряженіи имѣются цѣлыхъ три дома: одинъ въ Петербургѣ, на Петровскомъ островѣ, другой — въ Вырицѣ, близъ Павловска, и наконецъ третій—въ Обуховѣ. У него собственныя лошади, экипажи. Для полного ансамбля недостаетъ дескать только автомобиля.

Помню, какъ-то я посѣтилъ «братца» на Петровскомъ островѣ, вмѣстѣ съ своимъ знакомымъ англичаниномъ, корреспондентомъ одной англійской, очень распространенной газеты. Англичанинъ интересовался русскими религіозными движеніями, главнымъ же образомъ проявленіями аскетизма. Какъ всегда, «братецъ» встрѣтилъ меня самымъ радушнымъ образомъ. И хотя нашъ визитъ былъ для него совершенно неожиданнымъ, тѣмъ не менѣе тотчасъ же появился самоваръ и хорошо сервированный чай, съ медомъ, яблоками, фруктами, разнымъ печеньемъ, мармеладомъ и т. д.

При этихъ условіяхъ довольно трудно, конечно, вести аскетическій образъ жизни. И дѣйствительно, о веригахъ теперь что-то совсѣмъ не слышно, не слышно объ аскетическомъ умерщвленіи плоти.

— «Богатство портитъ человѣка»,—говорилъ «братецъ Иванушка» въ самомъ началѣ своего поприща. Не хочется думать, что теперь, когда онъ такъ близокъ къ богатству, онъ измѣнилъ свое мнѣніе по этому поводу.

Конечно, личная жизнь частнаго человѣка не можетъ подлежать гласному обсужденію, но жизнь «проповѣдника», призывающаго людей къ воздержанію и духовному обновленію — дѣло совершенно другое. Едва-ли кто-нибудь будетъ отрицать, что здѣсь и гласность и критика вполне умѣстны.

Однако я долженъ замѣтить, что Чуриковъ и теперь, когда онъ имѣетъ возможность располагать значительными средствами, отличается большой умѣренностью въ пищѣ и питьѣ, что онъ и теперь часто и много постится.

Интересуясь частной жизнью «братца», его времяпрепровожденіемъ, я разспрашивалъ, какъ онъ живетъ, чѣмъ наполняетъ свой день и т. д. Лица, имѣвшія возможность близко наблюдать будничную жизнь братца, увѣряютъ меня, что большую часть времени онъ проводитъ въ трудѣ, что онъ постоянно чѣмъ нибудь занятъ, постоянно въ работѣ.

Особенно онъ любитъ работы техническаго характера, въ родѣ проведенія электричества, устройства водопроводовъ, а также работы въ саду, въ пчельникѣ и т. д. Несмотря на то, что въ области техники онъ является только самоучкой, онъ сумѣлъ провести электричество въ помѣщеніяхъ, въ которыхъ происходятъ собранія трезвенниковъ, а также устроилъ въ Вырицѣ прекрасный артезіанскій колодець.

Но въ жизни братца есть одна сторона, которая невольно обращаетъ на себя вниманіе и которой его враги постоянно пользуются для своихъ нападковъ на него. Мы имѣемъ въ виду тѣхъ молодыхъ дѣвушекъ, «сестрицъ», которыя живутъ въ одномъ помѣщеніи съ «братцемъ».

По объясненію трезвенниковъ, обязанности этихъ дѣвицъ состоятъ въ томъ, чтобы «помогать «братцу» принимать на-

родъ, заботиться объ устройствѣ молитвенныхъ собраній и бесѣдъ, наблюдать за чистотой и порядкомъ въ помѣщеніяхъ, занимаемыхъ «братцемъ» и вообще прислуживать ему во всѣхъ его дѣлахъ». «Ту-же роль,—говоритъ іеромонахъ Веніаминъ,—исполняютъ и нѣкоторые мужчины. Многие изъ нихъ живутъ вмѣстѣ (съ братцемъ) въ однихъ зданіяхъ».

Не имѣя никакихъ фактовъ для обвиненія «братца» и «трезвенниковъ» въ нарушеніи 7-ой заповѣди, миссіонеры тѣмъ не менѣе пользуются каждымъ случаемъ, чтобы указать на ихъ совмѣстное сожительство съ молодыми дѣвушками.

«Разсуждая здраво,—говоритъ, на примѣръ, іеромонахъ Веніаминъ,—можно съ очень большой степенью вѣроятности предполагать, что у нихъ (т.-е. у трезвенниковъ) есть и прямое нарушеніе 7-ой заповѣди, ибо исторія всѣхъ даже великихъ подвижниковъ говоритъ намъ, какъ трудна бываетъ плотская борьба, и какъ нѣкоторые и святые не выдерживали искушеній, если условія обстановки сближали ихъ съ женщинами (преподобный Іаковъ и друг.) Св. Марія Египетская послѣ 17 лѣтъ худой жизни подвизалась въ пустынѣ 17 лѣтъ до очищенія. А между тѣмъ здѣсь мы должны были бы допустить что-то совершенно исключительное: люди разныхъ половъ живутъ вмѣстѣ, причемъ, какъ сами заявляютъ, нѣкоторыя изъ нихъ по нѣскольку лѣтъ были блудницами, — и однако, несмотря на это, ихъ жизнь чистая, цѣломудренная,—это совсѣмъ не мирится со страстью человѣческой природы» *).

Однако всѣ эти заподозриванія, всѣ эти нападки оказываются совершенно безсильными для того, чтобы парализовать широкую популярность «братца» среди массы трудового народа, чтобы ослабить тѣ симпатіи, съ которыми относится къ нему сѣрый, рабочій людъ.

*) Іеромонахъ Веніаминъ: „Подмѣна христіанства“. Спб., 1911 г., стран. 23.

Очевидно этотъ людъ, иначе, чѣмъ миссіонеры, смотритъ на совмѣстное сожительство «братца» съ женщинами и не видитъ въ одномъ этомъ фактѣ чего-нибудь особенно грѣховнаго и преступнаго. И дѣйствительно, несмотря на миссіонерскія обличенія и нападки, число послѣдователей братца растетъ все болѣе и болѣе. Почему?

Кромѣ тѣхъ причинъ, которыя мы уже указали ранѣе, есть еще мотивъ, старый, давнишній, извѣстный мотивъ, въ силу котораго многие изъ православныхъ постепенно охладѣваютъ къ церкви, избѣгаютъ священниковъ и начинаютъ предпочитать собранія братца. Мнѣ лично приходилось не одинъ разъ наблюдать въ Петербургѣ подобные случаи и на мой вопросъ по этому поводу почти всегда приходилось выслушивать одинъ и тотъ же отвѣтъ:

— Попы больно жадны... попы только деньги любятъ... Безъ денегъ какъ въ церковь пойдешь? Безъ денегъ къ попу и не суйся. А братецъ денегъ не беретъ... Къ нему иди безъ копейки...

И вотъ, въ то время, какъ православные священники жалуются на то, что церкви теперь наполовину опустѣли, въ это самое время у «братца» на собраніяхъ всегда биткомъ набито народу. Каждое воскресенье, въ четыре часа дня, происходитъ собраніе трезвенниковъ на Петровскомъ островѣ, гдѣ «братецъ» говоритъ проповѣдь. Задолго до начала собранія народъ стекается со всѣхъ сторонъ къ дому, въ которомъ происходятъ «бесѣды» братца.

Огромная толпа наполняетъ весь дворъ и затѣмъ длиннымъ хвостомъ располагается въ паркѣ, вдоль Петровскаго проспекта, который тутъ проходитъ. Было время, когда помѣщеніе, въ которомъ происходили проповѣди братца, вмѣщало не больше 500—600 человѣкъ. Но такъ какъ всегда являлось гораздо болѣе этого числа, то поэтому полиція слѣдила за тѣмъ, чтобы не допускать въ залъ свыше 600 человѣкъ.

Впускали въ залъ по очереди, поэтому всѣ старались

придти возможно раньше, чтобы занять мѣста, ближайшія отъ входа. Многіе являлись съ ранняго утра и терпѣливо дежурили по нѣсколько часовъ подрядъ. Нерѣдко тутъ можно было наблюдать сцены въ родѣ тѣхъ, какія происходятъ предъ театромъ, въ которомъ поетъ Шаляпинъ, или играетъ Дузэ.

Къ началу «бесѣды» полицейскій чиновникъ отсчитывалъ 600 человекъ изъ стоящихъ впереди, — обыкновенно всѣ стояли парами, — а остальнымъ приказывалъ уходить. Нужно было видѣть печаль, огорченіе, досаду тѣхъ, кто оставался за флагомъ! А такихъ съ каждымъ разомъ оказывалось все болѣе и болѣе. Въ виду этого трезвенники рѣшили расширить залъ собраній и дѣйствительно вскорѣ же увеличили его размѣры въ три раза. Въ настоящее время залъ на Петровскомъ островѣ вмѣщаетъ въ себѣ до двухъ тысячъ человекъ.

Но вскорѣ и эти размѣры помѣщенія оказались недостаточными для массы желающихъ присутствовать на собраніяхъ и жаждущихъ слушать проповѣди братца. И теперь, чтобы попасть на бесѣду, необходимо приходиться заранее, иначе рискуешь не попасть въ залъ, который каждый разъ бываетъ переполненъ свыше всякой мѣры. Новый домъ, который выстроили трезвенники для своихъ собраній въ Обуховѣ, рассчитанъ на четыре тысячи человекъ.

XII.

Миссіонеры и „братецъ“.

Съ первыхъ же шаговъ «братца» въ роли народнаго проповѣдника, православное духовенство, — за рѣдкими единичными исключеніями, — отнеслось къ нему съ крайней подозрительностью и нескрываемой враждой.

Священники, возмущаясь, говорили:

— Какъ, онъ — простой мужикъ, нигдѣ не учившійся, — смѣетъ объяснять Евангеліе! Какъ онъ, простецъ, смѣетъ проповѣдывать и даже благословлять народъ, не имѣя благодати Духа Святаго, какая дается только намъ, пастырямъ духовнымъ!

Но еще больше негодовали православные миссіонеры, которые сразу же почували въ «братцѣ» не то сектанта, не то еретика. И вотъ въ миссіонерскихъ органахъ началась систематическая травля противъ «братца Иванушки», причемъ главнымъ застрѣльщикомъ являлся никто другой, какъ редакторъ «Миссіонерскаго Обозрѣнія» г. Скворцовъ.

Достаточно, конечно, назвать это имя, чтобы читатель понялъ, какіе приемы пускались въ ходъ миссіонерами съ цѣлью доказать вредный и опасный характеръ дѣятельности «братца»: тутъ были и очевидныя подтасовки, и беззастѣнчивыя инсинуаціи, и, наконецъ, явная клевета.

Какъ давно уже установлено въ печати, разнузданность г. Скворцова всегда объясняется той поддержкой, которую онъ чувствуетъ въ реакціонно-настроенныхъ вліятельныхъ сферахъ. Подстрекаемые своимъ «шефомъ», миссіонеры вели ожесточенный походъ противъ «братца» и «трезвенниковъ».

— Вы—сектанты, вы—еретики, — говорятъ миссіонеры трезвенникамъ.—Вы отъ церкви православной отпали.

Трезвенники горячо протестуютъ, увѣряя, что они никогда не отпадали отъ церкви, всегда принадлежали къ ней и сейчасъ принадлежатъ.

— Вы святыхъ таинствъ не признаете,—продолжаютъ укорять священники.

— Батюшка, какъ вы это говорите! Мы всё таинства признаемъ,—увѣряютъ трезвенники.—Скажите намъ, какія мы таинства не признаемъ?

— Вы бракъ отрицаете...

— Помилуйте, батюшка, какъ же мы можемъ бракъ отрицать, когда мы всё женаты, имѣемъ дѣтей?!

Противъ такого довода спорить, конечно, было невозможно, поэтому священникъ переводитъ разговоръ на братца.

— Вашъ братецъ живетъ не женатымъ... онъ бракъ отрицаетъ...

— Мы отъ братца ни одного слова не слышали противъ брака. Напротивъ, онъ учитъ насъ, какъ слѣдуетъ жить въ бракѣ, въ семьѣ, въ любви и согласіи.

Вообще придирамъ всякаго рода не было конца.

Чтобы не дать братцу возможности высказывать въ своихъ проповѣдяхъ идеи, не согласныхъ съ ученіемъ православной церкви, къ нему на бесѣды командированъ былъ священникъ, который обязанъ былъ слѣдить за всѣмъ, что говорится и дѣлается у братца.

Чуриковъ ни мало не протестовалъ противъ этой мѣры и подчинился распоряженію духовной власти. Но со священникомъ-соглядатаемъ вышелъ необыкновенный казусъ: вскорѣ послѣ своего назначенія слѣдить за братцемъ онъ оставилъ православіе и перешелъ въ католичество.

Тогда въ качествѣ соглядатаевъ были назначены сразу два священника. Чуриковъ и противъ этого ничего не воз-

ражалъ. Тѣмъ не менѣе, однако, жалобы на братца миссіонеровъ и духовныхъ лицъ, посѣщавшихъ его бесѣды, не прекращались.

— Чуриковъ не подходитъ къ намъ подъ благословіе,—жаловались священники.—Это доказываетъ, что онъ не хочетъ признавать православнаго духовенства.

Тогда свше дѣлается распоряженіе о томъ, чтобы Чуриковъ какъ передъ началомъ проповѣди, такъ и по окончаніи ея, непременно подходилъ подъ благословіе священника, присутствующаго на бесѣдѣ.

Чуриковъ опять-таки безпрекословно подчинился и этому распоряженію и началъ неукоснительно подходить подъ благословіе священниковъ. Можно было думать, что его необыкновенное смиреніе и полная покорность обезоружатъ его враговъ. Ничуть не бывало! Неудовольствіе миссіонеровъ росло все болѣе. Священники начали жаловаться на то, что Чуриковъ, хотя и подходитъ къ нимъ подъ благословіе, но дѣлаетъ это «холодно», «машинально», «точно для формы».

Затѣмъ братцу предъявляется требованіе: письменно изложить, какъ и во что онъ вѣритъ, какъ относится къ православной церкви, къ духовенству, къ таинствамъ, какъ смотритъ на І. Христа, на святыхъ апостоловъ и пророковъ, какъ понимаетъ священное писаніе и т. д.

Братецъ охотно соглашается на это и пишетъ подробные отвѣты на всѣ поставленные ему миссіонерами вопросы.

Собирается духовный ареопагъ, чтобы обсудить и рассмотреть отвѣты братца, съ цѣлью найти въ нихъ если не явную ересь, то хотя какое-нибудь уклоненіе отъ ученія православной церкви. И вотъ читаютъ и перечитываютъ почтенные отцы эти отвѣты, но—увы!—не только какой-либо ереси, но даже никакихъ признаковъ сектантства въ нихъ не оказывается. Какъ есть все по православному! Въ лучшемъ видѣ.

Смутился было ареопагъ, но въ концѣ концовъ принужденъ былъ признать, что всѣ отвѣты братца изложены вполне согласно ученія православной церкви. Сдѣлавши это постановленіе, члены ареопага успокоились: какъ гора съ плечъ свалилась!

Но тутъ на сцену снова выступаютъ сподвижники г. Скворцова.

— Да развѣ возможно довѣрять искренности братца?— говорятъ они.—Развѣ возможно вѣрить тому, что онъ написалъ въ своихъ отвѣтахъ? Развѣ трудно выписать эти отвѣты, напримѣръ, хотя бы изъ катехизиса Филарета?..

Но дѣло было сдѣлано и отмѣнить состоявшееся постановленіе было уже невозможно.

Съ тѣхъ поръ, какъ среди петербургскихъ миссіонеровъ неожиданно появились горячіе защитники братца Іоанна Чурикова, въ родѣ г. Боголюбова, скворцовскій «Колоколъ» началъ еще болѣе настойчиво требовать отлученія братца отъ церкви. Г. Скворцовъ взвился на дыбы и принялся всячески донимать Чурикова и его послѣдователей.

Между прочимъ въ «Колоколѣ» появляется рядъ статей іеромонаха Веніамина, который на основаніи своихъ личныхъ «наблюденій» приходитъ «безъ всякаго колебанія» къ слѣдующимъ выводамъ: 1) «Чуриковъ постепенно отводитъ православныхъ отъ церкви» и 2) «Чуриковское движеніе противощерковно, а, слѣдовательно, неправославно, слѣдовательно, неправославенъ и самъ Чуриковъ».

Дальше—больше. Вскорѣ затѣмъ іеромонахъ Веніаминъ предъявляетъ къ Чурикову и его послѣдователямъ уже новое обвиненіе—въ сектантствѣ и хлыстовщинѣ. Онъ прямо заявляетъ и старательно подчеркиваетъ, что «чуриковщина есть секта, родственная хлыстовству» (курсивъ подлинника).

А вы знаете, что значить бросить обвиненіе въ хлыстовствѣ? Это по нынѣшнимъ временамъ не шутка. До извѣстной степени это равносильно роковому «слово и дѣло!» былыхъ, далекихъ временъ. Дѣло въ томъ, что «хлысты»,

какъ извѣстно, отнесены у насъ къ числу «изувѣрныхъ и безнравственныхъ сектъ», принадлежность къ которымъ карается въ уголовномъ порядкѣ—по 96-ой статьѣ Уголовнаго Уложенія.

Придя къ такимъ выводамъ, о. Веніаминъ предлагаетъ и нѣкоторыя мѣры для борьбы съ Чуриковымъ. «Прежде всего,—говоритъ онъ,—необходимо лишить его (т.-е. Чурикова) возможности вредить Церкви...» т.-е., говоря проще, «онъ долженъ совершенно прекратить свои бесѣды, бросить свое учительство, отдѣляющее отъ Церкви, пока самъ не сдѣлается ея сыномъ» (стр. 26).

Но, предлагая эту «мѣру», о. Веніаминъ, очевидно, самъ прекрасно сознаетъ, что она не можетъ имѣть никакого практическаго значенія, такъ какъ Чуриковъ никогда, конечно, не пожелаетъ подчиниться подобному требованію. Миссіонеры не разъ уже обращались къ нему съ подобными требованіями, но онъ всегда съ большимъ достоинствомъ отвергалъ ихъ, заявляя, что «считаетъ недопустимымъ для христіанина отказаться отъ чтенія слова Божія и потому, *несмотря ни на какія запрещенія*, будетъ читать слово Божіе, будетъ и другимъ внушать дѣлать это».

О. Веніаминъ, видимо, не рѣшается открыто и прямо высказать, что заставитъ Чурикова «совершенно прекратить свои бесѣды, бросить свое учительство» возможно только путемъ репрессій, путемъ полицейскихъ запрещеній и административныхъ преслѣдованій. Но изъ всего, что онъ пишетъ по этому поводу, его тайныя желанія и цѣли выступаютъ совершенно ясно и опредѣленно. Духовный мечъ безсиленъ, необходима помощь полиціи, необходимо вмѣшательство администраціи, необходима тюрьма...

Интересны тѣ «наблюденія» о. Веніамина, на основаніи которыхъ онъ приходитъ къ своимъ выводамъ. Уже первыя впечатлѣнія его у «трезвенниковъ» были крайне неблагоприятны для нихъ. Когда онъ подошелъ къ огромной толпѣ трезвенниковъ, ожидавшихъ на дворѣ того момента, когда

ихъ впускаютъ въ помѣщеніе, въ которомъ происходятъ проповѣди «братца», его поразило слѣдующее обстоятельство: «рѣшительно ни одинъ изъ нихъ (т.-е. трезвенниковъ) не выразилъ привѣтствія батюшкѣ», т.-е. ему, отцу Веніамину; ни одинъ не снялъ шапки передъ нимъ. По словамъ о. Веніамина, «это какъ-то сразу дало почувствовать, что православный священникъ для нихъ «чужой», если не сказать больше».

Подъ этимъ впечатлѣніемъ онъ началъ производить свои «наблюденія» надъ братцемъ и трезвенниками, причемъ старательно подчеркивалъ все то, что по его мнѣнію должно уронить и дискредитировать ихъ. Описывая «ближайшихъ ученицъ» братца, онъ многозначительно отмѣчаетъ, что «большинство изъ нихъ были молодья и выдѣлялись болѣе или менѣе красивой наружностью». Отъ взоровъ о. Веніамина не ускользнуло и то обстоятельство, что «у всѣхъ у нихъ въ качествѣ брошки были медальоны съ фотографіей Чурикова».

Между прочимъ, въ собраніи у «братца» іеромонахъ Веніаминъ встрѣтилъ И. М. Трегубова, бывшаго толстовца, теперь свободнаго христіанина. По этому поводу онъ спѣшитъ замѣтить: «Сбоку меня стоялъ Трегубовъ. Нѣсколько словъ о немъ. Это—сектантъ, уже не скрывающій своего сектантства, точнѣе—даже еретикъ. И вотъ этотъ явный сектантъ не только терпится у «православныхъ» чуриковцевъ, но даже считается чуть ли не близкимъ другомъ» (стр. 10).

Но особенно возмутила о. Веніамина та сцена, которая произошла по окончаніи проповѣди и которую онъ описываетъ такъ: «Иванъ предъ иконами прочиталъ какія-то молитвы тѣмъ же полутаинственнымъ шопотомъ, закончилъ приблизительно такъ, какъ кончается первый часъ на утрени. Затѣмъ сталъ около иконъ. Распорядители стали въ рядъ и начали пропускать къ Чурикову народъ. И къ моему удивленію и даже внутреннему возмущенію всѣ стали

подходить къ его рукѣ и цѣловать. Сначала онъ ихъ крестилъ, «благословлялъ» (складывалъ ли персты по-іерейски, я не замѣтилъ), а послѣ просто ужъ только давалъ цѣловать руку. Рядомъ же стоялъ я, облеченный благодатію священства, мимо меня тянулись всѣ эти вереницы, и, однако, ни одинъ не подошелъ ко мнѣ подъ благословеніе» (стр. 10).

Этого отецъ Веніаминъ уже не могъ стерпѣть, не могъ простить «братцу». И потому, по окончаніи бесѣды, онъ тотчасъ же началъ обличать его и доказывать трезвенникамъ, что цѣловать руки можно только у православныхъ священниковъ, какъ надѣленныхъ особой благодатію. Но трезвенники не соглашались съ этимъ и выражали глубокую увѣренность въ томъ, что «братецъ Іоаннъ имѣетъ такую же благодать, какъ и священники, даже и больше; что, наоборотъ, у православныхъ священниковъ нѣтъ благодати, что она есть въ Церкви только у немногихъ «святыхъ», въ родѣ лишь о. Іоанна Кронштадтскаго, — другихъ не могли указать они; а всѣ прочіе—ниже ихъ «братца» по благодати» (стр. 14).

Многое подмѣтилъ, многое высмотрѣлъ о. Веніаминъ. Но—удивительное дѣло!—на самое важное, на самое существенное и главное онъ почему-то совсѣмъ не обратилъ никакого вниманія. Вотъ уже подлинно можно сказать, что слона-то онъ и не замѣтилъ.

Онъ не замѣтилъ видимыхъ для всѣхъ, несомнѣнныхъ и осязательныхъ результатовъ, которые даетъ дѣятельность Чурикова, не замѣтилъ того моральнаго вліянія, какое оказываетъ «братецъ», на низы городского населенія. Онъ не замѣтилъ (шутка сказать!) тѣхъ тысячъ «бывшихъ людей» — пропойцъ, босяковъ, опорошниковъ, падшихъ женщинъ, которые, благодаря вліянію «братца» вернулись къ трудовой и честной жизни.

О. Веніаминъ подозрѣваетъ въ «братцѣ» челоуѣка, недружелюбно настроеннаго противъ «господствующей церкви»

и противъ духовенства,—человѣка, недостаточно православнаго. Онъ видитъ въ немъ только сектанта, только еретика. И ничего больше онъ видѣть не желаетъ. Онъ не хочетъ видѣть моральнаго значенія проповѣди Чурикова, его борьбы съ пьянствомъ, съ нравственной распущенностью, проституціей и хулиганствомъ. На все это онъ почему-то закрываетъ глаза...

Почему-же?..

XIII.

Анафема.

Въ прежнее время православная церковь лишь въ крайне рѣдкихъ случаяхъ прибѣгала къ отлученію и проклятію тѣхъ изъ своихъ сыновъ, которые чѣмъ либо вооружали противъ себя наше духовенство. Въ теченіе долгаго времени, изъ года въ годъ, въ нашихъ церквахъ провозглашалась анафема все однимъ и тѣмъ-же историческимъ лицамъ: Гришкѣ Отрепьеву и Емелькѣ Пугачеву, которые въ свое время являлись врагами, конечно, не столько церкви, сколько государства.

Даже во времена Побѣдоносцева случаи отлученія отъ церкви происходили у насъ крайне рѣдко. Состоявшееся въ 1901 году отлученіе отъ церкви Л. Н. Толстого, хотя и не сопровождалось проклятіемъ и анафемой, тѣмъ не менѣе произвело огромную сенсацію въ обществѣ и въ народѣ и вызвало такія чувства и настроенія, которыя едва-ли входили въ расчеты инициаторовъ этой мѣры.

Но въ послѣдніе годы наше духовенство начинаетъ все чаще и чаще прибѣгать къ отлученію и проклятію. Такимъ образомъ въ XX-мъ вѣкѣ у насъ совершенно неожиданно воскресла грозная и жестокая «анафема», отъ которой такъ и вѣетъ далекимъ средневѣковьемъ съ его кострами и инквизиціей.

Нѣкоторые архіереи особенно охотно прибѣгаютъ теперь къ анафемѣ. Къ числу этихъ архіереевъ слѣдуетъ отнести, на примѣръ, вологодскаго епископа Никона, кото-

рый ежегодно кого-нибудь изъ своей паствы отлучаетъ отъ церкви и предаетъ анафемѣ. Объ этомъ обыкновенно объявляется во всеобщее свѣдѣніе, причемъ самое отлученіе происходитъ съ большой помпой. Такъ, въ 1909 году епископъ Никонъ отлучилъ отъ церкви и предалъ анафемѣ дворянина И—каго, молодого человѣка 25 лѣтъ. При входѣ въ соборъ была вывѣшена копія съ резолюціи епископа по этому поводу слѣдующаго содержанія:

«Н. И—ій остался упорствующимъ въ армянской ереси и не можетъ болѣе именоваться православнымъ. По власти, данной мнѣ, недостойному преемнику св. апостоловъ, Господомъ Нашимъ Исусомъ Христомъ (Матѣ. 18, 18; 16, 19; Іоан. 20, 23 и Матѣ. 18, 17) и заповѣди апостольской (Галат. 1, 8—9), отлучаю отъ общенія съ Господомъ Нашимъ и вѣчнаго спасенія, если пребудетъ нераскаяннымъ. Анафема. Аминь».

«Подлинную подписалъ Никонъ, епископъ вологодскій и тотемскій».

Въ слѣдующемъ 1910 году, по распоряженію епископа Никона, была отлучена отъ церкви и торжественно предана анафемѣ крестьянка Грязовецкаго уѣзда Манефа Широкова, за переходъ въ магометанство. Для преданія анафемѣ въ Грязовець специально пріѣзжалъ протодіаконъ вологодскаго кафедральнаго собора Поповъ. Объ отлученіи Широковой отъ православной церкви прихожане были извѣщены объявленіями, которыя разсылались по уѣзду духовными властями*).

Въ Самарской епархіи, съ разрѣшенія члена особаго присутствія при Св. Синодѣ епископа Константина, въ нынѣшнемъ году анафема была провозглашена въ такой формѣ: «Отпавшимъ отъ единыя, святяя, соборныя и апостольскія церкви въ душепагубныя и еретическія ученія, именующимъ себя свободными христіанами—анафема».

Такимъ образомъ здѣсь проклятію и анафемѣ предается уже не отдѣльное лицо, а цѣлая группа лицъ, всѣ тѣ, кто ученію св. православной перкви предпочитаетъ ученіе «свободныхъ христіанъ».

Однако и этимъ дѣло не кончается.

Въ епархіи архіепископа Антонія Волинскаго въ нынѣшнемъ году въ недѣлю православія провозглашена была анафема въ такой формѣ: «Отпавшимъ отъ православной христіанской вѣры въ латинство тремъ стамъ и седми, и въ лютеранство седми, и въ штунду тридесатимъ, и въ іудейство единому—анафема». По свѣдѣніямъ Волинскаго преосвященнаго, въ этой формулѣ указываются точныя данныя о числѣ отпавшихъ отъ православія за время съ 5 марта 1910 г. по 25 февраля 1911 г.

Изъ этого видно, что архіепископъ Антоній предаетъ анафемѣ всѣхъ тѣхъ лицъ, которыя отпадаютъ отъ православія и переходятъ какъ въ сектантство, такъ и въ другія вѣроисповѣданія—католичество, лютеранство и т. д.

Еще дальше въ этомъ направленіи идетъ саратовскій епископъ Гермогенъ, который считаетъ необходимымъ предавать проклятію не только отпадающихъ отъ православной церкви, но и всѣхъ тѣхъ, которые хотя и состоятъ въ православіи, но, по мнѣнію владыки, являются недостаточно православными.

Одно время епископъ Гермогенъ задумалъ было съ помощію анафемы... очистить русскую литературу отъ всѣхъ тѣхъ писателей, православіе которыхъ, по его мнѣнію, является сомнительнымъ.

Въ этихъ видахъ епископъ Гермогенъ намѣтилъ цѣлый рядъ русскихъ писателей, которыхъ онъ считалъ необходимымъ отлучить отъ церкви. Въ числѣ этихъ лицъ, между прочимъ фигурируютъ: Леонидъ Андреевъ, Д. С. Мережковскій, В. В. Розановъ, Арцыбашевъ и многіе другіе. Всѣхъ этихъ писателей преосвященный Гермогенъ объявилъ «неоязычниками» и «дѣтьми сатаны, подготовляющими приходъ Антихриста». Слѣдуетъ замѣтить однако,

*) „Рѣчь“, 1910 г. № 89.

что докладъ епископа Гермогена о преданіи этихъ писателей анафемѣ не встрѣтилъ сочувствія и поддержки въ Святѣйшемъ Синодѣ.

Благодаря этому, широкіе замыслы епископа Гермогена относительно русской литературы остались пока безъ осуществленія.

Примѣру преосвященныхъ нерѣдко слѣдуютъ простые монахи. Нѣкоторые изъ нихъ начинаютъ прямо злоупотреблять анафемой. Особенно это слѣдуетъ сказать о знаменитомъ въ своемъ родѣ Царицынскомъ іеромонахѣ Иллиодорѣ. Во время своего паломничества въ Саровъ, онъ чуть не въ каждомъ городѣ провозглашалъ анафему то отдѣльнымъ лицамъ, которые почему либо возбуждали его неудовольствіе, то цѣлымъ группамъ людей и наконецъ даже цѣлымъ націямъ, какъ на примѣръ, евреямъ или, по его терминологіи, — «жидамъ».

Московскія духовныя власти въ борьбѣ съ «братцами» также рѣшили поразить ихъ анафемой, проклятіемъ, отлученіемъ отъ церкви. Разсчетъ духовныхъ властей былъ основанъ на томъ, что послѣдователями «братцевъ» въ значительномъ большинствѣ являются люди, которые будучи «трезвенниками», въ то же время не порываютъ своихъ связей съ православіемъ, повидимому дорожатъ этими связями. Миссіонеры рассчитывали, что торжественное церковное проклятіе, которое разразится надъ головами ихъ руководителей, заставитъ этихъ людей отшатнуться отъ своихъ вождей, заставитъ ихъ искать болѣе тѣснаго общенія съ церковью и православнымъ духовенствомъ.

И вотъ къ «братцамъ» предъявляется требованіе духовной іерархіи — прекратить бесѣды съ народомъ. «Братцы» отказываются исполнить это требованіе. Тогда-то надъ ихъ головами разражается «анафема». Въ воскресенье, 7 марта 1910 года, въ трехъ московскихъ храмахъ торжественно провозглашена была анафема «братцамъ» Колоскову и Григорьеву. Приводимъ здѣсь ея точную формулу, безъ всякихъ сокращеній:

«Господь и Богъ нашъ Иисусъ Христосъ, создавая церковь свою, заповѣдалъ повиноваться ей подъ угрозою: если Церкви не послушаетъ братъ твой, то да будетъ онъ тебѣ, какъ язычникъ и мытарь. И святой апостоль Павелъ повелѣлъ: еретика послѣ перваго и втораго вразумленія отвращайся, зная, что таковой развратился и грѣшитъ, будучи самоосужденъ.

Поэтому и святая православная церковь Христова, всегда снисходительная къ немощамъ согрѣшающихъ и кающихся грѣшниковъ, не можетъ однако терпѣть въ своихъ нѣдрахъ нераскаянныхъ нечестивцевъ, еретиковъ и богохульниковъ. Послѣдую заповѣдямъ Господа нашего Иисуса Христа и правиламъ святыхъ апостолъ, святыхъ соборовъ и святыхъ отецъ, она таковыхъ нечестивцевъ, еретиковъ и богохульниковъ отлучаетъ и анафематствуетъ.

Къ великому прискорбію, таковые, обреченные анафемѣ, явились нынѣ въ древле-православномъ градѣ Москвѣ, — это извѣстные въ Москвѣ такъ называемые «братцы» Иванъ Колосковъ и Дмитрій Григорьевъ.

«Они уклонились въ пагубную ересь, нечестивую и богохульную, подобную хлыстовской и распространяютъ ее среди простодушныхъ людей, отторгая ихъ отъ православной церкви, прикрываясь и обманывая ихъ своимъ видимымъ благочестіемъ и трезвостью. По виду кажущееся благочестивыми, они на самомъ дѣлѣ содержатъ и проповѣдуютъ самое нечестивое ученіе, а именно: неправо мудрствуютъ о лицѣ Господа нашего Иисуса Христа и Его Пречистой Матери, называя себя и другихъ смертныхъ и простыхъ людей сими достопоклоняемыми именами; извращаютъ святыя таинства Церкви и одни изъ сихъ таинствъ принимаютъ лицемѣрно, неправо перетолковывая ихъ смыслъ, какъ, на примѣръ, причащеніе и елеосвященіе, а другія таинства, какъ бракъ, совѣмъ отвергаютъ; изъясняютъ священное Писаніе, особенно святое Евангеліе, самочинно, иносказательно, превратно, по своему мудрованію, и для оправданія своихъ лжеученій, а не по разуму святыхъ

отецъ и не по руководству святой православной церкви; дерзають хулить церковное священноначаліе, не желаютъ вести своихъ бесѣдъ съ православными въ присутствіи и подъ руководствомъ пастырей, и притомъ сами принимаютъ на себя право и власть совершать священническія дѣйствія, именно: учить, благословлять, раздавать елей и т. п.

«Устраиваютъ самочинныя сборища для прельщенія православныхъ, вопреки многократнымъ предупрежденіямъ и увѣщаніямъ церковной власти.

«Наконецъ, они презрѣли особливья, нарочитыя и неоднократныя увѣщанія и просьбы лицъ, по опредѣленію Святѣйшаго Синода, посылаемыхъ къ нимъ отъ архипастыря церкви московской, ожидавшаго ихъ обращенія и покаянія.

«Посему нашъ архипастырь, высокопреосвященнѣйшій Владиміръ, митрополитъ Московскій и Коломенскій, по опредѣленію Святѣйшаго Синода, по долгу архипастырскому и данною ему отъ Господа властію извергаетъ Ивана Колоскова и Дмитрія Григорьева изъ общества православно-вѣрующихъ и отлучаетъ отъ Церкви Христовой, какъ непотребныхъ и вредныхъ ея членовъ. Отнынѣ Иванъ Колосковъ и Дмитрій Григорьевъ лишаются Божія благословенія и всѣхъ даровъ Божіихъ, кровію Спасителя и Господа нашего Іисуса Христа намъ приобрѣтенныхъ, и будутъ непричастны имъ, пока не принесутъ искренняго раскаянія въ своихъ нечестивыхъ мудрованіяхъ и самочинныхъ сборищахъ, и тогда снова будутъ воспріаты въ лоно святой православной Церкви Христовой.

«Отнынѣ Иванъ Колосковъ и Дмитрій Григорьевъ не могутъ приступать къ принятію святыхъ и страшныхъ тайнъ Христовыхъ, не могутъ пользоваться и всѣми другими таинствами церкви. Отнынѣ они не могутъ и входить въ церковь Божію, и къ нимъ въ домъ не можетъ входить священникъ для молитвы и благодатнаго освященія, и съ ними православные міряне да не дерзають имѣть какое-либо общеніе вѣры и молитвы; ибо свято и неизмѣнно

слово Господа нашего Іисуса Христа: если Церкви не послушаетъ братъ твой, то будетъ онъ тебѣ, какъ язычникъ и мытарь, живо и дѣйственно правило святыхъ апостоловъ: если кто съ отлученнымъ отъ общенія церковнаго помолится, хотя бы то было въ домѣ, таковой да будетъ отлученъ.

«Возвѣщая о семъ православнымъ христіанамъ отъ лица матери-церкви, глубоко скорбящей объ отпадшихъ отъ единенія съ нею, архипастырь нашъ во исполненіе заповѣди апостольской: «кто благовѣствуетъ вамъ не то что вы приняли, да будетъ анафема»—провозглашаетъ нераскаяннымъ отступникамъ отъ церкви, отринувшимъ ея Божественное благовѣстіе и соблазняющимъ православныхъ христіанъ своею нечестивою ересью,—такъ называемымъ «братцамъ» Ивану Колоскову и Дмитрію Григорьеву: «анафема».

Мы сочли необходимымъ привести здѣсь полностью этотъ замѣчательный документъ, въ виду того несомнѣннаго интереса, который онъ представляетъ во многихъ отношеніяхъ. Въ немъ, между прочимъ, впервые приводится опредѣленно мотивированное обвиненіе противъ «братцевъ». Оказывается, что вина «братцевъ» Колоскова и Григорьева, за которую они подверглись отлученію и анафемѣ, состоитъ во первыхъ въ «уклоненіи въ пагубную ересь, подобную хлыстовской» и во-вторыхъ—въ распространеніи этой ереси. «Братцы» признаются «нечестивцами», «серетиками» и «богохульниками», отвергающими таинства и отбивающими православныхъ отъ церкви.

Далѣе, въ одной изъ слѣдующихъ главъ, мы подробно рассмотримъ эти обвиненія по существу, а теперь пока приведемъ со словъ московскихъ газетъ описаніе самаго акта отлученія отъ церкви «братцевъ» и преданія ихъ анафемѣ, а также сообщимъ о томъ впечатлѣніи, которое произвелъ этотъ актъ на публику вообще и въ частности—на трезвенниковъ.

XIV.

Торжество православія и результаты отлученія.

«Торжествомъ православія» или «недѣлей православія», какъ извѣстно, называется у насъ первое воскресенье послѣ первой недѣли великаго поста. Въ этотъ день Церковь выражаетъ радость по поводу распространенія и свободы православнаго вѣроисповѣданія и въ то же время торжественно провозглашается «анафема» врагамъ Церкви.

Обыкновенно анафема провозглашается протодіакономъ, одареннымъ громъподобнымъ басомъ. Вслѣдъ за нимъ раздается «зловѣще-заунывный хоръ», который составляется на этотъ разъ не изъ обыкновенныхъ пѣвчихъ клироса, а изъ самихъ священно-служащихъ— «архіереевъ, протоіереевъ, іереевъ и діаконовъ.» Хоръ этотъ трижды поетъ: «анафема», вселяя невольное уныніе въ сердца молящихся и возбуждая тяжелыя чувства во всѣхъ, знакомыхъ съ истиннымъ характеромъ ученія Христа *).

Обрядъ анафематствованія «братцевъ» былъ совершенъ 7 марта 1910 года одновременно въ Успенскомъ соборѣ и въ двухъ московскихъ храмахъ, въ приходахъ которыхъ проживали отлученные Колосковъ и Григорьевъ, а именно: въ церкви св. Николая, у Покровскаго моста, и въ Благовѣщенской церкви, въ Петровскомъ паркѣ. Наиболѣе по-

*) Подробнѣе объ этомъ см. статью г. Н. Огнева: „Недѣля православія въ Москвѣ“. „Рѣчь“, 1910 г. № 66.

дробное и объективное описаніе торжественнаго провозглашенія анафемы «братцамъ» мы находимъ въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ», которыя посвятили этому описанію особую статью подъ заглавіемъ: «Торжество православія.» Изъ этой статьи мы и заимствуемъ приводимыя далѣе свѣдѣнія.

Въ день отлученія «въ Покровской церкви за ранней обѣдной братецъ Иванъ (Колосковъ) усердно молился. Когда онъ послѣ службы вышелъ на паперть, его окружила толпа народа. Братецъ торжественно благословилъ народъ и прослѣдовалъ въ свой домъ. Чинъ отлученія отъ церкви прослѣдовалъ послѣ торжественнаго архіерейскаго служенія за поздней литургіей. Еще съ утра сюда потянуль народъ, и скоро церковь была переполнена. Къ началу богослуженія народъ густымъ кольцомъ обложилъ церковь и снаружи. Усиленные наряды полиціи съ трудомъ сдерживали напоръ толпы. Полиція рядами расположилась и внутри церкви.

«Литургію служилъ епископъ Василій. По окончаніи литургіи епископъ произнесъ поученіе, въ которомъ разъяснялъ причины и значеніе отлученія отъ церкви еретиковъ. Вслѣдъ затѣмъ по церкви пронесся могучій басъ дьякона. Провозглашенная имъ «анафема» была подхвачена голосами священнослужителей, а затѣмъ печально-заунывно понеслись звуки хора. По храму прошло дуновение вздоховъ и всхлипываній. Общее подавленное настроеніе нѣсколько просвѣтлѣло во время послѣдовавшего затѣмъ молебствія «о вразумленіи заблудшихъ». Кончилось служеніе, и народъ густой толпой повалилъ изъ церкви. Кругомъ слышатся разговоры, свидѣтельствующіе о томъ, что отлученіе «братцевъ» не нашло себѣ сочувственнаго отклика.»

Да, видимо сочувствіе народной массы было не на сторонѣ тѣхъ, кто прибѣгалъ къ проклятію «братцевъ» и провозглашалъ имъ анафему. Дальнѣйшія событія, какъ мы увидимъ, вполне подтвердили этотъ выводъ.

«Въ церкви Благовѣщенія, что въ Петровскомъ паркѣ, ч нъ отлученія отъ церкви братцевъ Ивана Колоскова и

Дмитрія Григорьева былъ совершенно послѣ поздней литургии, которую служилъ епископъ серпуховской Анастасій. Провозглашенію анафемы предшествовало нѣсколько словъ епископа Анастасія, смыслъ которыхъ заключался въ томъ, что православную церковь неоднократно одолѣвали ереси, но изъ всѣхъ затрудненій и сомнѣній она выходила еще болѣе окрѣпшей. Затѣмъ было сообщено о постановленіи митрополита Владиміра объ отлученіи отъ церкви братцевъ, какое постановленіе «находится въ согласіи со святѣйшимъ синодомъ, а чрезъ него и со всей русской церковью».

«По прочтеніи соотвѣтствующаго указа Синода и провозглашенія анафемы, епископъ Анастасій произнесъ небольшое поученіе, въ которомъ предостерегалъ вѣрующихъ отъ общенія съ отлученными, выразилъ скорбь объ отпавшихъ и надежду, что они раскаются и возвратятся въ лоно православной церкви, предложивъ вѣрующимъ «всѣми способами, а нарочито святой молитвой» содѣйствовать возвращенію отпавшихъ. Во время провозглашенія анафемы многіе, преимущественно женщины, плакали. Церковь была полна народомъ, который сдерживался усиленнымъ нарядомъ полиціи».

Еще болѣе торжественно было обставлено провозглашеніе «анафемы» въ Кремлѣ, въ Успенскомъ соборѣ. Уже съ ранняго утра со всѣхъ сторонъ длинными вереницами потянулся народъ въ Кремль — все больше чуйки, поддевки, потертыя пальто. У воротъ отъ рѣки Москвы скопился цѣлый потокъ людей; всѣ становятся въ пары и длинной извилистой лентой направляются вокругъ храмовъ въ Успенскій соборъ.

«Двигутся чинно и хмуро, точно на картинѣ страшнаго суда. Въ началѣ 8-го часа храмъ уже не вмѣщалъ желающихъ проникнуть въ него на «торжество православія».

«Утреннее богослуженіе шло обычно. Но въ настроеніи молящихся чувствовалась какая-то напряженность. Соб-

ственно не молились, а ждали... Тѣсно спаявшейся толпой руки связывались. Отъ усилія высвободить ихъ расходились волны по толпѣ. Обо всемъ освѣдомленные люди изъ толпы рассказывали о здоровьи митрополита, о голосахъ протодьяконовъ, о «чудакахъ-братцахъ», которыхъ не любятъ трактирщики, потому что отъ нихъ заведенію никакого дохода: одни разговоры да пѣніе». Строгіе взгляды и неодобрительное шипѣніе угрюмыхъ людей заставляють собесѣдниковъ смолкнуть. Да и не до разговоровъ. Всѣ ждутъ необычной службы. Окончилась утренняя. Люди въ красномъ полѣзли зажигать люстру... Народъ усиленно откашливался, какъ будто собирался тысячеустной толпой произнести свое авторитетное мнѣніе. Протоіерей В. прочиталъ обвинительный актъ анафемствуемыхъ, перечисляя ихъ грѣхи».

Онъ закончилъ это чтеніе провозглашеніемъ анафемы. «Толпа стихла. Протодіаконъ до задушевности грустно просилъ у владыки благословенія къ совершенію «послѣдованія въ недѣлю Православія». Началось монотонное чтеніе и пѣніе, какъ будто нарочно длинное для того, чтобы утомить напряженное вниманіе въ ожиданіи главнаго. Народъ внималъ. Только служители алтаря, стоящіе на возвышеніи и двумя рядами тянущіеся къ алтарю, въ митрахъ, камилавкахъ, черныхъ клобукахъ и простоволосые, но всѣ въ золотыхъ одѣянїяхъ, спокойно смотрѣли другъ на друга или въ книги.

«Волновался и жилъ больше всѣхъ протодіаконъ. Почтительно разступилась полиція, погнулась по всей линіи толпа, когда онъ твердо взошелъ на царившее надъ помостомъ возвышеніе съ аналоемъ.

— «Кто Богъ велій, яко Богъ нашъ»...— трижды не то угрожалъ, не то спрашивалъ могучій басъ протодіакона...

«Могуче полились слова православнаго исповѣданія и торжественно прозвучало непонятное, а потому гипнотически дѣйствующее на толпу слово: «Анафема.» Всѣ ожи-

дали этого слова, но, можетъ быть, поэтому-то на всѣхъ оно и произвело такое сильное впечатлѣніе. Толпа какъ-то безвучно зашумѣла, точно стая осторожно поднявшихся птицъ.

«У моего сосѣда задергались жилки на лицѣ. Но еще неожиданнѣе было впечатлѣніе отъ звуковъ, вылетавшихъ изъ устъ лицъ въ камилавкахъ. Заунывно, скрипуче прозвучала «анафема» старческихъ голосовъ. Но молодой, могучій басъ снова огласилъ мрачные своды храма анафемой...

«Анафема овладѣла всѣми, но особенно сильное движеніе,—точно осенній шелестъ деревьевъ—произвело въ толпѣ анафематствованіе такъ называемыхъ «братцевъ» Ивана Колоскова и Дмитрія Григорьева...

«Народъ расходился... Избѣгали глядѣть другъ другу въ глаза, и что-то ужъ очень усиленно говорили о голосѣ протодіакона» *).

Таковъ рассказъ очевидца,—посторонняго и быть можетъ случайнаго посѣтителя. О впечатлѣніяхъ, которыя вынесли отъ этой «анафемы» многочисленные поклонники и поклонницы «братцевъ», хорошо знакомые съ ихъ ученіемъ, съ ихъ религіозными взглядами,—не трудно, конечно, догадаться. Торжественное проклятiе «братцевъ» отнюдь не уронило ихъ въ глазахъ трезвенниковъ, не заставило отказаться отъ тѣхъ идей, которыя они восприняли отъ нихъ.

Уже въ самый день отлученія трезвенники, по обыкновенію, собрались у своихъ «братцевъ», горячо привѣтствовали ихъ и съ жаднымъ вниманіемъ и увлеченіемъ слушали ихъ поученія,—глубоко взволнованные и наэлектризованные. Когда кто-то изъ присутствовавшихъ на собраніи вздумалъ было вызвать «брата Іоанна» на разговоръ объ отлученіи его отъ церкви, братецъ рѣшительно заявилъ:

*) „Торжество православія“. „Русскія Вѣдомости“, 1910 г. № 55.

— «Я ничего не слышалъ и, можетъ быть, не услышу»...

«Послѣ поученія, по приглашенію брата Иванушки (Колоскова) поется многолѣтіе Царствующему Дому, синоду, митрополиту Владиміру, «военачальникамъ и градоначальникамъ», «священнослужителямъ и миссіонерамъ». Такимъ образомъ на проклятiе и анафему брата и трезвенники отвѣтили молитвами. Это произвело большое и сильное впечатлѣніе въ народѣ.

Кто-то изъ толпы, бывшей на собраніи, предлагаетъ спѣть многолѣтіе самому братцу Иванушкѣ. Братецъ круто обрываетъ:— «Я не достоинъ!...»

Мы не будемъ говорить здѣсь о тѣхъ чувствахъ и настроеніяхъ, какія вызвало отлученіе братцевъ отъ церкви въ широкихъ кругахъ народа и общества. Объ этомъ до извѣстной степени можно судить по отзывамъ нашей печати, по газетамъ и журналамъ. Единственный органъ печати, корорый съ одобреніемъ и даже съ ликованіемъ встрѣтилъ эту «анафему»—былъ органъ г. Скворцова. Всѣ остальные газеты и журналы отнеслись къ этой мѣрѣ или съ явнымъ недоумѣніемъ или-же съ болѣе или менѣе рѣзкимъ порицаніемъ. Вотъ, напримѣръ, что писалъ по этому поводу старообрядческой журналъ «Церковь».

«За что-же собственно провозглашена анафема?—спрашиваетъ «Церковь.»—Формула (отлученія) говоритъ общими мѣстами о «пагубной хлыстовской ереси», о толкованіи Священнаго Писанія, объ извращеніи церковныхъ таинствъ. Но въ чемъ именно проявилось это нечестіе, изъ этой формулы не видно. Нетрудно догадаться, что «братцы» прокляты просто за опасную конкуренцію духовенству. Но любопытнѣе всего, что анафема провозглашается и тѣмъ, кто будетъ имѣть общеніе въ вѣрѣ и молитвѣ съ отлученными. Подумали-ли провозглашатели анафемы, кого они предали проклятiю? Самихъ себя, всю господствующую церковь, всю ея іерархію. Подняли мечъ на «братцевъ», а ранили себя. «Братцевъ», конечно, не устрасила эта безсмы-

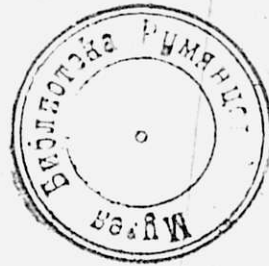
сленная анафема. За ними идутъ тысячи народа, который не замедлитъ окончательно порвать съ іерархіей, богатой анафемами и проклятіями.» *)

Такъ говоритъ органъ, стоящій ближе другихъ къ тѣмъ слоямъ народной массы, изъ среды которыхъ выходитъ наибольшее число послѣдователей «братцевъ».

Такимъ образомъ расчеты миссіонеровъ не оправдались: анафема не только не оттолкнула трезвенниковъ отъ «братцевъ», а наоборотъ, она заставила ихъ еще тѣснѣе, еще дружнѣе сплотиться вокругъ своихъ наставниковъ. И когда передъ ними встала дилема: или церковь или «братцы» — большинство изъ нихъ не колебалось въ выборѣ. Вслѣдствіе этого мы видимъ, что послѣ провозглашенія анафемы число послѣдователей «братцевъ» не только не уменьшилось, а наоборотъ замѣтно возросло.

*) „Церковь“, 1911 года № 11.

XV.

Разгромъ.

Потерпѣвъ фіаско съ анафемой, на которую возлагались такія радужныя надежды, московскія духовныя власти начали изыскивать иныя, болѣе дѣйствительныя средства въ борьбѣ съ «братцами» и ихъ многочисленными послѣдователями. Подъ вліяніемъ настояній миссіонера Айвазова рѣшено было возбудить противъ «братцевъ» судебное преслѣдованіе въ принадлежности ихъ къ «изувѣрной и безнравственной сектѣ хлыстовъ».

Но такъ какъ для суда прежде всего необходимы, конечно, точные факты и доказательства, которые подтверждали бы возбужденное обвиненіе, то поэтому г. Айвазовъ приступилъ къ добыванію этихъ доказательствъ. Съ этой цѣлью пускаются въ ходъ выслѣживанія и подсматриванія, шпіонство и доносы и наконецъ обыски.

Особенной строгостью отличались обыски, произведенные у братцевъ Колоскова и Григорьева въ ночь подъ праздникъ Троицы, спустя три мѣсяца послѣ отлученія ихъ отъ церкви. Обыски производились полицейскими чинами, въ присутствіи представителей судебного вѣдомства: товарища прокурора окружнаго суда г. Соколовскаго и старшаго кандидата на судебныя должности г. Тихомирова, при участіи начальника сыскаго отдѣленія г. Кошко, мѣстныхъ участковыхъ приставовъ и т. д.

Но главное, наиболѣе активное и горячее участіе въ этихъ обыскахъ принималъ московскій епархіальный миссіонеръ г. Айвазовъ.

Объ обыскѣ у братца Колоскова московская газета «Утро Россіи» рассказываетъ такъ: «Перерыли все... Тщательно осмотрѣли комоды, сундуки, кровати... Перелистали всѣ книги, молитвенники.

«И тутъ, во время обыска особенно горячился неизвѣстный господинъ. Самъ онъ повсюду лазилъ, все лично осматривалъ, копался въ вещахъ, проявляя ревностное усердіе. Когда братецъ Іоаннъ всмотрѣлся въ послѣдняго, то узналъ въ немъ миссіонера Айвазова. Тогда братецъ потребовалъ объясненія,—на какомъ основаніи Айвазовъ явился къ нему на квартиру. Ему показали бумагу, разрѣшающую миссіонеру принимать участіе въ обыскѣ. Прочитавъ ее, глава трезвенниковъ замѣтилъ, обращаясь къ присутствующимъ:

— Что-жъ, видно миссіонеръ Айвазовъ годится въ сыщики.

«А присутствующіе обитатели квартиры иронически сопровождали каждый шагъ миссіонера замѣчаніемъ: «Ну и апостоль!»

«Главнымъ образомъ, вниманіе обыскивающихъ было направлено на бѣлье. Искали бѣлья длинныя одѣянія, въ которыя облачаются обыкновенно участвующіе въ хлыстовскихъ радѣніяхъ. Весь обыскъ, какъ оказалось потомъ, и былъ вызванъ предположеніями миссіонеровъ, что имъ удастся захватить у трезвенниковъ хлыстовскія непотребства и оргію, какія происходятъ (?) у хлыстовъ въ ночь подъ Троицу.

«Но этотъ расчетъ оказался ошибочнымъ. Среди всего разсмотрѣннаго бѣлья, «преступныхъ» хлыстовскихъ балахоновъ не оказалось. Миссіонеръ Айвазовъ схватилъ было одну рубаху съ возгласомъ «вотъ она, вотъ она!», но присутствующіе тутъ же трезвенники, примѣривъ на себѣ сверху рубаху, убѣдили представителей власти, что это самага обыкновеннаго покроя рубаха, безъ какихъ бы то ни было подозрительныхъ признаковъ спеціальнаго сектантскаго одѣянія.

Портретъ московскаго братца Ив. Колоскова.

«Затѣмъ было осмотрѣно помѣщеніе для собраній. Миссіонера Айвазова заинтересовалъ вопросъ, почему между портретами митрополита Владиміра и Іоанна Кронштадскаго виситъ изображеніе библейской героини Юдифи.

«Около 4 часовъ утра закончился обыскъ. Власти и полиція оставили домъ Майкова. Но резиденція трезвенниковъ еще долго не могла успокоиться. Къ утру, узнавъ объ обыскѣ, сюда со всѣхъ сторонъ стали стекаться трезвенники. Шумные разговоры, полные возмущенія и негодованія, вертѣлись главнымъ образомъ вокругъ миссіонера Айвазова, инициативѣ котораго трезвенники приписываютъ весь этотъ обыскъ».

Одновременно происходилъ обыскъ и въ квартирѣ братца Дмитрія Григорьева. Несмотря на то, что здѣсь точно также рѣшительно все было перерыто, тѣмъ не менѣе однако полиція принуждена была констатировать, что «ничего преступнаго не найдено», никакихъ признаковъ хлыстовства и хлыстовскихъ радѣній не обнаружено.

Такой результатъ обысковъ, какъ сообщали тогда газеты, немало смутилъ г. Айвазова и онъ вслухъ выражалъ свое удивленіе, что ему не удалось найти у братцевъ того, что онъ разсчитывалъ найти. Однако эта неудача не обезкуражила его и не заставила отказаться отъ желанія во что-бы то ни стало доказать принадлежность «братцевъ» къ хлыстовской сектѣ.

Проходитъ нѣсколько мѣсяцевъ и надъ головой «братцевъ» снова разражается гроза.

Въ ночь подъ воскресенье, 27 марта 1911 года, по улицамъ Москвы, направляясь въ разныя стороны, двигались два огромныхъ наряда полиціи. Одинъ изъ нихъ направлялся къ Хапиловкѣ, а другой—въ Петровскій паркъ. На Хапиловкѣ, въ домѣ Майкова, жилъ «братецъ» Іоаннъ Колосковъ, а въ Петровскомъ паркѣ, въ домѣ Комарова,— «братецъ» Дмитрій Григорьевъ.

Ровно въ два часа ночи огромный нарядъ полиціи со

всѣхъ сторонъ оцѣпилъ домъ Майкова, въ которомъ жилъ Колосковъ, а также его ближайшіе послѣдователи, занимавшіе особья квартиры. Всего въ этомъ домѣ жило около 60 трезвенниковъ.

Нарядъ полиціи состоялъ изъ 150 городскихъ и конныхъ стражниковъ, имѣя во главѣ помощника градоначальника полковника Модля и начальника сыскной полиціи г. Кошко. Осада дома, въ которомъ жилъ братецъ со своими послѣдователями, была произведена по всѣмъ правиламъ полицейскаго искусства. Часть полицейскихъ прежде всего заняла всѣ входы и выходы. Другая часть расположилась около оконъ дома. И наконецъ третьи поднялись по лѣстницѣ, во второй этажъ и постучались въ дверь квартиры братца. Но они не желали ждать, пока имъ откроютъ дверь, а предпочли выломать ее, чтобы тотчасъ же проникнуть въ спальню Колоскова. Послѣдній лежалъ въ постели раздѣтымъ.

Затѣмъ полицейскіе направились въ комнату, гдѣ спали три дѣвушки, завѣдующія хозяйствомъ братца: Прасковья Михалева, Анна Ключева и Екатерина Дѣвкина. Имъ было приказано встать и одѣться.

Тотчасъ-же начался тщательный обыскъ въ квартирѣ Колоскова, а также въ квартирѣ жившаго въ томъ-же домѣ ближайшаго послѣдователя братца и его главнаго сподвижника Григорія Михалева. При этомъ были отобраны всѣ письма, карточки и книги.

Колосковъ, Михалевъ и названныя нами три дѣвушки были арестованы и въ «темной каретѣ» отвезены въ историческую Бутырскую тюрьму. Тамъ они и сидятъ до сихъ поръ въ одиночномъ заключеніи.

Въ то же самое время точно такія же сцены разыгрывались въ домѣ, въ которомъ жилъ братецъ Дмитрій Григорьевъ. Къ нему также нагрянулъ огромный нарядъ полиціи, оцѣпилъ домъ, ворвался въ квартиру и произвелъ строжайшій обыскъ. Здѣсь полицейскіе особенно настойчи-

во допытывались, гдѣ спрятаны хлыстовскіе халаты и рубахи. Въ поискахъ за этими халатами полицейскіе рылись въ печкѣ, въ трубѣ, на чердакѣ и т. д. *).

Но увя, ни хлыстовскихъ халатовъ, ни хлыстовскихъ рубахъ снова не оказалось и потому полиція принуждена была удовольствоваться отобраніемъ писемъ, фотографическихъ карточекъ и книгъ, до Библии и Евангелія включительно. Послѣ обыска, братецъ Григорьевъ былъ арестованъ и также увезенъ въ Бутырскую тюрьму.

Арестъ «братцевъ» произвелъ потрясающее впечатлѣніе на всѣхъ ихъ послѣдователей и поклонниковъ. Они рѣшили немедленно-же начать хлопоты объ освобожденіи своихъ руководителей и проповѣдниковъ. На другой же день послѣ ареста «братцевъ», московскіе трезвенники огромной толпой явились на Тверской бульваръ и выстроились передъ зданіемъ градоначальства. Здѣсь они выбрали изъ своей среды особую депутацію, которая и была принята помощникомъ градоначальника полковникомъ Модль.

Послѣдній сообщилъ депутаціи, что по дѣлу ареста братцевъ онъ ничего сказать имъ не можетъ, такъ какъ арестъ этотъ произведенъ по распоряженію судебного слѣдователя по особо важнымъ дѣламъ А. В. Коренкова, къ которому онъ и рекомендовалъ имъ обратиться. Разумѣется, трезвенники тотчасъ же направились къ слѣдователю г. Коренкову, который объявилъ имъ, что «арестъ братцевъ произведенъ вслѣдствіе поступившихъ къ нему донесеній и въ виду необходимости отобрать отъ братцевъ показанія». Конечно, этотъ отвѣтъ не могъ удовлетворить трезвенниковъ и потому они рѣшили отправить особую депутацію въ Петербургъ, чтобы хлопотать объ освобожденіи «братцевъ».

Однако и до сихъ поръ всѣ эти хлопоты не привели ни къ чему: «братцы» и ихъ ближайшіе послѣдователи и послѣдовательницы, арестованные 27 марта 1911 года, и до

*) «Газета для всѣхъ», 1911 г. № 73. Статья Ив. Трегубова.

сихъ поръ продолжаютъ томиться въ тюрьмѣ,—къ великому горю всѣхъ трезвенниковъ.

Но если эти аресты причинили массу горя и страданій многочисленнымъ послѣдователямъ «братцевъ», — зато они привели въ восторгъ редактора «Колокола» г. Сковцова, который горячо привѣтствовалъ эти аресты въ своемъ органѣ и въ то же время разсыпался въ похвалахъ миссіонеру Айвазову за проявленные имъ въ этомъ дѣлѣ таланты и энергію. Вотъ что писалъ г. Сковцовъ подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ московскихъ арестовъ.

«Говоря о громкомъ дѣлѣ московскихъ «братцевъ», справедливость требуетъ отмѣтить, что все это громкое дѣло, тяжкое по окружающимъ обстоятельствамъ, по затраченной энергіи и египетскому труду, всецѣло вынесено на плечахъ московскаго талантливаго миссіонера И. Е. Айвазова. Онъ первый въ своемъ богатомъ докладѣ еще въ февралѣ прошлаго года раскрылъ предъ св. синодомъ всю гибельность ученія «братцевъ», призналъ ихъ хлыстами и доказалъ это тщательно собранными фактическими данными и вещественными доказательствами. При этомъ нельзя умолчать, что во всей миссіонерской борьбѣ съ «братцами» И. Е. Айвазовъ натолкнулся на огромныя препятствія, тренія, поставленныя ему изъ разныхъ вліятельныхъ сферъ, въ томъ числѣ и изъ думскихъ.

«Первый актъ борьбы съ волками въ овечьей шкурѣ, съ «братцами»—въ сферѣ церковной, не смотря на всякія тренія, закончился торжествомъ православія, отлученіемъ «братцевъ» отъ церкви, т.-е. очищеніемъ лика св. Церкви отъ гнусной сектантской заразы.

«Теперь начался второй актъ той же борьбы, но уже въ сферѣ судебной. Судебный арестъ является важнымъ доказательствомъ принадлежности «братцевъ» къ гнусной сектѣ. Для миссіи важно не обвиненіе, или преслѣдованіе «братцевъ», а фактъ подтвержденія результатами судебного слѣдствія, состоявшагося еще въ февралѣ прошлаго года

рѣшенія церковной власти въ Москвѣ о принадлежности «братцевъ» къ безнравственной сектѣ хлыстовъ»^{*)}).

Обвиненія «братцевъ» въ безнравственности вызвали рѣзкіе протесты со стороны ихъ послѣдователей, а также со стороны лицъ, близко стоящихъ съ нимъ. Такъ, напримѣръ, И. М. Трегубовъ по поводу этихъ обвиненій выступилъ въ печати съ слѣдующимъ заявленіемъ: «Съ своей стороны, наблюдая трезвенниковъ, какъ московскихъ, такъ и особенно петербургскихъ, вотъ уже второй годъ и находясь съ ними въ постоянномъ общеніи, я считаю своимъ долгомъ заявить, что миссіонерское обвиненіе «братцевъ» въ принадлежности къ «гнусной, развратной сектѣ» есть вопіющая ложь и гнусная клевета, такъ какъ они сами и ихъ послѣдователи ведутъ такую высоко-нравственную жизнь, что дай Богъ такъ жить и всѣмъ намъ»^{**}).

Однако московскіе «братцы» и ихъ ближайшіе послѣдователи, въ родѣ Михалева и его дочери, и до сихъ поръ содержатся въ тюрьмѣ. Этотъ фактъ какъ бы говоритъ за то, что г. Айвазову дѣйствительно удалось убѣдить московскія судебныя власти въ принадлежности «братцевъ» къ изуверной, безнравственной сектѣ.

Но если это такъ, то почему же медлитъ судъ «скорый и правый»? Вѣдь со времени ареста «братцевъ» прошелъ уже почти цѣлый годъ. Неужели этого срока было недостаточно для того, чтобы всесторонне выяснить это дѣло, чтобы пролить надлежащій свѣтъ на дѣятельность «братцевъ»?

Русское общество желаетъ знать: кто же наконецъ правъ—господинъ Айвазовъ или тѣ тысячи людей, которые вѣрятъ въ московскихъ братцевъ и идутъ за ними?

^{*)} Газета «Колоколь» отъ 29 марта 1911 года.

^{**}) «Правда и ложь о московскихъ трезвенникахъ». И. Трегубова «Газета для всѣхъ», 1911 г. № 73.

„Изувѣрныя“ и „безнравственныя“ секты.

До свободы совѣсти намъ разумѣется «какъ до звѣзды небесной далеко». Теперь пока объ этомъ можно только мечтать. Что касается свободы вѣроисповѣданія, то и тутъ дѣло обстоитъ весьма печально, ибо многочисленныя и вліятельныя враги этой свободы дѣлаютъ съ своей стороны все, чтобы по возможности свести на нѣтъ всѣ пріобрѣтенія, сдѣланныя въ этой области въ періодъ послѣдняго общественнаго движенія. Судите сами.

Въ прежнее время духовныя и свѣтскія власти дѣлили всѣ наши секты на двѣ главныя группы: менѣе вредныя и особенно вредныя, причемъ первыя кой-какъ еще терпѣлись, зато вторыя подвергались постояннымъ и ожесточеннымъ преслѣдованіямъ. Безъ преувеличенія можно сказать, что послѣдователи сектъ, признанныхъ «особенно-вредными», стояли у насъ прямо внѣ закона.

Духовенство, синодъ и миссіонеры обыкновенно употребляли всѣ усилія для того, чтобы въ разрядъ «особенно вредныхъ» зачислить возможно большее количество сектъ. Какъ только какая нибудь секта начинала обращать на себя вниманіе своимъ быстрымъ распространеніемъ или-же какими нибудь выступленіями—немедленно-же миссіонеры открывали ожесточенный походъ противъ этой секты, начинали усиленно бить въ набатъ, послѣдствіемъ чего обыкновенно являлось опредѣленіе св. синода о зачисленіи этой секты въ разрядъ «особенно вредныхъ».

Дочь Михалева. («Богородица»—по словамъ миссіонеровъ).

Такъ въ свое время было съ сектой бѣгуновъ или странниковъ, такъ было со штундой, такъ было съ иеговистами или «деснымъ братствомъ» и т. д.

Эту-же самую политику духовныя власти и особенно наши миссіонеры всячески стараются возстановить и сейчасъ, ни мало не стѣснясь законами 17 апрѣля и 17 октября 1905 года. Для этой цѣли они воспользовались той оговоркой, которая имѣется въ новыхъ законахъ относительно ученій изувѣрныхъ и явно безнравственныхъ.

Теперь духовныя власти употребляютъ съ своей стороны всѣ усилія для того, чтобы возможно большее число сектъ было признано «изувѣрными и безнравственными.» И эти усилія, эти старанія начинаютъ приносить плоды: число «изувѣрныхъ и явно безнравственныхъ» сектъ начинаетъ постепенно расти и увеличиваться.

Такъ, на примѣръ, къ этому разряду сектъ въ концѣ прошлаго 1910 года отнесенъ «новый израиль»—секта, насчитывающая десятки тысячъ послѣдователей. Затѣмъ миссіонерскіе съѣзды зачислили въ разрядъ «изувѣрныхъ и безнравственныхъ» сектъ извѣстную секту іоаннитовъ.

Теперь православные миссіонеры, вдохновляемые «Колоколомъ», употребляютъ всевозможныя усилія для того, чтобы доказать «безнравственный и изувѣрный» характеръ руководителей—«братцевъ»—и участниковъ—«трезвенниковъ»—того религіозно-этического движенія, которое совершается въ низахъ петербургскаго и московскаго населенія.

Московскія духовныя власти, какъ мы видѣли, уже объявили «братцевъ» и ихъ приверженцевъ хлыстами, послѣдователями изувѣрной и безнравственной секты, «самая принадлежность къ которой наказуема въ уголовномъ порядкѣ». Чѣмъ разрѣшится это «дѣло», суждено-ли будетъ дойти ему до суда, какой оборотъ приметъ оно на судѣ,—все это теперь, конечно, не извѣстно, но пока что, а «братцы» и ихъ ближайшіе послѣдователи и послѣдовательницы продолжаютъ сидѣть въ тюрьмѣ, за желѣзными рѣшотками, какъ тяжкіе уголовные преступники.

Такимъ образомъ, несмотря на наше «обновленіе», несмотря на конституцію и парламентъ, предъ нами воскресаетъ во всей своей неприкосновенности старая-престарая, практиковавшаяся еще во времена Николая Павловича, система: какъ въ доброе старое время духовенство всячески старалось каждую секту зачислить въ разрядъ «особенно вредныхъ», чтобы тѣмъ самымъ поставить ее внѣ закона, такъ и теперь оно употребляетъ всѣ усилія для того, чтобы возможно большее число сектъ объявить «изувѣрными и безнравственными».

А какъ далеко можно пойти по этому пути, ясно, конечно, для cadaго, особенно имѣя въ виду, что экспертами для опредѣленія степени «нравственности» или «безнравственности» религіознаго ученія являются такіе специалисты этики, такіе авторитеты въ области морали, какъ г. Скворцовъ съ одной стороны и отецъ протоіерей Восторговъ—съ другой.

Къ тому-же и гражданскія власти, главнымъ образомъ въ лицѣ министерства внутреннихъ дѣлъ, нерѣдко обнаруживаютъ полную готовность итти въ этихъ случаяхъ на встрѣчу желаніямъ духовенства. Такъ, въ концѣ лѣта прошлаго 1910 года, министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, подъ явнымъ вліяніемъ духовенства, былъ изданъ циркуляръ о признаніи «новаго израиля» «изувѣрной и безнравственной» сектой. Циркуляръ этотъ послужилъ для мѣстныхъ властей сигналомъ для возбужденія суровыхъ преслѣдованій противъ многочисленныхъ послѣдователей этой секты.

Въ виду этого невольно напрашивается вопросъ: какія-же основанія имѣлъ г. министръ внутреннихъ дѣлъ объявить секту новаго израиля «изувѣрной и безнравственной»? Какими данными, какими доказательствами пользовался онъ, признавая эту секту «вредной» и лишая ея послѣдователей всѣхъ правъ, какими они пользовались въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, согласно закона 17 октября 1905 года?

Что-то совсѣмъ не было слышно о томъ, чтобы министерство внутреннихъ дѣлъ производило какія нибудь изслѣдованія, имѣющія цѣлью выяснить истинный характеръ этой секты, сравнительно еще новой, молодой и почти совершенно необслѣдованной.

А между тѣмъ подобныя изслѣдованія считались правительствомъ необходимыми даже въ дореформенную эпоху, въ «доброе старое время», когда не разъ организовывались специальныя научныя экспедиціи какъ для изслѣдованія раскола и сектантства вообще, такъ и для изученія отдѣльныхъ сектъ, которыя почему нибудь привлекали къ себѣ вниманіе властей.

Такъ, напримѣръ, при Николаѣ Павловичѣ, въ началѣ 50-хъ годовъ были произведены, чрезъ особыя «статистическія экспедиціи» подробныя изслѣдованія секты бѣгуновъ или странниковъ, послѣдователи которой были обнаружены въ то время въ цѣломъ рядѣ губерній. Къ участию въ этихъ «экспедиціяхъ» были привлечены наиболѣе способные и образованные изъ чиновниковъ министерства, а также лица, заявившія себя въ литературѣ, какъ, напримѣръ, Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ.

Но конституціонное министерство П. А. Столыпина, прежде чѣмъ установить отношеніе правительства къ новой, очень мало извѣстной сектѣ, сочло совершенно излишнимъ изслѣдовать ее и вполнѣ положилось на тѣ свѣдѣнія, которыя ему обязательно предлагались столь безпристрастными «знатоками» сектантства, какъ г. Скворцовъ съ одной стороны и о. Восторговъ—съ другой, вмѣстѣ съ союзомъ русскаго народа и палатой Михаила Архангела.*)

Между тѣмъ не подлежитъ, конечно, сомнѣнію, что вопросъ о нравственности или безнравственности того или

*) Каковы были результаты политвки П. А. Столыпина въ этой области, мы недавно подробно рассказали въ своей статьѣ: „Религіозныя гоненія при обновленномъ строѣ“, напечатанной въ августовской книжкѣ „Вѣстника Европы“ за минувшій 1911 годъ.

иного религіознаго ученія является крайне деликатнымъ и труднымъ. Поэтому при зачисленіи той или другой секты въ разрядъ «изувѣрныхъ и безнравственныхъ» необходимо соблюдать большую осторожность.

Съ своей стороны я даже готовъ утверждать, что у насъ вообще не найдется ни одной секты, которую можно было бы съ спокойной совѣстью *цѣликомъ, въ полномъ объемъ* отнести въ разрядъ «изувѣрныхъ».

Чтобы нагляднѣе доказать это, беру самый рѣзкій примѣръ. Вотъ, на примѣръ, секта скопцовъ. Повидимому, относительно изувѣрнаго характера этой секты не можетъ возникнуть никакихъ сомнѣній, никакихъ колебаній. Кажется ясно, что здѣсь передъ нами несомнѣнная наличность крайняго изувѣрства и безнравственности. Люди калѣчатъ себя и другихъ, нерѣдко дѣтей и несовершеннолѣтнихъ, калѣчатъ самымъ ужаснымъ, возмутительнымъ образомъ. Чего-же больше? Неужели и эту безобразную секту нельзя объявить завѣдомо безнравственной и изувѣрной?

Но стоитъ только подойти поближе къ этой сектѣ, приглядѣться къ ея послѣдователямъ, чтобы убѣдиться въ томъ, что они далеко не составляютъ однородной массы, объединенной однимъ и тѣмъ-же ученіемъ и что наконецъ самое ученіе это съ теченіемъ времени постепенно и замѣтно измѣняется къ лучшему.

Да, какъ ни мрачно ученіе скопцовъ само по себѣ, тѣмъ не менѣе однако и въ немъ проявляются проблески несомнѣннаго просвѣтлѣнія. И здѣсь является отпоръ буквальному толкованію священнаго писанія, и здѣсь начинаютъ все болѣе и болѣе склоняться къ мысли о необходимости понимать слово Божіе *духовно*. Скопческіе процессы 70-хъ и 80-хъ годовъ показали, что новѣйшіе и болѣе выдающіеся апостолы скопчества начинаютъ признавать взаимнѣе физическаго *духовное* оскотленіе — «обрѣзаніе сердца отъ злыхъ дѣлъ и помышленій». Нерѣдко бывали случаи,

что самые столпы этой секты отсовѣтывали своимъ неофитамъ физическое оскотленіе.

Затѣмъ изъ среды скопческой секты выдѣлилась весьма значительная часть ея послѣдователей, которые, называя себя «духовными скопцами», категорически отвергаютъ физическое оскотленіе и проповѣдуютъ обыкновенное воздержаніе отъ плотскихъ сношеній съ женщинами путемъ силы воли. Ученіе это, появившись въ началѣ во Владимірской губерніи, все сильнѣе и сильнѣе распространяется среди скопцовъ.

Такимъ образомъ одна изъ самыхъ «изувѣрныхъ» и «безнравственныхъ» сектъ мало по малу утрачиваетъ свой первоначальный характеръ, и ея ученіе постепенно сливается съ ученіемъ церкви. Въ самомъ дѣлѣ, ученіе «духовныхъ скопцовъ» ни мало не противно православію, такъ какъ «духовные скопцы», въ сущности являются тѣми-же монахами, дающими обѣтъ вѣчнаго безбрачія и воздержанія.

Такимъ образомъ одна принадлежность къ сектѣ, хотя бы даже самой изувѣрной, какой, на примѣръ, считается секта скопцовъ—сама по себѣ еще отнюдь не можетъ служить доказательствомъ виновности. Въ ученіи *духовнаго* скопца ни одинъ слѣдователь, ни одинъ прокуроръ, конечно, не отыщетъ состава преступленія.

Еще большая осторожность необходима при опредѣленіи степени изувѣрности и безнравственности такъ называемыхъ хлыстовъ, «людей Божіихъ» или «старога Израіля». Дѣло въ томъ, что хлыстовщина не представляетъ собою чего-нибудь однороднаго, а состоитъ изъ множества различныхъ развѣтвленій, изъ которыхъ каждое имѣетъ свои существенныя и отличительныя особенности.

Есть большія группы, цѣлыя отрасли, «людей Божіихъ», въ которыхъ никогда не бываетъ никакихъ радѣній, никакого «хожденія въ духъ», а слѣдовательно нѣтъ рѣшительно и ничего «изувѣрнаго» и «безнравственнаго». Затѣмъ можно

указать такія развѣтвленія хлыстовщины, въ которыхъ хотя и происходятъ радѣнія, но они не заключаютъ въ себѣ ничего экстравагантнаго, оставаясь въ рамкахъ обыкновеннаго, нормальнаго религіознаго экстаза.

Такого рода «хлысты» если чѣмъ нибудь отличаются отъ православныхъ, то только усиленной набожностью и склонностью толковать и понимать священное писаніе не въ прямомъ и буквальномъ, а въ духовномъ смыслѣ, т.-е. иносказательно. Затѣмъ необходимо имѣть въ виду, что въ «хлыстовщину» идутъ обыкновенно наиболѣе религіозные, наиболѣе вѣрующіе и набожные люди, люди жаждущіе откровеній и общеній съ Богомъ, т.-е. того, что составляетъ самую сущность религіи, какъ таковой. Понятно, что эти люди настроены самымъ возвышеннымъ образомъ.

Вообще въ основѣ стремленій «людей божіихъ» лежитъ принципъ борьбы со страстями, съ нечистыми побужденіями, стремленіе къ достиженію нравственной чистоты, по возможности совершенной чистоты сердца и тѣла. Они борются со своими инстинктами, стараясь по возможности умерщвлять свою плоть продолжительнымъ постомъ и изнурительными радѣніями.

Въ виду этого большой грѣхъ на душу берутъ тѣ изъ нашихъ писателей, которые изображаютъ собранія хлыстовъ въ видѣ какихъ-то вакханалій и разнузданныхъ оргій, въ родѣ тѣхъ, которыя еще такъ недавно устраивались у насъ разными «лигами свободной любви» и кружками, ставящими своимъ единственнымъ девизомъ: «лови моментъ!» Мы уже указывали въ печати, что отождествлять хлыстовъ съ участниками подобныхъ оргій, ставить ихъ на одну доску съ разными «огарками» и «санинцами» — прямо недобросовѣстно *).

Между тѣмъ съ легкой руки покойнаго Мельникова-Печерскаго, многіе наши писатели и теперь изображаютъ

*) См. нашу книгу: „Расколъ вверху“. Спб. 1909 г. стр. 33.

радѣнія хлыстовъ или «людей Божіихъ» не иначе, какъ въ духѣ извѣстнаго романа «Въ горахъ», въ которомъ Мельниковъ съ чисто-лубочной грубостью изобразилъ жизнь хлыстовъ и притомъ исключительно съ одной внѣшней стороны, совершенно не проникая въ психологію этихъ сектантовъ.

Такъ, на примѣръ, еще недавно Д. С. Мережковскій въ своемъ романѣ «Петръ I» далъ цѣлый рядъ картинъ и описаній хлыстовскихъ радѣній въ томъ же грубо-лубочномъ тонѣ, причемъ авторъ не поскупился самымъ смачнымъ образомъ разрисовать эротическія сцены, чтобы возможно ярче иллюстрировать хлыстовское сладострастіе, хлыстовскій развратъ.

Но автору показалось мало изобразить хлыстовъ людьми безнравственными и предающимся грубому половому разврату,—онъ пошелъ гораздо дальше и выставилъ ихъ изувѣрами, убійцами и даже людоедами. Хлысты г. Мережковскаго совершаютъ ритуальныя убійства, причащаются человѣческой кровью и чуть ли не заѣдаютъ кусочками человѣческаго тѣла... Дальше этого, конечно, идти уже некуда!..

Если въ такомъ видѣ изображаетъ «людей Божіихъ» г. Мережковскій, который въ своихъ писаніяхъ какъ ни какъ рисуется человѣкомъ не только интересующимся религіозными исканіями, но и сочувствующимъ имъ, то что же сказать о господахъ модернистахъ, въ стилѣ, на примѣръ, Андрея Бѣлаго, автора пресловутаго «Серебрянаго голубя»?

Вообще прослѣдить изображеніе сектантства и особенно мистическихъ сектъ въ нашей художественной литературѣ представляется не только интереснымъ, но и существенно важнымъ съ разныхъ точекъ зрѣнія. Это мы и попытаемся сдѣлать въ одной изъ своихъ будущихъ работъ. А сейчасъ скажемъ нѣсколько словъ объ отношеніи нашего уголовного закона къ послѣдователямъ «изувѣрныхъ и безнравственныхъ сектъ».

Въ законѣ 14 марта 1906 года о явно безнравственныхъ и изувѣрныхъ ученіяхъ говорится такъ:

«Виновный въ принадлежности къ изувѣрному ученію, соединенному съ изувѣрнымъ посягательствомъ на жизнь свою или другихъ, или съ оскотпленіемъ себя или другихъ, или съ явно безнравственными дѣйствіями, наказывається ссылкой на поселеніе въ особо предназначенныя для сихъ осужденныхъ мѣстности».

Такъ гласить статья 96 уголовного уложенія. По этой самой статьѣ и предъявлено обвиненіе противъ московскихъ «братцевъ» и «трезвенниковъ». Ясно, что объ «изувѣрности» въ данномъ случаѣ не можетъ быть и рѣчи, — это вполне очевидно для каждаго, кто хотя сколько-нибудь знакомъ съ движеніемъ, вызваннымъ братцами. Такимъ образомъ остаются лишь «явно безнравственныя дѣйствія», но въ чемъ именно московскія духовныя и судебныя власти усматриваютъ подобныя дѣйствія, сейчасъ, до суда, сказать, разумѣется невозможно.

Во всякомъ случаѣ до сихъ поръ «безнравственность» братцевъ и трезвенниковъ рѣшительно ничѣмъ не доказана, и всѣ нареканія на нихъ въ этомъ смыслѣ являются совершенно голословными. Слѣдовательно остаются только ихъ вѣрованія, ихъ религіозныя убѣжденія, въ которыхъ господа Айвазовы усматриваютъ сходство съ религіозными взглядами «людей божіихъ» или хлыстовъ. Но развѣ теперь, послѣ манифестовъ 1905 года, возможно преслѣдовать людей за ихъ религіозныя убѣжденія?

Одно изъ главныхъ обвиненій противъ трезвенниковъ, выставляемыхъ миссіонерами, заключается въ томъ, что они будто бы обожествляютъ своего учителя «братца Іоанна», считаютъ его не только своимъ руководителемъ и духовнымъ вождемъ, но и Спасителемъ. Въ этомъ миссіонеры видятъ яркій признакъ хлыстовства, которое, какъ извѣстно, признаетъ живыхъ Христовъ, живыхъ Боговъ.

Но такъ ли это въ дѣйствительности?—объ этомъ мис-

сіонеры типа à la Скворцовъ совсѣмъ не задумываются. Между тѣмъ, по нашему мнѣнію, дѣло объясняется гораздо проще.

Одна свѣтская дама, — очень религіозная и вполне православная, — посѣтившая изъ любопытства бесѣду братца Чурикова, рассказывала намъ о вынесенномъ ею впечатлѣніи. Судя по ея словамъ, больше всего ее поразило то въ высшей степени благоговѣйное настроеніе, которымъ была проникнута аудиторія, собравшаяся слушать проповѣдь «братца».

Еще задолго до начала проповѣди, на дворѣ братца образовалась густая, сплошная толпа трезвенниковъ, которые терпѣливо ждали того момента, когда ихъ должны были впустить въ помѣщеніе, гдѣ происходятъ «бесѣды». Приподнятое настроеніе собравшихся постепенно нарастало все больше и больше. Это особенно стало замѣтно съ переходомъ собравшихся въ залъ, въ которомъ они должны были услышать проповѣдь.

— Сейчасъ войдетъ дорогой братецъ!

— Сейчасъ войдетъ нашъ дорогой! — говорили кругомъ и по тону, какимъ произносились эти фразы, было ясно, насколько дѣйствительно дорогъ этимъ людямъ проповѣдникъ, котораго они такъ страстно ожидали.

Стоявшая около дамы какая-то дѣвушка въ платочкѣ, лѣтъ 18-ти, восторженно проговорила: — «Сейчасъ, сейчасъ войдетъ нашъ спаситель!»

Эти слова задѣли и возмутили религіозное чувство свѣтской дамы.

— Милая, — наставительно сказала она, обращаясь къ дѣвушкѣ, — ты забываешь, что нашъ Спаситель — Христосъ, а не братецъ.

Однако это замѣчаніе не смутило дѣвушки.

— Братецъ спасъ меня, мою мать, отца и всю нашу семью, — съ убѣжденіемъ проговорила она. — Поэтому мы и зовемъ его своимъ спасителемъ.

— Какъ же онъ васъ спасъ? — съ явнымъ недоувѣремъ спрашиваетъ дама.

— Такъ и спасъ... Отецъ мой былъ погибшій человекъ, мастерство свое забросилъ... пилъ мертвую, все тащилъ изъ дому, все съ себя пропивалъ, до послѣдней рубашки... ходилъ въ опоркахъ, босякомъ. Мать тиранилъ, на улицу выгонялъ, насъ всѣхъ дѣтей мучилъ и билъ чѣмъ попадетъ. Сколько мы ни бились съ нимъ—ничто не помогало! И къ священникамъ ходили, и въ участокъ, и судились, и молебны служили, и обѣщанія разныя давали — нѣтъ пользы никакой!

— Добрые люди направили къ братцу. Мать сходила на бесѣду, рассказала ему про наше горе, попросила пріѣхать къ намъ, горькимъ... Братецъ пріѣхалъ, отца изъ петли вынулъ, поговорилъ съ нимъ, помолился со всѣми нами, заплакали мы всѣ вволю, и съ тѣхъ самыхъ поръ мы свѣтъ увидали. Батюшка пересталъ пить вино, началъ трудиться, началъ деньги зарабатывать. Прежде мы то и дѣло безъ куска хлѣба сидѣли, отъ голода, отъ холода дрожали... избитые... Мать въ синякахъ ходила. А теперь, слава Богу, мы и сыты, и обуты, и одѣты. Живемъ въ спокойствіи, какъ люди... не нарадуемся... А все черезъ «братца», все черезъ него. Какъ же намъ не почитать его за своего спасителя?

Отсюда ясно, что «братецъ Іоаннъ» для его почитателей является дѣйствительнымъ, реальнымъ спасителемъ, но отнюдь не Спасителемъ-Христомъ. Объ этомъ не мѣшало бы подумать господамъ и отцамъ миссіонерамъ, возбуждающимъ обвиненія противъ «братцевъ».

Миссіонеры въ духѣ г. Скворцова и теперь мечтаютъ только о томъ, чтобы какъ-нибудь скрутить «братца» и лишить его возможности вліять на народъ. Трудно, конечно, сказать, суждено-ли будетъ осуществиться этимъ мечтамъ.

Дѣло въ томъ, что почти всѣ тѣ репрессіи и скорпіоны,

какіе только имѣлись въ распоряженіи властей, давно уже испробованы на Чуриковѣ, и всѣ они оказались совершенно безсильными, чтобы парализовать вліяніе «братца» на низы столичнаго населенія.

Его и высылали изъ Петербурга, и гоняли по этапу, и арестовывали, и сажали въ сумасшедшій домъ и заточали въ монастырскую тюрьму,—но увь!—ничто не помогло!.. Правда, до сихъ поръ остаются еще два средства, которыя не были примѣнены къ Чурикову: это отлученіе отъ церкви,—анафема,—а второе—судъ.

Но опытъ отлученія отъ церкви «московскихъ братцевъ», какъ мы сейчасъ видѣли, имѣлъ такія печальныя для духовныхъ властей послѣдствія, что врядъ ли у нихъ явится желаніе повторить еще разъ этотъ опытъ надъ Чуриковымъ. Что же касается до суда, то я полагаю, что «братцу Иванушкѣ» едва-ли есть какія-нибудь основанія его бояться.

Тѣмъ же господамъ и отцамъ миссіонерамъ, которые до сихъ поръ продолжаютъ настаивать на отлученіи отъ церкви братца Іоанна Чурикова и его послѣдователей, необходимо помнить то, что говорили трезвенники іеромонаху Веніамину.

— «Намъ вѣдь все равно,—заявляли трезвенники,—хоть сейчасъ отлучай насъ всѣхъ, намъ все равно... Мы отъ братца не отойдемъ» *)...

При такомъ настроеніи, какія-же послѣдствія можно ожидать отъ анафемы и отлученія?

А.С. ПРУГАВИНЪ

„БРАТЦЫ“ и ТРЕЗВЕННИКИ М. 1912

*) Іеромонахъ Веніаминъ: „Подмѣна христіанства“ Спб., 1911 г. Стр. 14.

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ ПРОДАЮТСЯ
СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ

А. С. Пругавина:

Религіозные отщепенцы. Очерки современнаго сектантства. Второе изд. „Посредника“. Москва, 1906 г. Два выпуска. Выпускъ первый. Десятая тысяча. Ц. 75 к.

Содержаніе: Скутаевцы.—Проповѣдники мира, любви и братства.—Апостоль Зосима.—Еретики.

Выпускъ второй. Шестая тысяча. Москва. 1906 г. Ц. 75 к.

Содержаніе: Немоляки. — Медальщики. — „Вредныя секты“ Бѣгуны. Неплательщики. Лучинковцы. — Новая секта (сѣкачи). — Штунда среди великороссовъ. — Бѣлоризцы. — Интеллигентная секта.—Десное братство.

Монастырскія тюрьмы. Второе дополненное изд. „Посредника“. Москва, 1906 г. Двѣнадцатая тысяча. Ц. 80 к.

Содержаніе: Монастырскія тюрьмы и монастырскіе узники.—Конецъ Соловецкой тюрьмы. — Предполагавшееся заточеніе графа Л. Н. Толстого въ Суздальскій монастырь.—Монастырскія заточенія послѣдняго времени.—Одинъ изъ суздальскихъ узниковъ.

Расколъ вверху. Очерки религіозныхъ исканій въ привилегированной средѣ. Изд. т-ва „Обществ. Польза“. Спб., 1909 г. Ц. 1 р.

Въ назематахъ. Очерки и матеріалы по исторіи русскихъ тюремъ.—Шлиссельбургъ.—Суздальская тюрьма. — Петропавловская крѣпость. Спб., 1909 г. Ц. 1 р.

Голодающее крестьянство. Очерки голодовки 1898—99 г. Изд. „Посредника“. М., 1906 г. Цѣна 85 к.

Содержаніе: I. Поѣздка по голоднымъ и цынготнымъ мѣстамъ.—На Волгѣ.—Жертвы голода.—Сестра милосердія.—Голодь во всемъ его ужасѣ.—Студенты на голодѣ.—Необыкновенная дѣвушка.—Печать, цензура и голодь.—II. Отчего голодали самарскіе крестьяне? Земство и бюрократія.—Вопли о хлѣбѣ.—Право кормить голодныхъ.—Письмо къ гр. Л. Н. Толстому.—Администраторы-крѣпостники.—„Люди пухнуть“.—Послѣ голодовки.

Старообрядческіе архіереи въ Суздальской крѣпости. Очерки изъ исторіи раскола. По „секретнымъ дѣламъ“ официальныхъ архіеровъ. Съ иллюстр. и портр. епископовъ-узниковъ. М., 1908 г. Ц. 40 к.

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ ПРОДАЮТСЯ
СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ

А. С. Пругавина:

СТАРООБРЯДЧЕСТВО ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНѢ XIX ВѢКА.

Очерки изъ новѣйшей исторіи раскола. Москва, 1904 г.
Цѣна 1 руб.

Содержаніе: Два милліона или же двадцать милліоновъ?—Уральское старообрядчество.—Отчего растетъ расколъ?—Запросы и проявленія культурной жизни въ расколѣ.—Старообрядческіе архіереи въ Суздальской крѣпости.—Старообрядч. епископъ Савватій.

РАСКОЛЬ И СЕКТАНТСТВО ВЪ РУССКОЙ НАРОДНОЙ ЖИЗНИ.

Москва, 1905 г. Цѣна 30 коп.

Содержаніе: Исканія правды. — Соціальные элементы въ расколѣ. — Отчеты и жизнь.—Темныя и свѣтлыя стороны раскола.

О ЛЬВѢ ТОЛСТОМЪ И О ТОЛСТОВЦАХЪ.

Очерки, воспоминанія, матеріалы. Москва, 1911 г. Цѣна 80 коп.

Содержаніе: Отъ автора. — Часть I.—О Львѣ Толстомъ.—Л. Н. Толстой въ голодовку 1873—74 гг. — Л. Толстой и самарскіе молокане.—Секретный циркуляръ.—Толстой и миссіонеры.—Л. Н. Толстой въ Москвѣ.—Письма и записочки Л. Н. Толстого.—Замыслы бюрократіи противъ Толстого. — Отлученіе отъ Церкви. (По официальнымъ даннымъ).—Часть II.—О толстовцахъ. — Толстовство, какъ секта. (По официальнымъ даннымъ). — Роль толстовства въ духовборческомъ движеніи.—(По отчетамъ г. оберъ-прокурора Св. Синода).—Толстовцы. — Письма толстовца Сережи Попова.—За Толстого.—Первый судебный процессъ толстовцевъ.

Всю корреспонденцію на имя автора слѣдуетъ направлять
по слѣдующему адресу:

С. - Петербургъ, Введенская, 17.

Александрѣ Степановичу Пругавину.

Н. В. ТУРКИНЪ (ДИЙ ОДИНОКІЙ).

Коммиссаржевская въ жизни и на сценѣ.

Съ 5 портретами на мѣловой бумагѣ.

Цѣна 80 коп.

Изъ отзывовъ печати:

Съ именемъ Коммиссаржевской у всѣхъ ея почитателей связано представление о непрекращающихся исканіяхъ и постоянной неудовлетворенности. Книга, названіе которой приведено выше, напомнитъ читателямъ вновь это представление. Проникнутая сочувствіемъ къ рано погибшему таланту, она вызоветъ передъ читателемъ мятущійся образъ мало жившей, но много пережившей знаменитой артистки.

Коммиссаржевская притягивала къ себѣ постоянной „жаждой познанія“, какъ выражается она въ одномъ письмѣ. Интересъ книги, изображающей ее „въ жизни и на сценѣ“, заключается въ яркомъ изображеніи этой стороны ея натуры, въ ознакомленіи читателя съ ея удивительно притягательнымъ, трогательнымъ образомъ.

(„Рус. Вѣд.“ 23/XI 910).

Въ Москвѣ вышла на дняхъ небольшая, задушевная книжка о покойной В. Ф. Коммиссаржевской. Написалъ книжку Н. В. Туркинъ, иллюстрировавъ многими интересными портретами и, вѣроятно, во многихъ читателяхъ всколыхнулъ недавнія воспоминанія... Всѣ эти 180 страницъ проникнуты грустью о безвременно погибшей артисткѣ... Все преподано „отъ души“, все обвѣяно искреннимъ лиризмомъ. Особенно интересны и полны годы провинціальныхъ скитаній бѣдной „чайки“. Ея тогдашнія письма къ друзьямъ полны тоски исканій и предугаданія судьбы... Увлечательное изложеніе воспоминаній воскрешаетъ жаръ увлеченія и овацій... Это большое достоинство небольшой симпатичной книжки.

Юр. Б.—въ.

(„Нов. Вр.“ 18/XI 910).

Авторъ прослѣдилъ жизнь знаменитой артистки съ ранняго дѣтства до могилы и нарисовалъ постепенную картину развитія ея таланта. Книга читается съ захватывающимъ интересомъ отъ первой до послѣдней страницы, ибо написана тепло, ярко и просто. Авторъ не гнался за эффектами, онъ хотѣлъ быть только правдивымъ, а это качество, какъ извѣстно, больше всего подкупаетъ читателя.

(„Гол. Мос.“ 11/XI 910).

Книгу г. Туркина нельзя читать безъ слезъ, потому что въ ней чувствуется любовь къ покойной. Читая книгу г-на Туркина, видишь В. Ф. не только знаменитой артисткой, но и человѣкомъ, милымъ, простымъ, понятнымъ, а потому близкимъ и любимымъ.

В. Ильнарская.

(„Нов. Сезона“ 3/XII 910).

Н. В. ТУРКИНЪ.

Загадки Жизни.

Цѣна 1 руб. 50 коп.

Печать вдумчивости, большой наблюдательности и любви къ человѣку лежитъ на книгѣ г. Туркина. Авторъ хорошо владѣетъ фабулой, выпукло рисуетъ фигуры своихъ героевъ, давалъ рядъ безхитростныхъ очерковъ въ такомъ же простомъ, безыскусственномъ сочетаніи событій, какъ это дѣлаетъ сама жизнь. Почти всѣ рассказы обвѣяны дымкой загадочности, что всегда придаетъ художественнымъ произведеніямъ особую прелесть. Сонъ, грезы, мечты... Все это переплетается въ нѣкоторыхъ рассказахъ г. Туркина съ дѣйствительностью и порой съ очень неожиданной стороны освѣщаетъ ее.

И.

(„Ран. Утро“, № 11, 1912).

Прелестная книжка въ отдѣльныхъ частяхъ. Нѣкоторые рассказы, напримеръ, „Озеро Гудило“, „Изнайка“—очень хороши. У автора прекрасный, сочный языкъ, легкій, живой діалогъ. Съ большимъ чувствомъ написана легенда объ „Озерѣ Гудилѣ“. Очаровательная сказка о вѣчномъ томленіи двухъ влюбленныхъ, наказанныхъ Богомъ за побѣгъ. Въ тотъ моментъ, когда юноша хотѣлъ поцѣловать свою возлюбленную, Богъ заключилъ ихъ во дворцѣ и раздѣлилъ хрустальной перегородкой. Они видятъ другъ друга, но во вѣки не могутъ слиться ихъ уста, никогда не обовьются руки милой вокругъ шеи юноши. И горькими слезами плачутъ возлюбленные. Озеро, на днѣ котораго стоятъ ихъ дворецъ-тюрьма, гудитъ отъ этихъ стоновъ и плача, и разноситъ по широкой степи горячую тоску. Стиль легенды очень хорошъ.

А. Л.

(„Приазовскій Край“, № 50, 1912).

В. ДАДОНОВЪ.

Вербицкая и ея романы „Ключи счастья“ и „Духъ времени“.

КРИТИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

Цѣна 35 коп.

Я. Берманъ.

Сущность прагматизма.

(НОВЫЯ ТЕЧЕНІЯ ВЪ НАУКѢ О МЫШЛЕНІИ).

СОДЕРЖАНІЕ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.—Глава первая. Прагматизмъ есть методъ. Ученіе объ истинѣ и заблужденіи у Джемса и Шиллера.—Глава вторая. Чикагская школа.—Дж. Дюи и его сотрудники. Бытіе и мысль. Познавательный процессъ. Функціональная теорія познанія.—Глава третья. Оцѣнка прагматизма. Апріоризмъ и психологизмъ въ теоріи познанія. Критика гносеологическаго апріоризма. Основныя тенденціи прагматизма. Заключение.

Цѣна 1 руб 75 коп.

Сборникъ воспоминаній о Л. Н. ТОЛСТОМЪ.

СОДЕРЖАНІЕ.

А. С. Пругавинъ. О парадоксахъ Л. Н. Толстого.—Н. В. Давыдовъ. Изъ воспоминаній о Л. Н. Толстомъ. (О пьесахъ—„Власть тьмы“, „Плоды просвѣщенія“ и „Живой трущ“).—Н. И. Тимковскій. 1) О Л. Н. Толстомъ. 2) Мои первыя свиданія съ Л. Н. Толстымъ.—И. Я. Гинцбургъ. Какъ я работалъ въ Ясной Полянѣ.—Оскаръ Блюменталь. Встрѣча со Львомъ Толстымъ.—А. М. Хирьяновъ. Изъ воспоминаній о Л. Н. Толстомъ.—Л. Б. Бертенсонъ. Страничка къ воспоминаніямъ о Л. Н. Толстомъ.—С. Н. Шульгинъ. Изъ воспоминаній о гр. Л. Н. Толстомъ (о „Хаджи-Муратѣ“). — И. Я. Гинцбургъ. 1) Стасовъ у Толстого. 2) Радость жизни.—И. Ф. Наживинъ. Изъ бесѣдъ въ Ясной Полянѣ.—И. К. Пархоменко. Три дня у Толстого.—В. Г. Малахіева-Мировичъ. Въ Ясной Полянѣ.

Цѣна 1 руб.

ИЗЪ ОТЗЫВОВЪ ПЕЧАТИ.

...Вы видите здѣсь и скульптора, робко изображающаго Л. Н. изъ глины, и предѣдателя окружнаго суда, дающаго Л. Н. матерьялъ для его драматическихъ произведеній, и жителя Малайскаго архипелага, вносящаго струю христіанской любви въ борьбу европейцевъ съ туземцами изъ-за колониальной политики. Интересенъ разсказъ Тимковскаго, стоящаго совсѣмъ на иной точкѣ зрѣнія, чѣмъ Левъ Николаевичъ, многое видящаго поэтому какъ-то вкось, но тѣмъ не менѣе находящагося постоянно подъ вліяніемъ великаго человѣка.

Живой разсказъ Малахіевой-Мировичъ сразу переноситъ васъ въ бесѣду съ Л. Н., и вы чувствуете и силу любви, и силу гнѣва, и напряженность борьбы, происходящей въ немъ, и мягкость, и ласку въ обращеніи съ людьми.

Книгу эту можно смѣло рекомендовать всѣмъ, кому дорога память о Левѣ Николаевичѣ.

„Утро Россіи“, 5 ноября 1911 г.

П. Бирюковъ.

... Настоящій сборникъ имѣетъ большой интересъ и читается съ большимъ и неослабимымъ вниманіемъ. Когда рядъ такихъ статей собранъ водно, то, независимо отъ достоинства каждаго отдѣльнаго отрывка, всѣ вмѣстѣ, они приобрѣтаютъ новую и весьма существенную цѣнность. Сборникъ даетъ любопытную возможность слѣдить, какъ преломляется впечатлѣніе отъ гениальнаго писателя земли русской въ душѣ различныхъ людей, что они выносятъ изъ общенія съ гениемъ. Здѣсь есть воспоминанія старыхъ личныхъ друзей Льва Николаевича, которые, такъ сказать, давно привыкли къ нему (напр. Н. В. Давыдова), художниковъ и скульпторовъ (Пархоменко и Гинцбурга), пріѣзжавшихъ въ Ясную Поляну, чтобы работать надъ Толстымъ, толстовцевъ, являвшихся для разрѣшенія сомнѣній, и, наконецъ, знатныхъ путешественниковъ, добивавшихся знакомства съ міровой знаменитостью (Оскара Блюментала, б. директора Лессингъ-театра), врача, лечившаго Толстого въ критическій моментъ состоянія его здоровья. Издана книга весьма опрятно.

„Рѣчь“, 24 октября 1911 г.

Въ цѣломъ книга представляетъ несомнѣнный интересъ, воспроизводя картины изъ внѣшней и внутренней жизни „великаго писателя земли русской“. Въ занятіяхъ, мысляхъ и интересахъ Л. Н. Толстого, въ отношеніяхъ его къ окружающимъ людямъ—во всемъ поражала глубина всеобъемлющей души.

Въ общемъ, книга даетъ интересный матеріалъ, и выпускъ ея, а также внѣшность изданія, можно считать заслугой изд. „Златоцвѣтъ“.

„Полт. Рѣчь“, 23 октября 1911 г.

П. М-нъ.